

Научный и общественно-политический журнал

СОЦИОЛОГИЯ ВЛАСТИ

Sociology of Power

Vol. 36. No 2 (2024)

THE RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY

AND PUBLIC ADMINISTRATION

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
АКАДЕМИЯ

Социология ВЛАСТИ

Издается с 1989 года на русском
и английском языке

Выходит четыре раза в год

Том 36 № 2 2024

Редакция:

К.соц.н. Смолькин А. А., РАНХиГС, Москва, РФ (*главный редактор*), Напреенко И. В., НИУ ВШЭ, Москва, РФ (*научный редактор*), Кловайт Н., университет Падерборна, Падерборн, Германия (*редактор англоязычных материалов*), Крощенко Е. В., РАНХиГС, Москва, РФ (*администратор*)

Редакционная коллегия:

Мау В. А., д-р экон. наук, профессор, РАНХиГС (Москва, Россия)
Михель Д. В., д-р филос. наук, профессор, ИНИОН РАН (Москва, Россия)
Моррис Дж., PhD, Орхусский университет (Орхус, Дания)
Соколов М. М., канд. социол. наук, Европейский Университет (Санкт-Петербург, Россия)
Сперо Э., PhD, Массачусетский технологический институт (Кембридж, США)
Столярова О. Е., д-р филос. наук, профессор, Институт философии РАН (Москва, Россия)
Титков А. С., канд. геогр. наук, Университет Манчестера (Манчестер, Великобритания)
Утехин И. В., канд. ист. наук, Европейский Университет (Санкт-Петербург, Россия)
Филиппов А. Ф., д-р социол. наук, профессор НИУ ВШЭ (Москва, Россия)
Фрумин И. Д., д-р пед. наук, профессор, Университет Констрактер (Бремен, Германия)
Хиггс П., PhD, Университетский Колледж Лондона (Лондон, Великобритания)
Чалаков И., PhD, Университет Пловдива (Пловдив, Болгария)

Адрес редакции:

119602, Москва, пр. Вернадского, 82, стр. 3 (2 корпус)

Адрес издателя:

119602, Москва, пр. Вернадского, 84, корп. 3

<https://socofpower.ranepa.ru>

soc.of.power@gmail.com

Отпечатано в типографии ИД «Дело»

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77 — 46715 от 23.09.2011

Входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ России (К1).

Индексируется в RSCI, DOAJ, UlrichsWeb, Erih+ и других базах данных

© РАНХиГС (дизайн, верстка), 2024

© Авторы, 2024

ISSN 2074-0492 (PRINT)

ISSN 2413-144X (ONLINE)

Социология
ВЛАСТИ
Том 36
№ 2 (2024)

Sociology of Power [Sotsiologiya vlasti]

Vol. 36. No 2, 2024

Founder: The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Published since 1989

Frequency: quarterly

Editorial Office:

Anton A. Smolkin, PhD, RANEPa, Moscow, Russian Federation (editor-in-chief), Ivan V. Napreenko, HSE University, Moscow, Russian Federation (scientific editor), Nils Klowait, Paderborn University, Paderborn, Germany (editor of the English content), Ekaterina V. Kroshchenko, RANEPa, Moscow, Russian Federation (manager)

Editorial board:

Paul Higgs, PhD (University College London, London, UK)
Alexander F. Filippov, PhD (HSE University, Moscow, Russian Federation)
Issak D. Frumin, PhD (Constructor University, Bremen, Germany)
Vladimir A. Mau, PhD (RANEPa, Moscow, Russian Federation)
Dmitry V. Mikhel, PhD (INION, Moscow, Russian Federation)
Jeremy Morris, PhD (Aarhus University, Aarhus, Denmark)
Mikhail M. Sokolov, PhD (European University, St. Petersburg, Russian Federation)
Ellan Spero, PhD (MIT, Cambridge, USA)
Olga E. Stolyarova, PhD (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
Ivan Tchalakov, PhD (University of Plovdiv, Plovdiv, Bulgaria)
Alexey S. Titkov, PhD (University of Manchester, Manchester, UK)
Ilia V. Utekhin, PhD (EU, St. Petersburg, Russian Federation)

Editorial address:

82, Vernadskogo Ave, Moscow, 119602, Russian Federation

Indexed in RSCI, DOAJ, UlrichsWeb, Erih+ and others

<https://socofpower.ranepa.ru>

soc.of.power@gmail.com

Printed at "Delo" printing house

© RANEPa (design, layout), 2024

© Authors, 2024

Содержание

Социология медицины и здоровья

-
- 8 АНАСТАСИЯ А. НОВКУНСКАЯ, АРТЕМИЙ А. МИНАКОВ,
АННА А. КЛЕПИКОВА
*Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург,
Российская Федерация*
«Бумажное тело»: бюрократическое и правовое
измерения траектории новорожденного пациента
в неонатологии
-
- 34 ИЛЬЯ УТЕХИН
*Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург,
Российская Федерация*
ДАВИД ОГАНЯН
Независимый исследователь, Санкт-Петербург, Российская Федерация
«Давайте по порядку»: элементы перформанса
в диагностическом интервью в психиатрии
-
- 55 ДМИТРИЙ М. РОГОЗИН
РАНХиГС; Институт социологии РАН, Москва, Российская Федерация
Здоровый образ жизни в старости

Статьи

-
- 78 АНАСТАСИЯ Д. КАЗУН, ДАРЬЯ В. ПЕТРОВА
НИУ ВШЭ, Москва, Российская Федерация
Понимаю, но не одобряю: Как люди, избегающие новостей,
и думскроллеры воспринимают друг друга?
-
- 97 АНАСТАСИЯ П. ГОЛУБЕВА
Независимый исследователь, Москва, Российская Федерация
Общественный договор — жертвоприношение? Жорж Батай
и критика «Левиафана»
-
- 113 АНДРЕЙ И. ЖДАНОВ
НИУ ВШЭ, Москва, Российская Федерация
АНДРЕЙ В. КОРОТАЕВ
НИУ ВШЭ; Институт Африки РАН, Москва, Российская Федерация
Инфляционное давление и революционная дестабилизация:
оценка воздействия и сравнительный анализ

-
- 142 МИХАИЛ Д. БЕЛОВ
*НИУ ВШЭ, Москва, Российская Федерация; Калифорнийский университет
в Лос-Анджелесе, Лос-Анджелес, США*
АНТОН П. КАЗУН
НИУ ВШЭ, Москва, Российская Федерация
Берегись его автомобиля: почему мужчины за рулем опаснее
женщин?

Переводы

-
- 164 НАТАЛИЯ А. ВОЛКОВА
BISAM Central Asia, Алматы, Казахстан
(Не)возможности перевода: о любви к жестким материалам
и твердым объектам

-
- 170 ЭРИК РИТВЕЛЬД, ЮЛИАН КИВЕРСТЕЙН
Богатый ландшафт аффордансов

Рецензии

-
- 207 ДМИТРИЙ Ю. КРАЛЕЧКИН
РАНХиГС, Москва, Российская Федерация
От имитаций разума к имитации контроля. Рецензия на книгу:
Пасквинелли М. (2024) Измерять и навязывать. Социальная
история искусственного интеллекта, М.: Индивидуум

-
- 219 ИРИНА В. МИХЕЛЬ
ИНИОН РАН, Москва, Российская Федерация
Эпидемии и самоизоляция на Востоке. Рецензия на книгу:
Эпидемии, уединение, дистанцирование: многовековой путь
Востока: коллективная монография (2023). Сост. и отв. ред.
И.А. Царегородцева, М.: Издательский дом Высшей школы
экономики

Table of Contents

Sociology of Medicine and Health

-
- 8 ANASTASIA A. NOVKUNSKAYA, ARTEMIY A. MINAKOV,
ANNA A. KLEPIKOVA
European University at St. Petersburg. St. Petersburg, Russian Federation
Paper Body: Bureaucratic and Legal Dimensions of the Newborn
Patient's Trajectory Within Neonatal Care
-
- 34 ILYA UTEKHIN
European University at St. Petersburg, Russian Federation
DAVID V. OGANYAN
Independent researcher, St. Petersburg, Russian Federation
“Let's Speak in Order”: Diagnostic Interviews in a Psychiatric Ward
as Performance
-
- 55 DMITRY M. ROGOZIN
RANEPa; Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russian Federation
Healthy Lifestyle in Old Age

Articles

-
- 78 ANASTASIA D. KAZUN, DARIA V. PETROVA
HSE University, Moscow, Russian Federation
May Understand, but Cannot Relate: How Do News Avoiders and
Doomscrollers Perceive Each Other?
-
- 97 ANASTASIA P. GOLUBEVA
Independent researcher, Moscow, Russian Federation
Is the Social Contract a Sacrifice? Georges Bataille and the Critique
of Leviathan
-
- 113 ANDREY I. ZHDANOV
*HSE University, Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russian Federation*
ANDREY V. KOROTAYEV
*HSE University; Institute for African Studies RAS, Moscow,
Russian Federation*
Inflationary Pressure and Revolutionary Destabilization: Impact
Assessment and Comparative Analysis

-
- 142 MIKAEL D. BELOV
HSE University, Moscow, Russian Federation; The University of California, Los Angeles, USA
ANTON P. KAZUN
HSE University, Moscow, Russian Federation
Beware of His Car: Why Are Men More Dangerous than Women Behind the Wheel?

Translations

-
- 164 NATALIA A. VOLKOVA
BISAM Central Asia, Almaty, Kazakhstan
(Im)Possibility of Translation: On the Love of Hard Materials and Solid Objects

-
- 170 ERIK RIETVELD, JULIAN KIVERSTEIN
A Rich Landscape of Affordances

Book Reviews

-
- 207 DMITRY YU. KRALECHKIN
RANEPa, Moscow, Russian Federation
From Imitations of Mind to Imitations of Control. Book Review:
Pasquinelli M. (2024) *the Eye of the Master: A Social History of Artificial Intelligence, Individuum*

-
- 219 IRINA V. MIKHEL
INION RAN, Moscow, Russian Federation
Epidemics and Self-Isolation in the East. Book Review: Epidemics, Seclusion, Distancing: The Centuries-Old Path of the East: Collective Monograph (2023) Ed. by I.A. Tsaregorodtseva. Moscow: HSE Publishing House

Социология медицины и здоровья

«Бумажное тело»: бюрократическое и правовое измерения траектории новорожденного пациента в неонатологии

Рекомендация для цитирования:

Новкунская А. А., Минаков А. А.,
Клепикова А. А. (2024) «Бумажное
тело»: бюрократическое и право-
вое измерения траектории ново-
рожденного пациента в неонатоло-
гии. *Социология власти*, 36 (2): 8-33.
[https://doi.org/10.22394/2074-0492-
2024-2-8-33](https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-2-8-33)

For citations:

Novkunskaia A. A., Minakov A. A.,
Klepikova A. A. (2024) 'Paper Body':
Bureaucratic and Legal Dimensions
of the Newborn Patient's Trajectory
Within Neonatal Care. *Sociology of
Power*, 36 (2): 8-33.
[https://doi.org/10.22394/2074-0492-
2024-2-8-33](https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-2-8-33)

Поступила в редакцию: 19.06.2024;
прошла рецензирование: 13.07.2024;
принята в печать: 15.07.2024
Received: 19.06.2024; Revised:
13.07.2024; Accepted for publication:
15.07.2024

This article is an open access article
distributed under the terms and
conditions of the Creative Commons
Attribution (CC BY) license ([https://
creativecommons.org/licenses/
by/4.0/](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)).

© 2024 by the author(s).

АНАСТАСИЯ А. НОВКУНСКАЯ

Европейский университет в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

ORCID: 0000-0001-9729-6941

АРТЕМИЙ А. МИНАКОВ

Европейский университет в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

ORCID: 0009-0008-7498-3026

АННА А. КЛЕПИКОВА

Европейский университет в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

ORCID: 0000-0003-2703-5417

Резюме:

Данная статья посвящена исследованию бюро-
кратического, правового и экономического из-
мерений работы неонатальной службы. Ана-
литически опираясь на некоторые положения
неовеберианского подхода в социологии про-
фессий и антропологии бюрократии в меди-
цине, мы предлагаем посмотреть на медицин-
ские документы и практики их оформления
как на одновременно конституирующий эле-
мент медицинской практики и организацион-
ную инфраструктуру, обеспечивающую коор-
динацию разных профессиональных групп

и их взаимодействий с пациентами. В частности, мы определяем эту часть работы врачей, сотрудников сестринского звена и организаторов здравоохранения в контексте оказания реанимационной помощи новорожденным как процесс создания и модификации их «бумажного тела», то есть сопровождающего процесс лечения и маршрутизации пациента документооборота. Эмпирически исследование опирается на данные, собранные в рамках проекта «Рождение пациента»: дневники включенных наблюдений врача реаниматолога-неонатолога, этнографические наблюдения социальных исследователей, фокус-группы с сотрудниками отделений реанимации новорожденных и интервью с медицинскими профессионалами и организаторами здравоохранения. В результате анализа этих данных мы обнаруживаем, что документальная история новорожденного пациента формируется во множественных ситуациях переговоров между разными медицинскими профессионалами и представителями разных медицинских учреждений. В некоторых случаях «бумажное тело» пациента оказывается основной определяющей его дальнейшей траектории (де)госпитализации. Мы также обнаруживаем, что формирование такой документальной биографии новорожденного пациента происходит не только в рамках его клинической истории, но отражает сложную систему распределения материальных и нематериальных ресурсов, которые и составляют службу помощи новорожденным и в некоторых случаях выходят за ее пределы.

9

Ключевые слова: медицинские организации, медицинские профессионалы, новорожденный пациент, неонатология, бюрократия

‘Paper Body’: Bureaucratic and Legal Dimensions of the Newborn Patient’s Trajectory Within Neonatal Care

Anastasia A. Novkunskaia

European University at St. Petersburg, St. Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-9729-6941

Artemiy A. Minakov

European University at St. Petersburg, St. Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0009-0008-7498-3026

Anna A. Klepikova

European University at St. Petersburg, St. Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-2703-5417

Abstract:

This article explores the bureaucratic, legal and economic dimensions of the neonatal care. Drawing analytically on the neo-Weberian approach in the sociology of professions [Freidson 2001] and the anthropology of bureaucracy in medicine [Berg 1996; Berg & Bowker 1997], we propose to analyse the medical documents and the practices of its composition as both a constitutive element of medical practice and as organisational infrastructure that ensures the coordination of different professional

groups and their interactions with patients. Specifically, we define this part of the work of doctors, nursing staff and health care managers in the context of neonatal resuscitation care as a process of creating and modifying a 'paper body' for their patients, i.e. all the document flow that accompanies the processes of treating and routing the patient. Empirically, the study relies on qualitative data collected within 'the Birth of the Patient' project: diaries of included observations of a neonatal intensive care physician, ethnographic observations by social researchers, focus groups with neonatal intensive care unit staff and interviews with medical professionals and healthcare managers. As a result of this data analysis, we find that the documentary history of the newborn patient is shaped by multiple negotiations between different medical professionals and representatives of different health care institutions. In some cases, the patient's 'paper body' turns out to be a major determinant of his or her future trajectory of (de)hospitalisation. We also find that the formation of such a documentary biography of a newborn patient does not directly correlate with his or her clinical condition, but reflects the complex system of distribution of material and non-material resources that constitute the newborn care service and in some cases goes beyond it.

Keywords: medical organizations, health professionals, newborn patient, neonatology, bureaucracy

10

Введение

В настоящее время работа медицинских профессионалов и тех организаций, в которых оказывается помощь новорожденным, сильно зависит от формальных и бюрократических правил и формируется в том числе нормативно-правовыми рамками и правоприменительными практиками. В целом достаточно сильная бюрократическая зарегулированность медицинской практики в России (а до этого — в СССР [Field 1957]) обычно описывается как неотъемлемая часть и важная характеристика данной системы здравоохранения [Мансуров, Юрченко 2004; Litvina et al. 2019]. В этом контексте «менеджеральная логика управления» [Freidson 2001] во многом доминирует и над рыночной, и над профессиональными логиками управления [Borozdina & Novkunskaya 2022], что изучается в первую очередь через призму ограниченной профессиональной автономии врачей и сотрудников сестринского звена [Borozdina 2018, 2023]. Мы бы хотели расширить эту дискуссию и посмотреть на то, как формальные правила и стандарты, правовые рамки и правоприменение в том числе влияют на судьбу новорожденных пациентов: на их правовой и гражданский статус, на их «карьеру пациентов» [Goffman 1959] внутри институционализированной медицинской помощи и даже на их символический или политический статус за пределами медицинского контекста.

В данной статье мы эмпирически покажем, как существующая система финансирования и регулирования медицинской помощи, а также противоречия внутри этой сферы влияют на траекторию госпитализации, диагностику и лечение новорожденных пациентов, которым нужна реанимационная помощь. Обращаясь к данным наблюдений, интервью и фокус-групп, мы реконструируем то, как во множестве ситуаций взаимодействия и коммуникаций новорожденный представляется в качестве «хозрасчетной единицы» или «юридических рисков». Это может проявляться и в решениях о госпитализации в определенное учреждение, если в нем есть свободная «койка», которую нужно занять, и наоборот — как пациенту символически возвращаются/присваиваются его социальные и культурные статусы, но только для того, чтобы такую койку освободить.

Итак, погружаясь в социальные ситуации, где новорожденный представлен прежде всего как набор экономических и правовых категорий, которые усердно подсчитываются, измеряются и распределяются между разными организациями, мы бы хотели, во-первых, показать противоречивость правового и экономического поля, в котором оказывается помощь новорожденным. Но, во-вторых, мы попробуем концептуализировать эти измерения неонатальной помощи, показав, что у новорожденного пациента есть не только физическое тело с определенным клиническим состоянием и социальные статусы, но также и бюрократическая, и правовая, и даже экономическая «сущности».

11

В первом разделе статьи мы попробуем описать, как формируется «бюрократическое тело» новорожденного пациента — во множественных ситуациях переговоров между разными медицинскими профессионалами и представителями различных медицинских учреждений создается его документная история, которая в определенных контекстах оказывается главной определяющей его дальнейшей траектории (де)госпитализации. Отдельно мы опишем, как это «бумажное тело» может «рождаться» еще до непосредственного рождения пациента и оставаться в системе медицинских коммуникаций значительно дольше, чем он (и после выписки, и в некоторых случаях — после смерти).

Затем мы попробуем показать, что формирование такой документальной биографии новорожденного пациента происходит не только в рамках его клинической истории, но отражает сложную систему распределения материальных и нематериальных ресурсов, которые и составляют службу помощи новорожденным.

Наконец, заключительный раздел статьи будет посвящен новорожденным пациентам, которые находятся в «серых зонах» всех перечисленных многочисленных бюрократических, финансовых и правовых контекстов. В этой части мы посмотрим на то, как формируется «бумажное тело» и траектория (де)госпитализации

пациентов, которые физически родились в изучаемом нами поле, но юридически недостаточно хорошо в него интегрированы. Эти эмпирические сюжеты, во-первых, обнаруживают, что, несмотря на сильную забюрократизированность системы медицинской помощи и множественный контроль работы медицинских профессионалов, в ней остаются «слепые зоны» — ниши неопределенности и противоречий, которые медицинским профессионалам приходится разрешать в ручном режиме. Во-вторых, истории таких пациентов показывают, что кроме уже упомянутых выше сущностей/идентичностей для них могут намеренно конструироваться и более широкие культурные измерения, связанные с этническими и религиозными традициями (или представлениями о них).

Данные и методы

12

Полевая работа по сбору эмпирических данных в рамках данного проекта проходила в одном из российских регионов. Точкой входа в поле стала транспортная бригада экстренной неонатальной помощи, которая включена в структуру одной из детских городских больниц. В поле нашего внимания попали несколько звеньев оказания медицинской помощи новорожденным: работа реанимационной транспортной бригады, реанимационные отделения новорожденных в родильных домах, отделения реанимации и патологии новорожденных педиатрических стационаров.

Методология и стратегия полевой работы во многом сложилась под влиянием того, что один из соавторов статьи — практикующий медик, его статус и профессиональные связи обусловили доступ к полю. Сбор эмпирических данных проходил с перерывами в период со второй половины 2019 — до ноября 2023 года и включал следующие методы:

1) анализ документов, касающихся в том числе порядка оказания неонатальной помощи и профессиональных стандартов работы неонатологов;

2) полуструктурированные интервью с врачами, в том числе заведующими отделений и другими организаторами здравоохранения, медицинскими сестрами, осуществляющими реанимационную и неонатологическую помощь (всего 17);

3) фокус-группы, посвященные эмоциональной работе врачей и медсестер разных звеньев неонатальной помощи (всего 6 фокус-групп, 33 участника);

4) самонаблюдение соавтора-медика в процессе собственной работы в качестве врача выездной реанимационной бригады — 33 дежурства (по 24 часа) на протяжении трехлетнего периода;

5) включенное наблюдение двух соавторов (социолога и антрополога) за работой медицинских сотрудников выездной реанимаци-

онной бригады, родильных домов и педиатрических стационаров — 7 наблюдений, продолжительностью 61 час.

Наше исследование получило этическое одобрение комиссии Санкт-Петербургской ассоциации социологов «СПАС», и в рамках проекта мы следовали ключевым этическим принципам социальных исследований. Наши информанты были осведомлены о том, что мы проводим исследование и давали информированное согласие на участие в нем в устной форме. Не желая ставить наших информантов в уязвимое положение и понимая чувствительность изучаемой проблематики, мы анонимизируем не только самих участников исследования, но и изучаемые медицинские организации и позиции/должность внутри них, а также даты проведенных наблюдений.

Пациент как единица учета

«Человек в современной культуре существует постольку, поскольку он зафиксирован и представлен в различного рода документах».
[Байбурин 2017: 9]

В своих наблюдениях и интервью во время полевой работы мы старались максимально приблизиться к непосредственному опыту работы врачей-неонатологов, медицинских сестер и других участников поля неонатальной помощи. Мы осознаем все методологические ограничения, связанные как с профессиональной ангажированностью автоэтнографических данных, так и со смещениями, создаваемыми внешними наблюдателями (социологом и антропологом). Тем не менее, используя данные, собранные разными методами и в рамках разных социальных позиций, мы приближались к описанию непосредственных профессиональных практик врачей и медицинских сестер и неспровоцированных исследователями коммуникативных ситуаций, а не только анализировали материалы, полученные в интервью, ход которого задан исследователем. Эти данные продемонстрировали более разнообразный набор измерений, в которых новорожденный пациент предстает в изучаемом поле. Как мы показали ранее [Минаков и др. 2022], пациент обладает не только (в значительной степени объективируемым со стороны медицинских профессионалов и медиализированным) физическим телом, но и социальными статусами, связанными с его/ее гендером, этничностью, экономическим классом семьи и другими характеристиками. Мы также обнаружили, что часть этих статусов предопределены формальными правилами оказания медицинской помощи, способом ее финансирования и организации. Эти контексты «пациентской карьеры» [Goffman 1959] новорожденного во многом остаются невидимыми для его семьи и сторонних наблюда-

телей, однако они оказывают не менее значимое влияние на его судьбу как внутри системы медицинской помощи, так и за ее непосредственными пределами, что мы покажем в дальнейшем. Вот как их описывает одна из наших информанток:

Все дело в том, что любое оказание медицинской помощи для непосвященных начинается и заканчивается исключительно, реально, на медицинской помощи, на необходимости правильной постановки диагноза, своевременного назначения лабораторных и интерпретативных анализов, правильного лечения здесь и сейчас. [Но] очень важные моменты, конечно, — правильная маршрутизация изначально. Будь то из квартиры, из родильного дома, из лечебного учреждения, с улицы. То есть это командная абсолютно работа, где здесь и сейчас должны приниматься правильные и своевременные решения и их реализации. Это действительно многоуровневый процесс, который... Как правила дорожного движения написаны на чьих-то трупах, так и наша медицинская помощь написана, к сожалению, от обратного. И она постоянно должна анализироваться, этим занимаются специально обученные люди. Пишутся законы, к законам издаются дополнения, и, действительно, это очень важная работа. И так, параллельно с переходом нашего здравоохранения на денежные рельсы — а стало это возможным после перехода на систему обязательного медицинского страхования — то возникла необходимость в создании определенных структур практически во всех лечебных учреждениях, независимо от формы собственности: частной или государственной, федеральное это учреждение на бюджетном финансировании или обыкновенная городская простая поликлиника. То есть возникла необходимость в создании вот таких вот служб, которые не от хорошей жизни, но разрастаются, которые занимаются, скажем так, правовым, финансовым сопровождением оказания медицинской помощи (интервью с организатором здравоохранения).

14

Эта обширная цитата обнаруживает сразу несколько проблем, значимых для последующего анализа: во-первых, в ней неразделимо связаны несколько разных измерений работы неонатальной службы — клиническое, организационное, законодательное, и финансовое. Во-вторых, информантка обнаруживает растущее влияние финансового и правового сопровождения неонатологической помощи, отраженное в том числе в сложной организационной структуре. И в-третьих, существующая система правил (как формальных, так и неформальных) определяется ею не как изолированное и «иностранное» медицинской работе явление, но как прямое следствие клинических решений и их результатов и как формирующие их условия.

В этом разделе мы попробуем разобраться в сложных переплетениях бюрократического, финансового и правового измерений неонатальной помощи и проследить, как именно они воплощаются в практиках врачей и медицинских сестер, а также в траекториях новорожденных пациентов.

В качестве эпиграфа к данному параграфу мы взяли цитату из книги Альберта Байбурина, посвященной советскому паспорту.

Такое утверждение может показаться читателю максималистским, однако для некоторых контекстов оно отражает высокую символическую значимость документов, которые одновременно могут рассматриваться как материальное воплощение государственного управления и контроля [Null 2008] и как формы, структурирующие социальные взаимодействия в медицине [Berg 1996]. Изучаемое нами эмпирическое поле определяется как минимум двумя такими контекстами: бюрократическими институтами постсоветской России, частично унаследованными еще из советской эпохи [Байбурин 2017], и особенностью медицинских организаций, в которых исторически диагнозы и их документное оформление могут рассматриваться как конструкции, воплощающие диагностические и терапевтические практики и социальные ожидания относительно различных заболеваний и способов их лечения [Rosenberg 2002].

Во множественных бюрократизирующих контекстах документное оформление пациента может рассматриваться как еще одно его «тело». В одном из наших предыдущих исследований мы уже предлагали концепцию «бумажного пациента» как набора медицинских коммуникаций и решений, опосредованных и воплощенных исключительно в форме документов [Клепикова и др. 2023]. В свою очередь, эту идею мы позаимствовали у Никиты Шевченко, занимающегося другим исследовательским сюжетом — «бумажным призывником» [2023]. В обоих случаях медицинская история пациента и личное дело призывника изучались как бюрократическое или документное «я» (file-self), то есть воплощенный в документах образ человека, создаваемый разными акторами в соответствии одновременно и с нормативными правилами, и с неформальными способами их обойти [Байбурин 2017; Fitzpatrick 2005].

Далее мы эмпирически обратимся ко множественным примерам того, как формируется «документное» или «бумажное» тело новорожденных пациентов и как уже созданная медицинская история может влиять на их дальнейшую маршрутизацию и лечение. Аналитически мы продолжим традицию антропологии бюрократии в медицине и проанализируем эти данные одновременно как конституирующий элемент медицинской практики [Berg 1996] и как организационную инфраструктуру, обеспечивающую координацию разных контекстов [Berg & Bowker 1997].

Документное тело

Мы перекладываем ребенка, я дописываю свою карту, и мы уезжаем. Через 30 минут в дороге, уже на подъезде к детской больнице, я открываю папку с документами и понимаю, что забыл все переводные бумаги (выписку, согласия и ксерокопии документов). <...> На посту врача нет. Я сразу обращаюсь к се-

стре: «Вы нас сейчас будете ругать, заранее прошу прощения — но мы забыли в роддоме все документы... зато ребенка не забыли!» Она: «Как все документы?!» (дневник включенного наблюдения, 2020).

В этом достаточно ироничном фрагменте автоэтнографического дневника мы обнаруживаем, что разного рода документы (как медицинские, так и связанные с его социальным статусом вроде полиса ОМС, СНИЛС, паспортных данных родителей, свидетельства о рождении и других) являются для работы врачей и медицинских сестер не менее значимой составляющей маршрутизации и лечения, чем сам ребенок. Недоуменное восклицание медсестры в диалоге с врачом реанимационно-консультативной службы показывает, насколько затрудняющим ее работу (работу отделения) может стать отсутствие нужных документов. По нашим наблюдениям и данным фокус-групп, сбор, заполнение и составление документов по времени и трудозатратам порой превышают непосредственно клиническую работу. Вместе с тем этой составляющей невозможно пренебречь. Более того, в некоторых случаях создание документной истории ребенка может начинаться еще до его рождения (например, в случае заболеваний и патологий, диагностированных внутриутробно):

16

Наталья звонит около 11 часов и сообщает, что в XX роддоме планируют кесарево сечение, ребенок с врожденным гидротораксом (жидкость в плевральной полости). Так как я не знаю, в каком состоянии ребенок родится, я звоню терапевсту и спрашиваю у него, есть ли на отделении свободные редукторы для оксида азота. <...> Едем в XX роддом. В роддоме нас встречают с радостью: «Вы так быстро приехали». В палате сестры ставят периферический венозный катетер. Заведующая говорит, что сейчас должны сделать снимок. Тоже удивляется, что мы быстро приехали. Осматриваю ребенка. Приезжает рентгенолог и делает снимок. Заведующая неонатологическим отделением роддома приносит мне заключение УЗИ из медико-генетического центра. Выписки еще нет, потому что мы приехали очень рано. Кто-то приводит отца ребенка <...> Спрашивает, много ли жидкости по сравнению с тем, что было внутриутробно. Я говорю: «Сейчас посмотрим снимки, и будет понятно» (дневник включенного наблюдения, 2020).

Медицинские документы, отражающие состояние ребенка, не только могут появляться до его рождения, как заключение из медико-генетического центра во фрагменте выше, но иногда «продолжают жить своей жизнью» и после того, как ребенок выписывается из медицинского учреждения. Чаще всего это происходит для составления отчетов по работе службы, решения статистических задач или из-за ошибок в оформлении документации:

[Медсестра-диспетчер] рассказывает про документацию на младенца от сентября 2019, что разные имена в полисе и в карточке. Ну, видимо, фамилии.

И что полис на «мамашку», а там перепутано имя и несоответствие. «Кто-то из вас перепутал». А папашка из Индии вообще! (дневник наблюдения, 2020).

Из приведенного фрагмента также следует, что «бумажный пациент» — это одновременно и «расширенный пациент», т.к. медицинская документация на новорожденного включает большой объем данных о его родителях (прежде всего — о матери), а в некоторых случаях составляется на основании только лишь их документов. Официально до 28-го дня жизни ребенок может «пользоваться» страховым полисом и СНИЛС одного из родителей.

Строгость заполнения разных форм и документов во многом predetermined возможными санкциями со стороны руководства разного уровня, страховых компаний, контрольно-надзорных органов и даже в некоторых случаях — правоприменителей. Здесь мы бы хотели отметить то, как именно формируется эта документация: то, что будет внесено в документную историю ребенка, является вопросом сложных переговоров между разными специалистами (фактически — являются воплощением этого переговорного порядка, см.: [Strauss et al. 1963]) и разными организациями, для каждого и каждой из которых, кроме общей официальной регуляторной рамки, будут значимы разные локальные формальные и неформальные правила. Как следствие, порой не все составляющие «бумажного тела» оказываются согласованы между собой, т.к. на разных этапах и в разных организациях может работать разная легальная рациональность, а иногда возникать прямой конфликт интересов. Наиболее острую форму такой конфликт интересов может приобретать при взаимодействии разных профессиональных групп — например, между акушерами-гинекологами и неонатологами:

[Выступление внештатного специалиста на конференции] Те данные (КТГ, баллы апгар), которые дают акушеры-гинекологи и которые мы смотрим на разборах младенческой смертности, не соответствуют действительности. «Призываю вас внимательно смотреть и следить!» (дневник наблюдения, 2023).

Конфликт интересов относительно того, какие данные и как именно отображать в медицинской истории ребенка, связан не только с различиями показателей по разным профилям помощи (акушерство и неонатология), но и с критериями в оценке работы разных этапов неонатальной помощи. Так, в материалах наблюдений и интервью нередко возникал сюжет, в котором сотрудники роддомов скорее склонны к умалчиванию определенных медицинских показателей новорожденных:

В какой-то момент врач роддома, отвернувшись от сотрудников транспортной бригады, показывает своей медсестре знак «молчи», но я не поняла, что они при этом обсуждали <...> [уже по дороге в педиатрический стационар] я спросила [у врача транспортной бригады] про то, что могут скрывать врачи роддома (про знак «молчи», который неонатолог показала медсестре). Мария отвечает, что скорее всего показатели сатурации были хуже и раньше, а не только когда приехала транспортная бригада, просто сотрудники РД не хотят брать на себя ответственность (дневник наблюдения, 2023).

Определенная педантичность и стратегия «не множить сущности» в вопросе оформления всех документов на ребенка — ошутимое отличие сотрудников транспортной реанимационной службы от других секторов неонатальной помощи (роддомов и педиатрических стационаров). Особенно заметно это становится в тех случаях, когда процесс оформления «документного тела» сопряжен с дополнительными трудностями — нехваткой официальных документов, языковыми барьерами между медицинскими сотрудниками и родителями новорожденного, (ночным) временем оформления пациентов и другими. Ниже представлена цитата из полевого дневника, описывающая комплекс сложностей создания нужной и точной документации, а также различия в том, как сотрудники разных секторов неонатальной помощи оценивают ее значимость:

18

Проходим в отделение реанимации роддома, местная врач представляет пациента «Кюльбе»¹ без полиса» (повторяет это два раза — не понимаю, с акцентом, что «без полиса» или что «Кюльбе») <...> Алина (врач транспортной бригады) пытается прочитать фамилию на бирке, ругается, что прочитать сложно (фамилия «Джуманинова», но в разных местах — в документах и на бирке написаны разные буквы Е и И), заходит еще один местный доктор, громко и со смехом сообщает про ребенка: «Кличка Джуманджи!», на негодование Алины о том, что фамилия указана с разными буквами, отвечает: «Сейчас мама придет, ты на своем у нее сама спросишь!»

Алина ругается, чтобы местные врачи исправили бирку и выяснили, какая буква нужна (Е или И), т.к. «это — единственный документ у ребенка!» <...>

*Заходит еще одна местная врач и тоже отвечает на негодование Алины про документы: «Ну подожди! У нее ни полиса, ни паспорта, ничего!» Продолжает уже с матом (но явно добродушно): «Ты на время посмотри, это в 4 часа ночи [пришла] ***нашка, которая “иш” сказать не может!» <...> Алина спрашивает Ксению (медсестра), нужна ли ей помощь [с подготовкой ребенка к транспортировке]? Ксения отвечает, что нет, заполняйте лучше документы.*

1 В данном случае не вполне понятно, что имеет в виду врач, но очевидно, что слово (по всей видимости, тюркского происхождения) призвано указать на этническое происхождение и гражданский статус пациента.

Алина продолжает с документами и показывает Ксении и мне какой-то документ, в котором вместо возраста или даты рождения матери указано «дата указана неверно» (смеются). Мне комментирует: «И это тоже часть нашей работы!» (дневник наблюдения, 2023)

Как минимум в нескольких фрагментах эмпирических данных, приведенных выше, можно также заметить, что «бумажное тело» — предмет обсуждений и договоренностей между разными медицинскими специалистами, что иллюстрирует «переговорный порядок» [Strauss et al. 1963] изучаемых учреждений. Но кроме того, здесь обнаруживается, что бюрократическое и клиническое измерения траектории новорожденного далеко не всегда полностью совпадают: то, что будет указано в документах, не обязательно отражает буквально произведенные медицинские манипуляции и медикаментозные назначения. В некоторых случаях такое несоответствие возникает по причине того, что нужно формально обосновать, например, перевод ребенка в педиатрический стационар:

Стол врача, Артур, Ольга. Смешно, что, когда Артур садился за стол, Ольга начинала шевелить губами, диктуя себе, как будто невольно воспринимала его как наблюдателя и контролера. Она советовалась с ним, что написать в диагнозе. «А то как-то грустно, полтора диагноза». Видимо, ей надо бумажно оправдать транспортировку ребенка. Интересный сюжет: что окажется достаточным для транспортировки и как реальность оформляется бумажно?» (дневник наблюдения, 2020).

19

В других случаях, наоборот, некоторые препараты, повсеместно используемые в неонатологии, имеют противопоказания, связанные с возрастом, что запрещает их назначение, либо требует проведения консилиума с письменным документированием результатов в истории болезни. Это связано и с тем, что применение некоторых медикаментов для терапии новорожденных недостаточно хорошо регламентировано на законодательном уровне¹:

Я спрашиваю Надежду (врач роддома), делала ли она реланиум. Она говорит, что нет, «мы сделали только парацетамол внутривенно, но не записывали. Мы ведь не можем!». Я не уточняю, почему «не можем», потому что я примерно знаю ответ. [Он разрешен по инструкции с 1 года. Но в клинических рекомендациях и на сайте Минздрава есть дозировки для новорожденных.] (дневник наблюдения, 2019).

1 Распоряжение Правительства Российской Федерации от 16.05.2022 № 1180-р позволяет назначать лекарственные препараты в соответствии с характеристиками, не указанными в инструкции.

Но также это может быть связано с локальными особенностями конкретного учреждения, режимом работы в определенные дни (выходные, когда остается меньше сотрудников, или дни плановой (де)госпитализации, когда увеличивается объем бумажной работы), временем суток (ночью):

Рассказываю про терапию, она упоминает, что фентанил закончился. Я спрашиваю, почему она его не продолжает. Карина объясняет, что в выходные существует проблема списания «наркотиков», так как нет членов комиссии. Я ставлю свой [то есть из ресурсов транспортной бригады, а не роддома] препарат (дневник наблюдения, 2019).

Забюрократизированность медицинской работы порой становится буквальным барьером для оказания необходимой медицинской помощи, ограничивая медицинских профессионалов в скорости непосредственно клинической работы:

<...> через несколько минут пришла доктор Лилюева. Она выглядела замоченной, хотя это было только начало смены: «Я не думала, что вы так быстро придете!» Я начал спрашивать у нее про ребенка, она сказала, что не очень вникала [в его состояние], так как у нее «выписка» [оформление документов, необходимых для дегоспитализации пациентов], и нет физически времени вникать в реанимационных детей (дневник наблюдения, 2020).

20

В некотором смысле оказывается, что медицинские организации — это место не только клинического наблюдения и лечения ребенка, но и место «рождения и лечения» его документов — официальных и социальных статусов, которые в том числе позволяют компенсировать оплату за оказанные медицинские услуги:

Когда историю болезни приносят после выписки, бывают случаи, когда выставить счет невозможно никуда, потому что тот пакет документов, который у ребенка был при входе, соответственно, остался таким же при выходе, невозможно выставить в систему оплаты, потому что в зависимости от того, какой объем помощи мы оказываем, если это обязательное медицинское страхование, то есть большая разница между [тем, это] полис нашего региона или полис другой территории. Если это высокие технологии, они вообще положены только для граждан Российской Федерации, имеющих постоянную регистрацию в нашем регионе. Поэтому 3 человека, 3 медсестры проверяют всех поступивших пациентов на наши круглосуточные койки круглосуточного стационара. Все, что поступило, смотрят диагнозы. И в зависимости от того, гражданин, не гражданин, прописан, не прописан — дальше связываются с родителями и параллельно с клиницистами, чтобы весь недостающий пакет документов был оформлен за время лечения ребенка в больнице (интервью с организатором здравоохранения).

Из приведенной выше цитаты видно, что необходимость создания целого (и «правильного») «бумажного тела» новорожденного возни-

кает во многом в связи с тем, что учреждение, в котором была оказана медицинская помощь, должно компенсировать материальные ресурсы, затраченные на нее. В следующем разделе мы попробуем более детально описать то, как устроено финансовое измерение работы службы неонатологии.

«Потери» больницы

Этот раздел посвящен системе финансирования изучаемой службы. Именно в этом измерении новорожденный пациент чаще всего предстает как единица учета — поскольку в зависимости от того, какой у него будет диагноз и как будет оформлена его медицинская история, медицинская организация сможет запросить компенсацию ресурсов, затраченных на его лечение и транспортировку. Нюансы финансирования медицинской помощи могут быть совсем не заметны для семьи ребенка — в большинстве случаев граждане Российской Федерации не платят за медицинскую помощь непосредственно, а ежемесячно отчисляют налоги в фонд медицинского страхования. Отсутствие непосредственных платежей медицинским организациям в перспективе пациентов и их родственников создают образ «бесплатного здравоохранения». Однако финансовые потоки внутри системы медицинской помощи напоминают ее кровоток — не всегда видимый, но критически значимый для обеспечения жизнедеятельности.

21

Для пациентов и их родственников платежи за оказанную медицинскую помощь могут стать заметными (и даже очень чувствительными) только в случаях, если пациент и его родители не имеют российского гражданства (об этом мы подробнее расскажем в заключительном разделе статьи), или если они изначально обращались в частные медицинские организации (роддома), или хотят оплатить дополнительные коммерческие услуги. Тем не менее в перспективе руководителей и менеджеров медицинских организаций никакая оказанная помощь не бесплатна — вопрос только в том, кто именно должен компенсировать расходы. Немаловажная работа в этом отношении заключается в правильном оформлении финансовых документов и счетов, которые выставляются или территориальному фонду ОМС, или региону, или федеральным источникам (например, при оплате высокотехнологичной помощи). Экономические затраты на медицинскую помощь в случае, если они не были компенсированы медицинской организацией, определяются в категориях «потери», поскольку за них приходится платить из собственного бюджета учреждения.

В работе медицинских организаций, оказывающих неонатологическую помощь, приходится учитывать много разных источников

финансирования (а следовательно — разных финансовых документов). Ключевым условием поддержания экономической устойчивости учреждения является кропотливое заполнение документов (вплоть до запятой), снижающее вероятность штрафов со стороны страховых компаний. Однако избегание штрафов — не единственный способ сэкономить средства и тем самым улучшить финансовое положение службы. Как это описывает заведующий в одном из роддомов другого региона, составление «документного тела» пациента определенным образом позволяет в некоторых случаях увеличить компенсацию за оказанную ему медицинскую помощь:

Я говорю [руководству роддома]: «<...> вот у вас поступил ребенок, вы ему открыли историю болезни, прокрутили ВМП, закрыли историю болезни, открыли по ОМС, туда-сюда...» А они такие: «В смысле, а что, так можно было?» Я говорю: «Да». Они такие: «Ну типа, нет, так нельзя». Позвали юристов, юристы посидели, у нас было там 5–6 таких встреч, как бы... <...> И по факту получается <...> история такая. То есть он у тебя поступил из родзала, у него нет истории болезни. У него история развития новорожденного. Ты ему засадал сурфактанты, провел ее по СДР, закрыл. И открыл историю стационарного больного. Перевел его через 10 дней на второй этап — закрыл историю, и там открыл новую историю по недоношенности. И вот он уже до выписки домой будет лежать по недоношенности. <...> А квоты там большие, там 450–500 тысяч (интервью с заведующим неонатальным отделением роддома в регионе N).

22

Именно сфера неонатологии оказывается наиболее «интенсивной» с точки зрения возможностей финансирования, даже по сравнению с другими направлениями педиатрии. Это связано и с высоким символическим статусом новорожденного в пронаталистской повестке государства (см., например: [Чернова 2013, Rivkin-Fish 2010]), и с тем, что реанимация и госпитализация новорожденных представляют собой более высокотехнологичную помощь с более высокими тарифами. Нюансы составления истории пациента и финансовых документов остаются во многом в юрисдикции организаторов здравоохранения (заведующих отделениями, заместителей главврачей и других управленцев). Однако необходимость «заработать» (получить компенсацию за оказанную помощь, особенно — высокотехнологичную, как наиболее высокооплачиваемую) создает своего рода конкуренцию между учреждениями (в силу принципа подушевого финансирования «деньги следуют за пациентом»):

В детской больнице нас встречают сестра и врач. Она спрашивает, как доехал ребенок. Я говорю, что ребенок «хороший», и кроме пареза, никаких проблем у него нет. Спрашиваю ее, ждут ли они еще кого-то, она отвечает: «Нет, мы этого-то еле выпросили!» И спрашивает у меня, много ли детей в регионе. Отвечаю, что дети [требующие госпитализации в педиатрические стацио-

нары] есть. Она тут же парирует: «Есть, да не про вашу честь!» (видимо, у них детей мало, и она этим недовольна) (дневник наблюдения, 2020).

Доминирование «рыночной» логики [Freidson 2001] над профессиональной проявляется прежде всего в необходимости «заполнять койки», то есть обеспечивать максимально возможную нагрузку на отделение в рамках экономической целесообразности:

Спрашиваю, в чем дело, зачем они [отделение реанимации новорожденных в педиатрическом стационаре] хотят перевода [к себе]? Чтобы смягчить вопрос, сразу говорю, что я не против съездить за ребенком, но вижу определенную непоследовательность в работе отделения: «То вы просите, чтобы они отлежались [в роддоме], то хотите перевести в первые часы». Спрашиваю его, какая у вас тактика по поводу маловесных детей? Он (вздыхая): «У нас нет тактики», и начинает говорить, что действительно кувеза¹ в свободном доступе прямо сейчас нет, но на отделении есть свободных 6 мест, и поэтому детей надо брать (дневник наблюдения, 2019).

В секторе роддомов та же логика максимизации «выгоды» (то есть максимального увеличения суммы счета, который можно выставить страховой компании) может проявляться в обратных ситуациях, когда новорожденного «ставят на учет» (то есть сообщают о необходимости его перевода в педиатрический стационар) и переводят только после того, как пройдет время его пребывания, необходимое для соответствия тарифу:

Идем смотреть на ребенка. Ребенок на соседнем посту — 1100 грамм на ИВЛ, стабильный. Я спрашиваю, почему он не стоит на учете? Врач роддома отвечает, что еще заведующая сказала поставить, только когда закончатся сутки, но при этом просила его перевести сегодня (дневник наблюдения, 2019).

Во фрагменте дневника, приведенном выше, время передачи ребенка сотрудникам реанимационно-консультативного центра оказывается точным расчетом между потребностью правильно «закрыть медицинскую историю» на этапе роддома и необходимостью вовремя передать сложного пациента, минимизируя риски его ухудшения. Политика роддомов, направленная на то, чтобы как можно дольше оставлять у себя пациентов, чье лечение оплачивается по более высокому тарифу, — не единственное проявление рыночной логики в поле медицинской помощи новорожденным. Например, внутри учреждения ребенок может быть приписан к разным отделениям, если пребывание на одном из них будет оплачиваться в другом объеме или из другого источника:

1 Инкубатора для выхаживания и перевозки младенцев.

Врач роддома спросила меня, за каким из детей я приехал. Она сказала, что сейчас его принесут от мамы, и добавила, что он числится за реанимацией, «деньги нам зарабатывает» [ребенок родился с аспирацией мекония и 7 часов нуждался в ИВЛ, но на момент перевода отмечалось значительное улучшение, и врачи ненадолго передали его маме] (дневник наблюдения, 2020).

24

В предыдущих разделах статьи мы описали условия оказания неонатальной помощи как крайне зарегулированные: необходимость поиска экономической компенсации оказанной помощи, забюрократизированность клинической и организационной работы и даже правовая уязвимость медицинских профессионалов по-разному, но достаточно сильно влияют на практики и клинические решения врачей и сестер. Вместе с тем существует целая категория пациентов, которая не всегда попадает под действие этих многочисленных формализованных правил, и их траектория лечения и выписки оказывается «на краю» или вне жестких институциональных и организационных условий, описанных выше. Случаи госпитализации пациентов без российского гражданства или документов легализации в стране наиболее ярко показывают сконструированность контекстов, которые были описаны выше, и их обусловленность не сугубо медицинскими или организационными, но социокультурными факторами. Такие пациенты и решения относительно их маршрутизации, лечения и реадмиссии подсвечивают множество локальных особенностей изучаемого поля.

Пациент без бумажного тела

Реанимационная помощь новорожденным — ситуация, которая требует очень быстрых решений и действий со стороны врачей и медицинских сестер, их высокого профессионализма и в определенных случаях — сложного технического обеспечения. В наиболее критических обстоятельствах, как правило, снижается значимость правового регулирования, противоречий формальных правил и разных социальных ярлыков, так как они буквально «оголяют» пациента до его физического тела, которое находится в клинически тяжелом состоянии. Но как только критичность состояния снижается, пациент начинает «обрастать» множественными социальными ярлыками и телесными расширениями — правовым, бумажным и политическим. Этот процесс одновременно может обнаружить нехватку «правильных» составляющих бумажного тела и поставить дополнительные экономические задачи как для медицинской организации, так и для семьи новорожденного.

Далее мы подробно рассмотрим сложности, которые возникают в связи с отсутствием необходимых документов у (расширенного)

новорожденного пациента, и административные, профессиональные задачи, которые необходимо решать для их преодоления. Вот как их описывает информантка, в чьи должностные обязанности входит оформление документов для оплаты оказанной медицинской помощи:

Так вот, по закону о помощи иностранным гражданам на территории Российской Федерации только из средств бюджета нашего региона мы можем оказывать медицинскую помощь, поскольку у нас нет бесплатной помощи. Бесплатно у нас нет ничего. Мы выставаем счета. Так вот, мы выставаем счета и не имеем права отправлять в кассу [иностраннх граждан, чтобы они оплачивали медицинскую помощь самостоятельно], [но] только в объеме помощи, необходимом для устранения угрозы жизни. Так написано в законе: «состояние, угрожающее жизни, и объем помощи, необходимый для устранения угрозы жизни». В переводе на человеческий — это реанимация или операция по жизненным показаниям, которое все равно заканчивается, рано или поздно это состояние, но [после] требуется продолжение стационарного лечения. Если это не угроза жизни, тогда это родители обязаны оплачивать сами (интервью с организатором здравоохранения).

Пациенты без необходимой полноты «бумажного тела» (без гражданства, прописки, медицинского полиса хотя бы одного из родителей) обнаруживают несоответствие между строгими формальными требованиями оказания экстренной медицинской помощи новорожденным и нехваткой ее финансового обеспечения в полном объеме на уровне региона. В таких случаях экономическая нагрузка ложится на само учреждение. Отсутствие медицинского полиса (как основания для компенсации финансовых затрат больницы) — не единственная сложность с организацией помощи новорожденным пациентам с нероссийским гражданством. Такие пациенты также требуют создания правильного «бумажного тела», хотя и по отличным регулятивным правилам, ориентированным прежде всего на миграционный статус и соответствующее законодательство:

25

Одна из опций нашего отдела — это постановка и снятие с миграционного учета, потому что нас приравнивали к гостиницам. Если мы иностранного гражданина, который поступил к нам на лечение, не поставили на миграционный учет, то УФМС штрафует, на полмиллиона штраф. Это очень жестко. И поэтому наша сотрудница каждый день ездит в УФМС в одно время, ставит на миграционный учет тех, кто поступил. Сначала надо еще их документы найти с фонарями, вы понимаете, да? Вот почему они все это, как через сито, проверяют все, что поступило, каждый день. А потом еще отследить, что он выписался, и снять его с миграционного учета. Ну, в общем, вот такая вот круговерть (интервью с организатором здравоохранения).

Кроме того, из-за отсутствия прописки в изучаемом регионе такие пациенты не могут быть встроены в формальную маршрутиза-

цию, например, в случае, если требуется уже не реанимационная, а паллиативная помощь. Такие ситуации создают не только экономические вызовы (поскольку реанимационная помощь — дорогостоящая), но и напряжения относительно занимаемых реанимационных коек, которые также составляют критически значимый, но ограниченный ресурс неонатальной службы:

...много лет назад, наверное, лет 6 или 7 назад, у нас в реанимации новорожденных лежало на лечении трое детей [без необходимых документов], где мы понимали, и родители понимали, что это дети на искусственной вентиляции, которые до последнего вздоха будут лежать в отделении реанимации. Родители были готовы к любому исходу, но наши правила оказания медицинской помощи запрещают эвтаназию <...> А день в реанимации стоит 30 тысяч для государства, чтоб вы понимали. Каждый день или ОМС или бюджет региона <...> В месяц, грубо говоря, почти миллион, да? И это неправильно, неправильно, когда в роддомах ждут очереди другие ребятки, а вывести этих детей мы никуда не можем, потому что если бы это был ребенок нашего региона, то он прошел бы процедуру признания паллиативного статуса, перевод его в хоспис, и в дальнейшем домашняя программа ИВЛ. <...> А в истории с иностранными гражданами она нереальна, потому что никто не сможет их провести на паллиативную помощь и выдать из бюджета региона дорогостоящее оборудование (интервью с организатором здравоохранения).

26

Маршрутизация пациентов с иностранным гражданством, преемственность между разными этапами помощи для них и соответствующее финансирование оказываются за рамками формальных и хорошо разработанных профессиональных, организационных и логистических решений. Однако необходимость принимать такие решения возникает не так уж и редко; как следствие, они требуют профессиональной инициативы, некоторой креативности и привлечения дополнительных ресурсов. Такого рода ресурсами становятся, например, и благотворительные фонды, и представители этнических или национальных диаспор. В частности, они привлекаются для поиска средств на продолжение лечения новорожденного, если это лечение имеет благоприятные прогнозы, или же на репатриацию, если продолжение госпитализации оценивается как бесперспективное:

А если есть ребенок хороший, перспективный, и там ему не помогут, а здесь помогут, но это дорого, то есть диаспора... <...> У нас очень хорошие с ними отношения, поэтому если есть хороший ребенок, которому надо помочь, помогают благотворительные фонды. У нас за эти годы работы, понимаете, уже есть знакомые благотворительные фонды, которые помогают, есть диаспоры, которые помогают. И если выходит так, что это стоит денег, и стоит эти деньги найти, то они помогают их найти. А если они говорят: «Мы хотим дать денег», мы можем сказать: «Ребята, вы дадите денег, но смысла никакого». Не жалко, но это бесполезно, прогноз для жизни неблагоприятный.

Вы соберете деньги, заплатите 2 миллиона в кассу больницы, лучше ребенка не станет. Лучше, пока он транспортабельный — домой. Потому что вы и деньги заплатите, и потом еще будете платить за транспортировку в цинковом гробу, которая стоит тоже очень дорого (интервью с организатором здравоохранения).

Некоторые ресурсы, которые привлекаются для решения разных задач, связанных с выстраиванием альтернативной траектории новорожденного пациента, являются буквально дисциплинарными мерами. Например, администрация клиники может обращаться к Управлению Федеральной миграционной службы (УФМС), чтобы принудительно выписать пациента из больницы:

...были родители, с которыми приходилось... Они не понимали [всех обстоятельств], приходилось подключать миграционную службу УФМС. Чтобы уже УФМС им объяснило, что лучше они добровольно получают, купят билет и улетят, ну чем эта вся история [с депортацией] (интервью с организатором здравоохранения).

Иногда привлечение разного рода инстанций и административных ресурсов для решения вопроса о переводе ребенка из стационара выходит не только за пределы институционализированных траекторий, но и за пределы государства:

...мы стали думать, а вообще-то, не написать ли письмецо министру в солнечный Узбекистан, что у нас на окраине региона, в какой-то больнице лежат какие-то дети? А почему и нет? Это их дети. И пусть каждый будет работать. Были послы в Москве. И вот просто вот так вот мы приняли решение за выходные, написали письмо послу в Москву. А копию — в Ташкент, в минздрав. Что у нас есть такой-то ребенок, речь шла об одном, который может лечиться по месту жительства на аппарате искусственной вентиляции в своей совершенно простой самаркандской больнице, поскольку родители родом из Самарканда. Самолеты туда прямые летают. И случилось, о чудо: они, видимо, так были удивлены, скажем так, дерзостью письма, что из минздрава позвонили, а потом перезвонили из Самарканда со словами: «Расскажите, что за ребенок, мы за ним прилетим» (интервью с организатором здравоохранения).

Перегоспитализация пациентов с иностранным гражданством становится возможной только при условии создания целой инфраструктуры, включающей в себя семьи новорожденного, медицинских профессионалов разных стран, сложные организационные технологические и логистические решения, а также правовое и документное сопровождение. Синхронизация множественных изменений новорожденного (материального, экономического, социального, правового) в ручном режиме обнаруживает, что, во-первых, уже отлаженная и зарегулированная система медицинской помощи

имеет серые зоны, требующие инновационных и даже неформальных решений, а во-вторых, что формальные и официальные границы этой помощи (включая государственные) достаточно условны и проницаемы:

В общем, по закону, никто не прилетит за ребенком-иностранцем сюда на Бонинге, на голубом самолете, вертолете, и не оплатит это все из денег министерства здравоохранения [другого государства], то есть у них это не заложено. Поэтому самое правильное оказалось — разговоры с родителями, которые понимают всю тяжесть ребенка, понимают, что рано или поздно ребенок умрет, они понимают, что они привязаны к нашему региону на неопределенное количество времени, а сами уже заработали денег и хотели бы вернуться домой, и мы договариваемся с родителями, что они приобретают билеты на самолет нашим врачам туда-обратно, ни рубля не берем за работу <...> Вообще, это очень дорогое удовольствие. А дальше согласовываем это, теперь уже с консульством, получаем документы на пересечение границы, пишем письма в минздрав. То есть однажды попробовав, мы уже обкатали. Дальше еще длительное согласование с авиаперевозчиком, потому что кислородные баллоны или кислородные подушки у одних можно, у других нельзя. Ну, в общем, все это уже продумано, и это такая вот дополнительная опция для того, чтобы эти дети без всяких ущербов и потерь долетели до дома, там их встретили у трапа самолета уже заранее приготовленные для них ответственные лечебные учреждения, которые их ждут (интервью с организатором здравоохранения).

28

Как видно из предыдущих фрагментов, для некоторых новорожденных пациентов может не найтись «места» в педиатрических стационарах. Речь, конечно, не о буквальной нехватке реанимационных коек, а скорее о соотношении затрачиваемых ресурсов на необходимую помощь, предполагаемого исхода ее оказания (клинического прогноза), этических представлений о гуманности в целом и идеалах медицинской профессии в частности. В качестве заключения к этой статье мы рассмотрим случаи, в которых «выход» новорожденного за пределы изучаемой нами системы неонатальной помощи становится возможным благодаря актуализации его социальных статусов — в частности, как представителя другой культуры.

Заключение

Эмпирические описания траекторий новорожденных пациентов без российского гражданства, мы используем здесь вместо заключения, поскольку они в наиболее яркой форме отражают и множественность «тел» (включая бумажное) новорожденного пациента, и их социальную сконструированность, и культурную предзаданность. В самих нарративах наших информантов просвечивает рефлексия о том, что социальное и экономическое измерения неона-

тальной помощи оказывают значительное влияние на клинические и организационные решения относительно лечения и маршрутизации новорожденного пациента. При этом же признается их контекстуальность, поскольку нормы (как культурные, так и законодательные) и традиции, регулирующие оказание помощи в аналогичных ситуациях, но в других странах, далеко не всегда совпадают:

Уровень оказания медицинской помощи у нас и на их исторических родинах, в их государствах, откуда эти родители приехали сюда на заработки, он несопоставим. [Но] морально эти родители, в силу своих восточных религий... Там абсолютно другая философия отношения к ребенку, к его здоровью и к несовместимым с жизнью заболеваниям. Это их национальная особенность, потому что это их вера и их образ жизни. Но тем не менее мы-то живем в нашей стране, и у нас другое отношение ко всему этому и другие законы, регламентирующие оказание медицинской помощи детям с диагнозами, несовместимыми с жизнью и с неблагоприятным прогнозом (интервью с организатором здравоохранения).

Необходимость «реадмиссии» пациентов с нероссийским гражданством на первый взгляд может восприниматься как продиктованная исключительно бюрократической и экономической логикой: желанием избежать дополнительных расходов больницы и сложностей поиска необходимых ресурсов для пациента без правильного «документного тела». Тем не менее в нарративах информантов об этих случаях мы видим и проявление профессиональной логики, учитывающей клинические прогнозы пациента, с одной стороны, и этические аспекты оказания помощи вроде гуманного отношения, с другой:

Наши доктора, которые их сопровождают, — их встречают обычно там уже, у трапа самолета прямо с машиной. Они прямо с трапа самолета едут в эти лечебные учреждения, передают ребенка, рассказывают докторам все особенности [его состояния], обмениваются контактами. И, соответственно, родители живут дома, ребенок лечится по месту жительства, и когда все уже заканчивается естественным путем, поскольку там все это немножко проще, чем у нас, ребенок без всяких вскрытий, по законам шариа, ислама и кого хотите, по-людски... Причем к ребенку еще сходят бабушки-дедушки, посмотрят на него на живого, понимаете? И дальше его, по законам ислама, до захода солнца, он обретет могилу, на которую будут ходить родственники. Самое страшное — это когда дети умирают здесь, и потом эти безымянные могилы. Это не по-человечески, ни в какой вере такого быть не должно. Ребенок должен быть там, где его [родные], понимаете? И его должны увидеть живым бабушки и дедушки. Это очень важно по-человечески (интервью с организатором здравоохранения).

Приведенный выше фрагмент из интервью несколько контрастирует с тем, что мы ранее анализировали в работе, посвященной

социальным ярлыкам новорожденных [Минаков и др. 2022]. В ней мы, в частности, описывали этнические ярлыки, которые воспроизводят важное символическое различие «мы — они», маркируя культурно и телесно «другого». В описании культурных норм относительно смерти и умирания «чужие традиции» не представляются в нарративах профессионалов как «неправильные», «дикие» или «непонятные», но, напротив, используются как синоним наиболее человеческого подхода, во многом противопоставленного тому, как бы сложилась судьба таких пациентов, если бы они остались в России. Социальные нормы в этом сюжете обнаруживают свою противоречивость и контекстуальность. С одной стороны, институциональный порядок оказания реанимационной помощи новорожденным в России представлен здесь как буквально ограничивающий возможности медицинских профессионалов следовать более «человечному» подходу. Этот контекст описывается как крайне зарегулированный, в нем официальные правила и законодательные нормы могут противоречить представлениям и врачам, и семей об интересах новорожденного. Обращение к другим культурным и институциональным контекстам в данном случае позволяет уйти из-под влияния этих строгих норм и создать условия, в которых законодательное регулирование, традиции и ожидания родственников пациентов не противоречат друг другу. В этом процессе профессиональный взгляд врача намеренно демедикизирует (и деобъективирует) новорожденного, а его работа фокусируется уже в большей степени не на физическом теле и его клинических исходах, и даже не на «бумажном теле», которому посвящена данная статья, а на его социальных и культурных характеристиках.

Библиография / References

Байбурин А. К. (2017) *Советский паспорт: история-структура-практики*. СПб.: Изд. Европейского университета в Санкт-Петербурге. EDN: XMVSQP

— Baiburin A. K. (2017) *Sovetskii pasport: istoriya-struktura-praktiki* [Soviet passport: history — structure — practices]. St. Petersburg: Publishing house of the European University in St. Petersburg. — in Russ.

Клепикова А., Алтухова А., Мохов С. (2023) О результатах исследования «Коммуникация между врачами, волонтерами и пациентами с БАС: проблемы и пути их решения». *VIII-я ежегодная конференция по БАС фонда «Живи сейчас»*, Москва, 18-19 мая 2023.

— Klepikova, A., Altukhova, A., Mokhov, S. (2023) On the results of the study “Communication between doctors, volunteers and patients with ALS: problems and ways to solve them”, report at the *VIII Annual Conference on ALS of the Foundation “Live Now”*, (Moscow, May 18-19, 2023). — in Russ.

Минаков А., Новкунская А., Клепикова А. (2022) Рождение пациента:(де) медикализация новорожденных в организационных контекстах неонатальной службы. *Журнал исследований социальной политики*, 20(2): 181-198. EDN: GUHEUI. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2022-20-2-181-198>

— Minakov A., Novkunskaia A., Klepikova A. (2022) The Birth of the Patient: (De)medicalization of New-born Children in the Organizational Contexts of Neonatal Intensive Care. *The Journal of Social Policy Studies*, 20(2): 181-198. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2022-20-2-181-198>

Мансуров В. А., Юрченко О. В. (2004) Перспективы профессионализации российских врачей в реформирующемся обществе. *Россия реформирующаяся*, (4): 61-79. EDN: PBTJJL

— Mansurov V. A., Yurchenko, O. V. (2004) Perspectives of professionalization of Russian doctors in a reforming society. *Russia Reforming*, (4): 61-79. — in Russ.

Угарова А. (2018) «Сильнодействующее лекарство»: незаконное назначение наркотических обезболивающих препаратов и судебные дела над врачами, *Бюллетень «ЭСФорум»*, 2(58): 6-12.

— Ugarova A. (2018) Strong drug: illegal prescription of drug painkillers and legal cases against physicians, *ES Forum Bulletin*, 2(58): 6-12. — in Russ.

Чернова Ж. В. (2013) *Гендерный анализ семейной политики в современной России: особенности и тенденции*. Дисс. ...д.соц.н. Саратов: СГТУ, 2013.

— Chernova J. V. (2013) *Gender Analysis of Family Policy in Modern Russia: Features and Trends*. PhD Thesis. Saratov: SSTU. — in Russ.

Шевченко Н. (2023) Бюрократические маршруты и документные темпоральности анкеты призванного в правозащитной организации. *Антропологический форум*, 59 (2023): 73-102. EDN: EYZFLW. <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2023-19-59-73-102>

— Shevchenko N. (2023) Bureaucratic Routes and Documentary Temporalities of a Conscript Questionnaire in a Human Rights Organization. *Antropologicheskij forum*, (59): 73-102. — in Russ. <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2023-19-59-73-102>

Berg M. (1996) Practices of reading and writing: the constitutive role of the patient record in medical work. *Sociology of health & illness*, 18(4): 499-524.

Berg M., Bowker G. (1997) The multiple bodies of the medical record: Toward a sociology of an artifact. *Sociological Quarterly*, 38(3): 513-537.

Borozdina E., Novkunskaia A. (2022) Patient-centered care in Russian maternity hospitals: Introducing a new approach through professionals' agency. *Health*, 26(2): 200-220.

Borozdina E. (2018) Introducing 'natural' childbirth in Russian hospitals. Midwives' institutional work. *Health, technologies, and politics in post-Soviet settings: Navigating uncertainties*, 145-171.

Borozdina E. (2023) Evidence-based medicine and physicians' institutional agency in Russian clinical settings. *Critical Public Health* (4): 1-12.

Field M. G. (1957) *Doctor and patient in Soviet Russia*. Harvard University Press.

Fitzpatrick S. (2005) *Tear off the masks!* Princeton University Press.

Freidson E. (2001) *Professionalism, the third logic: On the practice of knowledge*. University of Chicago press.

Goffman E. (1959) The moral career of the mental patient. *Psychiatry*, 22(2): 123-142.

Hull M. S. (2008). Ruled by Records: The Expropriation of Land and the Misappropriation of Lists in Islamabad. *American Ethnologist*, 35(4): 501-518. <https://doi.org/10.1111/j.1548-1425.2008.00095.x>

Litvina D., Novkunskaya A., Temkina A. (2019) Multiple vulnerabilities in medical settings: invisible suffering of doctors. *Societies*, 10(1): 5. <https://doi.org/10.3390/soc10010005>

Rivkin-Fish M. (2010). Pronatalism, gender politics, and the renewal of family support in Russia: Toward a feminist anthropology of “maternity capital”. *Slavic review*, 69(3): 701-724. <https://doi.org/10.1017/S0037677900012201>

Rosenberg C. E. (2002) The tyranny of diagnosis: specific entities and individual experience. *The Milbank Quarterly*, 80(2): 237-260.

Strauss A., Schatzman L., Ehrlich D., Buche, R., Sabshin M. (1963) The hospital and its negotiated order (pp. 147-169). In *The hospital in modern society*.

- 32 Новкунская Анастасия Андреевна — PhD in Social Sciences, доцент факультета социологии, ассоциированный профессор по качественным исследованиям здоровья и медицины НЦ «Институт междисциплинарных медицинских исследований» Европейского университета в Санкт-Петербурге. Область научных интересов: социология здоровья и медицины, социология профессий и организаций, гендерные исследования, качественная методология в социальных науках. ORCID: 0000-0001-9729-6941. E-mail: anovkunskaya@eu.spb.ru

Минаков Артемий Алексеевич — аналитик социальных исследований, исследователь НЦ «Институт междисциплинарных медицинских исследований» Европейского университета в Санкт-Петербурге, врач реаниматолог-неонатолог. Область научных интересов: социальные исследования здоровья и медицины, социология профессий, неонатология. E-mail: aminakov@eu.spb.ru

Клепикова Анна Александровна — кандидат социологических наук, доцент и декан факультета антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге. Область научных интересов: социальные исследования здоровья и медицины, исследования инвалидности, качественная методология в социальных науках. E-mail: aklepikova@eu.spb.ru

Anastasia A. Novkunskaya — PhD in Social Sciences, Associate Professor at the Faculty of Sociology, Associate Professor on Qualitative Health and Medicine Research at the Institute for Interdisciplinary Health Research at the European University at St. Petersburg. Research fields: sociology of health and medicine, sociology of

professions and organizations, gender studies, qualitative methodology in social sciences. ORCID: 0000-0001-9729-6941. E-mail: anovkuns kaya@eu.spb.ru

Artemiy A. Minakov — Social research analyst, Research fellow at the Institute for Interdisciplinary Health Research, European University at St. Petersburg, neonatologist-resuscitator. Research fields: social studies of health and medicine, sociology of professions, neonatology. ORCID: 0009-0008-7498-3026. E-mail: aminakov@eu.spb.ru

Anna A. Klepikova — PhD in Social Sciences, Associate professor and dean of the Department of Anthropology at the European University at St. Petersburg. Research fields: social studies of health and medicine, disability studies, qualitative methodology in social sciences. ORCID: 0000-0003-2703-5417. E-mail: aklepikova@eu.spb.ru

«Давайте по порядку»: элементы перформанса в диагностическом интервью в психиатрии

Илья В. УТЕХИН

Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-1176-6330

ДАВИД В. ОГАНЯН

Независимый исследователь, Санкт-Петербург, Российская Федерация

34

Рекомендация для цитирования:

Утехин И. В., Оганян Д. В. (2024) «Давайте по порядку»: элементы перформанса в диагностическом интервью в психиатрии. *Социология власти*, 36 (2): 34–54. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-2-34-54>

For citations:

Utekhin I. V., Oganyan D. V. (2024) "Let's Speak in Order": Diagnostic Interview in a Psychiatric Ward as Performance. *Sociology of Power*, 36 (2): 34–54. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-2-34-54>

Поступила в редакцию: 17.04.2024; прошла рецензирование: 07.06.2024; принята в печать: 10.06.2024
Received: 17.04.2024; Revised: 07.06.2024; Accepted for publication: 10.06.2024

This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© 2024 by the author(s).

Резюме:

В процессе диагностики врач отталкивается от рассмотрения различных видов материалов, среди которых жалобы пациента, его внешний вид, разговор и невербальное поведение. В психиатрии роль разговора более важна, чем в соматической медицине, поскольку именно в разговоре пациента может выразиться болезнь. Некоторые элементы интеракционной организации изучались нами на материале диагностических бесед в психиатрической больнице. Выявлен повторяющийся паттерн, включающий в себя вопросы врача и ответы пациента. Э. Щеглов (2007) показал, что вопросы с «известным ответом» образуют характерную последовательность из трех частей: вопрос-ответ-оценка. В диагностических интервью в психиатрии вопросы касаются не знаний пациента, а его способности выполнить задачу, при этом не на все тестовые вопросы есть готовый правильный ответ, а результат оценки не всегда объявляется врачом. В рамках выявленного паттерна врач повторяет ответ пациента, не оценивая его, а затем добавляет уточняющий вопрос. Часть повторяющихся циклов в последовательности взаимодействия врача и пациента демонстрирует следующую закономерность: *вопрос врача > ответ пациента > врач повторяет ответ пациента > (опциональный уточняющий вопрос врача)*. Когда же вопросы врача направлены на получение реальной информации, а не просто на проверку способностей пациента, он

чаще прибегает к переформулировке ответов пациента вместо того, чтобы просто повторять их; эта переформулировка может работать как уточняющий вопрос. В рамках этого паттерна вопросы в клиническом интервью включаются в две линии «отчетливости»: во-первых, они следуют обычному разговорному порядку, а во-вторых, порядку, обеспечиваемому профессиональными рассуждениями, направленными на проверку диагностических гипотез. Этот второй порядок неочевиден для пациента.

Ключевые слова: психиатрия, диагностическое интервью, коммуникативное взаимодействие, «экзаменационные» вопросы, перформанс

“Let’s Speak in Order”: Diagnostic Interview in a Psychiatric Ward as Performance

Ilya Utekhin

European University at St.Petersburg, St. Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-1176-6330

David V. Oganyan

Independent researcher, St. Petersburg, Russian Federation

Abstract:

Medical doctors arrive at a diagnosis after considering various types of evidence, including the patient’s complaints, their outer appearance, talk, and non-verbal behavior. In psychiatry, the role of conversation is more important than in somatic medicine, because it is in the patient’s talk that the disease can express itself. Some elements of the conversational machinery have been studied in diagnostic interviews in a psychiatric ward. In the interviews, a recurrent pattern of the doctor’s questions and the patient’s answers was found. Schegloff (2007) showed that “known answer” questions form a distinctive three-part sequence type: question-response-evaluation. In diagnostic interviews in psychiatry, the questions don’t address knowledge but the capacity to perform the task. Not all the test questions have a correct answer, and the result of the evaluation is not always announced by the doctor. The doctor consistently repeats the patient’s answer without evaluating it and then adds a follow-up question. At least parts of the repeated cycles in the sequence of doctor-patient interaction exhibit the following pattern: Doctor’s question > Patient’s answer > Doctor’s echo > (optional Doctor’s follow-up question). When the doctor’s questions seek real information — and do not just test capacity — they sometimes resort to a reformulation of the patient’s answers instead of just repeating it; this reformulation works as a prompt. The questions in the clinical interview appear to follow two lines of accountability: the ordinary conversational order and that which is provided by the professional reasoning aimed at checking diagnostic hypotheses. The second line is not usually accessible to the patient.

Keywords: psychiatry, diagnostic interview, talk-in-interaction, exam questions, performance

В этой статье мы рассмотрим некоторые аспекты диагностики в психиатрии как коммуникативного процесса. В известном анекдоте ветеринар приходит к врачу-терапевту, и терапевт спрашивает, что его беспокоит. На что ветеринар восклицает разочарованно: «Нет, ну так любой дурак может!» В отличие от пациента-человека, животные, с которыми работает ветеринар, не могут воспользоваться языком, чтобы назвать причину страдания.

Однако и больной человек не называет терапевту свою болезнь, обычно он лишь высказывает то, что в истории болезни будет записано в отдельной графе «Жалобы», подразумевающей его субъективные ощущения, такие как боль, одышка, кашель и т. д. Ведь врач задает ему вопросы о том, например, как, когда и где у него болит. Где, а не что, потому что больной не обязан знать, где у него печень и желудок, но может показать, где локализуется боль. Врач, истолковав имеющиеся в его распоряжении признаки в свете врачебного знания, например, предполагая инфаркт миокарда, дополнит информацию «объективными данными» — результатами лабораторных и инструментальных исследований, которые бы не только подтверждали предполагаемое заболевание, но и исключали другие причины жалоб.

36

Имея на входе собственные наблюдения и слова пациента, врач указывает причину, предсказывает течение и определяет лечение, опираясь на свои профессиональные знания, опыт, наблюдательность и интуицию. Неслучайно искусство чтения признаков впервые в европейской интеллектуальной истории было осмыслено именно в рамках медицины. Медицинская семиотика (иначе называемая «симптоматология») существовала уже больше чем две с половиной тысячи лет назад в Греции. Примерно к V веку до н.э. это искусство истолкования внешних признаков болезней достигло своего расцвета, и врачебная практика нашла отражение в сочинениях, составляющих Гиппократов корпус. Даже на современного читателя они производят впечатление — в частности, подробным описанием симптомов. Слово *semeion* в текстах Гиппократов означало «наблюдаемый симптом», на основании которого можно идентифицировать болезнь, т. е. поставить диагноз [Sebeok 1986].

У. Эко [Есо 1988] указывает на сходство в логике работы диагноста и следователя, нашедшее отражение и в художественной литературе: классиком детективного жанра в литературе стал человек, оставивший ради литературного творчества врачебную практику, — А. Конан Дойль. Действия Шерлока Холмса и Гиппократов имеют общую природу — и тот и другой занимаются истолкованием того, что представляется им значимыми признаками чего-то, что иначе как в этих признаках не дано непосредственному наблюдению.

Гиппократ указывал, в чем заключается особенность человеческого знания: в отличие от непосредственного и точного знания богов, человеческое знание строится на догадках, а догадки опираются на видимые признаки. Признаки же открывают умственному зрению нечто сокрытое в силу того, что они причинно связаны с неочевидными явлениями, их породившими.

Сходство логики врача и сыщика отсылает к представлению об абдукции как еще одном наряду с индукцией и дедукцией виде рассуждения, как это было сформулировано американским логиком и философом Чарльзом Пирсом [Sebeok 1988; Eco 1988]. Способы рассуждения различаются по тому, что дано, и по тому, какие выводы из этого делаются. Пирс иллюстрирует это примером с бобами разного цвета, которые хранятся в мешках [Sebeok 1988a: 8; Peirce CP 2.623, см. также 7.249]¹:

Дедукция:

Все бобы из этого мешка белые.

Эти бобы из этого мешка.

Эти бобы белые.

Индукция:

Эти бобы из этого мешка.

Эти бобы белые.

Все бобы из этого мешка белые.

Абдукция:

Эти бобы белые.

Все бобы из этого мешка белые.

Эти бобы из этого мешка.

Дедукция позволяет вывести результат применительно к данному случаю на основании известной закономерности, не прибегая к эмпирике, — скажем, даже не включая свет в кладовой, зачерпнув горсть бобов из этого мешка, вы можете быть уверены, что они белые. Индукция, наоборот, отталкивается от эмпирического наблюдения и позволяет сделать вывод о закономерности. Третий способ рассуждения, абдукция, предполагает именно тот тип рассуждения, какой Шерлок Холмс называл «ретроспективным»: нам известен некоторый факт, и мы подставляем для его истолкования некие закономерности, на основании которых, как нам кажется, мы можем сделать вывод о наиболее вероятных причинах этого факта. Этот способ рассуждения присущ деятельности и врача, и следователя, деятельности любого интерпретатора-следо-пыта (Ч. Пирс,

1 Абдукция состоит в рассмотрении фактов и предложения гипотезы чтобы их объяснить. Ее единственное обоснование состоит в том, что если мы вообще можем понимать вещи, это должно иметь место именно таким образом" (CP 5.145). Ссылки на Collected Papers (Peirce 1958) Ч.С.Пирса в формате том и параграф.

впрочем, утверждает, что на абдукцию опирается любая интерпретация знаков [Есо 1988], ср.: [Psillos 2009]).

Применительно к каждому конкретным обстоятельствам выводы об их причинах могут быть разными в зависимости от тех закономерностей, которые мы подставим. Соответственно, разные следователи (и разные врачи) по поводу одного и того же случая могут давать разные гипотетические объяснения, которые нуждаются в проверке на следующем шаге расследования — или процесса взаимодействия с больным и его болезнью.

Стоит упомянуть, что образ Шерлока Холмса и его метод списаны Конан Дойлем с натуры — с его преподавателя на медицинском факультете Эдинбургского университета Джозефа Белла. Белл призвал своих студентов придавать значение мелочам, красноречивым для умного взора, узнавать черты болезни, как узнаешь лицо лучшего друга в толпе. Он поражал своей догадливостью воображение студентов, опрашивая больных и показывая, как можно поставить диагноз и установить причины болезни, связывая, казалось бы, разрозненные факты. Задав несколько внешне не связанных друг с другом вопросов, Белл спрашивал: «А не болит ли там-то?», проверяя свою догадку, которая затем подтверждалась всем на удивление. Некоторые трюки (вроде установления местожительства по специфической грязи на ботинках) прямо заимствованы Конан Дойлем у своего учителя [Sebeok, Umiker-Sebeok 1988].

38

Холмс и Ватсон (или Джозеф Белл и студенты) видят одно и то же, но придают значение разному. Холмс обращает внимание на некоторые детали, которые становятся «говорящими подробностями», тогда как Ватсон видит только самые общие черты. Демонстрация этих говорящих подробностей публике — Джозефом Беллом перед аудиторией студентов или Холмсом перед Ватсоном — представляет собой специфический перформанс. Отметим, что для непосвященного зрителя эта способность талантливых диагностов настолько удивительна, что становилась предметом изображения в поп-культуре, самый известный случай — сериал про Доктора Хауса, идеального носителя чистого биомедицинского знания, игнорирующего его социальные аспекты (см.: [Rich, Simmons et al. 2008]). В этих произведениях и Холмс, и Хаус выглядят как талантливые чудачки с чертами аутического спектра, с некоторым эпатажным азартом замечаящие неочевидные, но важные детали.

В медицине немало внимания уделяется внешним признакам заболеваний, для обнаружения которых иногда достаточно первого взгляда на пациента. Положение тела больного, характер его дыхания, цвет кожных покровов — то, на что врач обращает внимание в первые секунды взаимодействия. Некоторые из этих признаков характерны для конкретных заболеваний [Куприянов, Сухареб-

ский, Новинский 1971; Ковалев 2023; см. также: Killen 2017]], а значит, обладают диагностической ценностью. Термин «habitus» в латинском языке имеет несколько значений, одно из которых — «внешность, облик». Современные диагностические критерии отражают потребность в определении взаимосвязи между механизмами возникновения заболевания и его проявлениями. Оценка облика пациента потеряла свою прежнюю значимость в эпоху появления диагностических инструментов, опирающихся на анализ универсальных биологических процессов. Понятие «габитус» теперь рассматривается в связи с биологическими факторами, и целью описания габитуса в медицинской документации чаще всего становится универсализация процесса лечения и диагностики. Иными словами, внешний вид пациента рассматривается как набор вторичных по отношению к биологическим процессам признаков, которые уже выражены в более точных параметрах. Это отличает лаконичные современные диагностические критерии от насыщенных описаний Гиппократова корпуса. Так, один из основных диагностических критериев нервной анорексии (при которой пациент ограничивает себя в приеме пищи) в МКБ-11 — индекс массы тела менее 18,5 кг/м² — более точный показатель, чем, например, обхват талии. Не всегда понятно, как разные (телесные и поведенческие) проявления связаны между собой в рамках психического заболевания.

39

Психиатр по отношению к терапевту находится в особенном положении, потому что его пациенты хотя и больны, но их болезни не соматические, а душевные. А это значит, что хотя для части из этих болезней могут найтись основания в органических нарушениях нервной системы и мозга, другие диагнозы предполагают лишь такие нарушения, которые нельзя установить методами соматической медицины. Это нарушения в области чувств, мышления, настроения, общения, и они могут не сопровождаться неврологической симптоматикой и не обосновываться неврологическими причинами.

Описания особенностей поведения, взгляда, движений и речи в медицине смыкаются с понятием габитуса как оно было введено в оборот в социальных науках Пьером Бурдьё. Его этнография французских крестьян («Крестьянин и его тело» [Bourdieu 2004]) содержит описание их специфической «крестьянскости», которая прочитывается в неуклюжести и неумении танцевать. Так, у психиатрических (и неврологических) диагнозов тоже свой габитус. Мания, депрессия, алкоголизм, органические нарушения, болезнь Паркинсона — предположить эти состояния врач может еще до того, как он вступит в разговор с пациентом, просто наблюдая его внешний вид и поведение. Поэтому, несмотря на господствующую роль биологического знания в медицине, врачи обращаются к описанию

габитуса пациента. Это в первую очередь прослеживается в психиатрической медицинской документации, в части, посвященной состоянию больного.

Для психиатра и то, что пациент говорит, и то, как он это делает, каковы его интонация и темп речи, как его говорение сопровождается выражениями лица и жестикуляцией — все это оказывается потенциально «говорящими подробностями», которые в совокупности с позой, походкой и другими чертами габитуса будут истолкованы в пользу определенных диагностических выводов. В психиатрической практике гораздо чаще, чем это принято в соматической медицине, затрагиваются личностные особенности пациента, что играет немаловажную роль в процессе лечения.

Результаты своих наблюдений в ходе клинического интервью врач отражает в медицинской документации, в которой отдельно представлены анамнестические сведения (истории жизни и заболевания пациента) и «психический статус» — актуальное на момент осмотра состояние пациента. Последнее оценивается в ходе выявления не только вербальных, но и невербальных проявлений гипотетического заболевания во время общения с пациентом. Вот пример такого описания из истории болезни (все приводимые ниже примеры имеют отношение к случаю одного и того же пациента):

Выглядит неряшливо. Медлителен, походка шаткая. Ориентирован верно в собственной личности, в месте пребывания, не ориентирован в календарном времени, считает, что сейчас «2022 год». На вопросы отвечает после паузы. Благодушен. При обсуждении алкогольной тематики оживляется. Настроение с эйфорическим компонентом. Обманов восприятия, бредовые идеи обнаружить не удается, по косвенным признакам галлюцинирующим не представляется. Интеллектуально снижен — не знает дат крупных государственных праздников, года основания Петербурга, произведений известных иностранных писателей.

В приведенном фрагменте описания «психического статуса» пациента врач приводит свое общее впечатление от пациента, отмечая те детали, которые, как предполагается, информативны для постановки диагноза, — внешний вид пациента, его движения, манеру разговора и реакции на определенные темы, всплывающие в разговоре.

Отметим, что на сегодняшний день психические заболевания принято рассматривать с позиции биопсихосоциальной модели, с точки зрения которой болезнь можно объяснить совокупностью биологических, социальных и психологических причин. Однако остается актуальной дискуссия о неврологической (биологической) основе психических нарушений [ср.: Baker 2002]. Эту позицию при-

нято соотносить с концепцией «доказательного» подхода — стратегией, призванной минимизировать роль человеческих факторов в принятии медицинских решений [Timmermans, Berg 2003] и возлагающей на биологические факторы большую роль, нежели на социальные или психологические. Так, специфичность лечебных мероприятий должна отражать специфичность патологического механизма, лежащего в основе болезни [Rosenberg 2002: 248]. Эффективность препаратов определяется исследованиями, в ходе которых в результате приема препарата были устранены или сглажены те или иные проявления заболевания. И, напротив, сам диагноз (и его проявления) конструируется посредством эффективности терапии. Например, доказательства эффективности препаратов лития в лечении биполярного аффективного расстройства позволили подтвердить выделение этого расстройства в качестве отдельной нозологической единицы [Malhi 2007]. Таким образом, в основе современных классификационных и диагностических систем лежат представления о биологических процессах.

Биомедицинские исследования — лишь часть концепции доказательной медицины, которая подразумевает не только апелляцию к научно обоснованным данным, но и индивидуальный опыт врача и интересы самого пациента [Sackett et al. 1996], имеющие не меньшее значение. Более того, в отношении некоторых состояний, попадающих в поле зрения психиатра, вызывает вопросы попытка вынести за скобки личность пациента, а также социальные и культурные факторы, что вытекало бы из строго биомедицинского подхода.

Две вышеописанные составляющие доказательной медицины (биомедицинские данные и опыт врача) с некоторыми допущениями можно соотнести с операциональным подходом в диагностике и описательным, основанным на иерархичности, в т.ч. анализе причинно-следственных связей в структуре картины болезни [Крылов 2011]. Психические расстройства в международных классификациях принято рассматривать в рамках операциональной парадигмы, в которой диагноз определяется количеством и соотношением необходимых признаков. Несмотря на то что международная классификация болезней — статистическое руководство, современные исследования апеллируют к изложенным в этих классификациях диагнозам (и, соответственно, критериям). Перечисленные там признаки могут относиться к разным сферам и иметь различную значимость, однако наиболее важный параметр — их количество. Например, для постановки диагноза «эмоционально неустойчивое расстройство личности» в МКБ-11 необходимо, чтобы у пациента выявлялось пять любых признаков этого заболевания из девяти; соответственно, у двух разных

пациентов с этим диагнозом гипотетически может быть только один общий признак болезни¹.

Диагностическое исследование включает в себя непосредственно клиническое интервью, экспериментально-психологические методы исследования и инструментальные методы. Последние при этом только дополняют информацию, полученную врачом во время интервью: их методология и фокус будет зависеть от результатов врачебного интервьюирования. Использование оценочных шкал в клинической практике также носит вспомогательный характер и нередко ограничивается требованиями конкретной институции. Такие диагностические инструменты, с одной стороны, объективируют признаки патологии, с другой — лишают выявленные признаки связи с контекстом: с личностью пациента, его историей жизни и социальными обстоятельствами. Иными словами, именно клиническое интервьюирование лежит в основе диагностики.

42 В клиническом интервью можно выделить два аспекта: диагностический (непосредственно выявление симптомов и определение их причин) и «терапевтический», задача которого — «кристаллизовать» проблему и сделать ее доступной для понимания пациента [Менделевич 2019: 162]. Иными словами, врач предлагает объяснительную модель тех причин, которые привели пациента к нему, и это достигается в том числе с помощью неформального контакта с пациентом, формирования доверительных отношений, чему также отводится важная роль в психиатрии. Диагностический аспект имеет определенную последовательность: от более очевидных признаков заболевания к менее выраженным феноменам и их оценкам. Эта последовательность во многом основывается на представлениях диагноста о происхождении и развитии выявленных феноменов и основана на том типе рассуждения, который выше был обозначен как абдукция.

Ниже приведена транскрипция начала разговора врача и пациента после обмена приветствиями.

Пример 1

Врач: берите стул (.) присаживайтесь ((указывает на стул))
(8.9)

((врач читает историю болезни))

((пациент садится на стул, вытягивает правую руку в сторону врача))

1 Социальные и, более узко, институциональные аспекты диагноза и диагностики в медицине и в психиатрии чрезвычайно интересны, но эта проблематика выходит за рамки данной статьи.

В: *а что с рукой у вас?*

П: а ?

В: > что с рукой? <

П: а с: рукой ничего, я думал вы: мерить бу[дете [ххехехе

В: [а нет () нет () [*мы с вами хотим >побеседовать<* меня зовут Павел Алексеевич

(1.4)

В: [Павел Алексеевич да [я буду вашим-

П: [да [а, вы тоже Алексеевич? =

В: =да *да* [я буду вашим лечащим врачом.

П: [значит *я:*

П: >хорошо<

В: как к вам обращаться?

П: м: (0.9) ну так у меня -хх () т болезнь-то: ясная

В: *угу*

П: *эпилепсия*

В: угу

(2.2)

П: и я: был: () под этим делом ((жест «выпивка»)) (1.4)

В: угу

П: перед вами (0.9) н:у не[делю- не-неделю:: воздержался >конечно<

В: [*перед в- *

В: угу

(0.6)

П: а щас хорошо

В: угу

(1.0)

В: понятно ну давайте >нвено< по порядку () раньше у нас лечились когда-то?

Врач представляется, дважды повторяя свои имя и отчество. Почему он вынужден повторяться? Обычно представление одного участника разговора приглашает другого сделать то же самое — представиться, подобно тому как приветствие предполагает ответное приветствие.

Больной лишь смотрит на врача, и врач повторяет. Больной реагирует на это второе представление («а, вы тоже Алексеевич»), но не представляется сам. Обратим внимание на это «тоже» — тоже как кто? Как собственно не представившийся пациент. Он знает, что врач знает, как его зовут, и не понимает или делает вид, что не понимает, смысла этого представления. Тогда врач прибегает к прямому вопросу («Как к вам обращаться?»), и этот вопрос, очевидно, не имеет целью узнать, как зовут пациента — эти сведения уже имеются в документах. Вопрос врача может преследовать несколько целей одновременно — в частности, выяснить, насколько больной социально компетентен, насколько он ориентируется в общей реальности и в каком качестве себя осознает (нельзя исключать,

что в состоянии бреда иной считает себя Бонапартом). Буквальный смысл этого вопроса врача больной тоже игнорирует, в ответ начиная говорить о своем диагнозе, который, конечно, тоже известен врачу из документов («Ну так у меня болезнь-то ясная»). Что у него за болезнь, никак не связано с тем, как к нему обращаться; в сущности, больной явочным порядком завершает вводную, этикетную часть разговора, отказывается играть в эти игры с приветствиями и представлениями и вводит в разговор новую тему — переходит к тому, ради чего этот разговор, как ему кажется, затеян¹.

Заметим, что и в самом начале встречи с врачом он уже готов без церемоний перейти к делу: он уже приготовил и сразу протягивает правую руку, чтобы ему измерили давление. Мы не знаем, чего тут больше — стремления показать себя услужливым пациентом или поскорее избавиться от общения с врачом. Существенно, однако, что такая незатейливая прямота, приводящая, в частности, к жестам невпопад вроде протянутой для тонометра руки, может быть прочитана врачом как характерный признак последствий алкоголизма.

44 Любопытно, что врач сразу после приветствия реагирует на эту руку, начиная разговор с вопроса вне протокола, не по порядку — «что с рукой»? Этот вопрос продиктован необычной ситуацией, требующей ответа, — недостаточно экстренной, чтобы отказаться от предварительного приветствия, но достаточно необычной, чтобы обратиться к этой теме прежде всего, до собственно разговора «по порядку».

Буквальный смысл высказывания больного о своем диагнозе любопытен. Фактически в качестве самопрезентации он рассказывает, как он видит предысторию своей встречи с врачом: он был в запое «перед вами», то есть перед тем, как попасть в больницу с эпилепсией, но в больнице уже неделю не пил (он умалчивает, что это произошло не по своей воле), и в данный момент его состояние нормализовалось. Очевидно и то, что вся эта информация для врача не является новостью. Дальше врач перехватывает контроль за организацией разговора («давайте по порядку»), имплицитно отсылая к безличной медицинской власти: имеется порядок, протокол опроса больного, надо ему следовать.

1 Это перекликается с классической проблемой, обсуждавшейся Х. Саксом: те позвонившие в службу психологической поддержки, кто не расслышал (или сделал вид, что не расслышал) представления снявшего трубку работника, используют возможность сослаться на то, что не расслышали, стратегически, — они тем самым пропускают естественно образовавшийся слот для того, чтобы назвать свое имя, и в дальнейшем вытянуть из них информацию о том, как их зовут, оказывается сложнее или невозможно [Sacks 1992, 1: 324-325].

Диагностическое интервью в психиатрии — специфический жанр речевого обмена, представляющий собой вопросно-ответную цепочку, в которой одна сторона задает вопросы, а другая — дает на них ответы. При этом вопросы врача, как правило, не имеют характера обычных вопросов, когда задающий вопрос желает установить некую новую, не известную ему информацию. Врач хочет увидеть, как на эти вопросы будет отвечать пациент.

Пример 2

В: понятно ну давайте >нвено< по порядку () раньше у нас лечились когда-то?

П: да [(нрзб)

В: угу [что за отделение у нас () знаете?

П: з:наю *служил угу*

В: какой номер отделения?

П: одиннадцатое, да

В: *м* а больница как называется в целом?

П: *а* больница:: ой () забыл- (4.5) *м* надо же (.) памяти нисколько

В: *вчера поступили* а вчера какое число было, помните?

(2.1)

П: *у () забыл*

(2.0)

В: ну месяц (.) какой идет?

(1.4)

П: месц () сентябрь еще пока *вроде*

В: сентябрь, а >а год<?

(2.4)

П: год двадцать второй ()

В: *>двадцать второй<* вы в каком году родились?

П: в пийсят пятом ()

В: в пийсят пятом. сколько вам сейчас <полных лет>?

(1.8)

П: Ну шестьдесят пять было, я в сентябре, у меня день рождения

В: *угу*

(4.6)

В: *шейсят пять было, да*

45

Большинство вопросов, которые в контексте другого формата коммуникации могли бы показаться не связанными друг с другом, в рамках психиатрического осмотра образуют некую последовательность, смысл которой заключается в выявлении признаков заболевания. Ответы пациента, в свою очередь, дают врачу основания для того, чтобы истолковать их в совокупности как отвечающие некоему образу заболевания.

Смысл вопросов врача заключается в том, чтобы выстроить аргументацию, сопоставив ответы пациента с уже имеющейся информацией, полученной до вопроса. В ходе клинического интервью

встречаются и прямые указания продемонстрировать свою способность сделать что-либо (например, произвести арифметические действия). И в каком-то смысле многие вопросы врача являются аналогом подобной, характерной для соматической медицины, процедуры (например, дотронуться кончиком пальца до носа) — только в области работы не с телом, а с коммуникацией, чтобы оценить степень сохранности когнитивных и коммуникативных навыков.

Заметим, что в приведенном выше примере врач не реагирует непосредственно на сведения, сообщаемые пациентом, как сделал бы это человек в обычном разговоре: в момент интервью и месяц не сентябрь, и год не двадцать второй.

Пример 3

В: так сейчас полных лет сколько? шейсят пять или шейсят шесть?
(2.8)

П: с пятьдесят пятого года, сейчас же двадцать второй да?

В: ну () определитесь сейчас, сейчас все-таки двадцать первый год П: а, двадцать первый [всет]. пятьдесят пять. сорок пять ()

46 и двадцать один...

В: [*угу*]

(1.6)

П: о () уже:: пятьдесят шесть! (1.9) или шестьдесят шесть?

(2.0)

В: сколько?

П: шейсят [шесть да шейсят шесть, да

В: [угу угу угу

>В: праздновали как-то свой день рождения?

(3.0)

П: ну: (2.4) >вроде бы праздновал<

В: *угу, понятно* Виктор Алексеевич, сегодня одиннадцатое ноября двадцать первого года

П: вот

В: запомните?

П: а, уже н::оябрь, да

В: одиннадцатое ноября (1,5) попрошу вас запо[мнить *сегодняшнее число*

П: [ага хорошо

Поскольку существует принятый протокол опроса пациента, это интервью носит отчасти церемониальный характер. Профессиональному подходу, призванному решать диагностические задачи наиболее экономным образом, обучают студентов-медиков, объясняя, в частности, что выявление признаков заболевания возможно

уже на этапе установления контакта с пациентом, в момент его самопрезентации. Кроме того, причины поступления и жалобы пациента могут быть совсем не связаны между собой. Главное отличие заключается в том, что вопрос о жалобах предполагает большую агентность пациента, чем вопрос о причинах его поступления в психиатрическую больницу.

Вот пример, где молодой врач, осматривающий другого пациента совместно с заведующим отделением, мог пропустить фазу выявления жалоб, а более опытный специалист задает молодому врачу риторический вопрос, отсылающий к этому институциональному правилу:

Пример 4

- В: вам сколько лет? когда родились, расскажите, пожалуйста
 П: шийсят пятого года
 В: повторите, пожалуйста
 З: в шестьдесят пятом году
 В: дата месяц
 П: 12 мая
 В: ага хорошо (.) когда к нам поступили?
 П: вчера
 В: вчера (.) в связи с чем поступили?
 > З: с чего начинаем осмотр? с жалоб. и где находитесь
 В: скажите, пожалуйста, жалобы у вас какие? что вас беспокоит?
 П: памяти нету

47

Однако алгоритмический характер клинического интервью — не просто дань установленному протоколу. Последовательность вопросов в принципе отталкивается от необходимости на каждом шаге выдвигать гипотезы и проверять их: отталкиваясь от разнообразных данных, среди которых жалобы больного, рассказы его родственников и знакомых и непосредственное наблюдение больного, врач определяет группу симптомов и спрашивает о том, что обычно сочетается с этими симптомами и что позволяет определить, как больной реагирует на эти симптомы [Менделевич 2019: 163].

Когда врач получает ответ на свой вопрос, он может задать следующий, но чаще он сначала как-то реагирует на полученный ответ — например, переформулирует ответ или просто его повторяет. Переформулирование ответов становилось предметом рассмотрения на материале психотерапевтического взаимодействия [Regäkylä 2012; Weiste, Peräkylä 2013] и представляет большой интерес: если психотерапевт, откликаясь на полученный ответ, не просто демонстрирует, что он услышал, и не просто повторяет, а перефор-

мулирует, это значит, что он выделяет что-то в услышанном ответе, демонстрирует интерпретацию, которая предлагается в качестве кандидата на подтверждение или опровержение на следующем шаге диалога. В работе [Weiste, Peräkylä 2013: 315] были сформулированы следующие способы обращения психотерапевта с высказываниями пациента: подчеркивание (когда терапевт использует слова из высказывания пациента), перефразирование (когда терапевт дает другую формулировку высказыванию пациента), реинтерпретация (когда перефразирование дает объяснение суждению пациента, связывая его с какими-то другими обстоятельствами) и преувеличение (когда терапевт как бы доводит до крайности суждение пациента). Всё это имеет прямое отношение к нашим материалам не только потому, что, как было указано, одна из функций клинического интервью психиатра — психотерапевтическая, но и потому, что подчеркивание в ходе психиатрического осмотра оказывается важно и для самого врача, который таким образом фокусирует внимание на признаках заболевания.

48

Пример 5

В: а с алкогольными делами? вот вы начали рассказывать () когда вы выпивали в последний раз?

П: неделю назад вот

В: как это... один раз выпили или там на протяжении нескольких дней выпивали?

П: ну **бутыбутылка на день**

В: **бутылка на день**. а сколько дней подряд это было?

П: (4) ну почти каждый день

В: угу ну а сколько? месяц? несколько месяцев?

П: ну вот ээ до перерыва, перед тем как сюда поехать () почти **три месяца**

В: >угу<

В: **три месяца**. и по бутылке в день () а бутылка сколько ноль пять **ноль семь** литр?

П: **ноль семь**

В: **ноль семь** (.) а что?

П: вот этот (2.0) ну, портвейн

В данном случае врач подчеркивает характеристики, которые важны для определения стадии алкоголизма. Эти характеристики артикулируются в виде эхоического повтора. В некоторых случаях эхоический повтор может не только служить поддержанию связности, но и иметь форму демонстрации, позволяющей сфокусировать внимание и врача, и самого пациента, и других возможных

участников осмотра. Рассуждая о встроенности смысла речевых действий в контекст ситуации, Стивен Левинсон [Levinson 1979: 374-387] обратил внимание на похожее явление на примере того, как в ходе перекрестного допроса в британском суде жертва изнасилования (потерпевшая сторона) отвечает на вопросы защиты. Адвокат стороны защиты прибегает к последовательности вопросов, которые не приносят новой информации, однако позволяют склонить присяжных к пониманию событий в рамках определенного нарратива.

В свое время в рамках теории речевых актов Джон Серль сформулировал разницу реальных вопросов и «экзаменационных» вроде тех, какие мы видим в интервью: экзаменационные представляют собой не запрос информации, а просьбу продемонстрировать знание или умение [Searle 1969: 69]. Как в случае вопроса учителя ученику, «экзаменационный» вопрос в клиническом интервью затрагивает степень компетентности отвечающего — демонстрируя, например, что он не справляется с задачей, которая не представляет никакой трудности для большинства людей в обычной жизни (в нашем примере это касается ориентации в календаре). Э. Щеглов [2007: 224] указывает, что вопросы, предполагающие, что ответ уже известен спрашивающему, образуют отчетливый паттерн — последовательность, состоящую из вопроса, ответа и оценки ответа, и особенно обращает внимание на то, что воздержание от третьей фазы этой последовательности может нести свои смыслы (как мы видим это и в нашем примере). В клиническом интервью в психиатрии некоторые вопросы такого рода предполагают проверку способности выполнить определенное действие, а не демонстрацию знания, и встраиваются в общую логику организации интервью. Отличие наших материалов в том, что оценка не высказывается в явном виде, вместо этого врач повторяет слова пациента¹, то есть паттерн выглядит так:

фаза А Вопрос врача >
фаза В Ответ пациента >
фаза С Повтор врачом ответа пациента >
фаза А Вопрос врача
Продemonстрируем это в нашем примере:
А В: ну месяц (.) какой идет?
(1.4)

1 Это может иметь вспомогательную функцию — врач параллельно ведет записи. Но в интервью такая техника иногда используется, чтобы получить от интервьюируемого более развернутое суждение на эту же тему; во всяком случае, такое повторение предполагает возможность для пациента отреагировать.

В П: месц () сентябрь еще пока *вроде*

С В: сентябрь, а

А В: >а год<?

(2.4)

В П: год двадцать второй ()

С В: *>двадцать второй<*

А В: вы в каком году родились?

В П: в пийсят пятом ()

С В: в пийсят пятом

А В: сколько вам сейчас <полных лет>?

(1.8)

В П: ну шестьдесят пять было я в сентябре, у меня день рождения

В: *угу*

(4.6)

С В: *шийсят пять было, да*

(4.0)

А В: так сейчас полных лет сколько? шейсят пять или шейсят шесть?

50

Пациент не помнит, сколько ему лет (на самом деле, 66), и ошибается в том, какой сейчас год, и не видит противоречия (если год 2022-й, то ему должно было бы быть 67 лет). Несмотря на то что вроде бы речь пациента выглядит сохранной, в результате интервью становится очевидно то, что отмечено врачом впоследствии в описании статуса больного: *«Память снижена диффузно как на текущие события, так и на события прошлого, не помнит ключевые даты жизненных событий, даты предыдущих госпитализаций»*. Для врача это основание предположить органические нарушения, затрагивающие когнитивные функции.

Описанный паттерн не характерен для более поздней стадии интервью, где врач расспрашивает пациента о начале его болезни, об особенностях его трудовой деятельности и употребления алкоголя. Эти вопросы включают в себя реальный поиск информации, а не только проверку способностей пациента, и врач в этих случаях чаще не повторяет ответ пациента, а переформулирует его одним из четырех способов, указанных выше, что подталкивает собеседника к тому, чтобы отреагировать.

Относительно «экзаменационных» вопросов в клиническом интервью можно утверждать, что они следуют двум смысловым порядкам (accountability): во-первых, они следуют обычному разговорному порядку, а во-вторых, порядку, обеспечиваемому профессиональными рассуждениями, направленными на проверку

диагностических гипотез. Так, в нашем примере 3 отмечен вопрос врача о праздновании дня рождения, заданный после того, как пациент сообщил о том, что его день рождения в сентябре, и запутался в определении своего возраста (ему недавно исполнилось 66 лет). Вроде бы вопрос о возрасте после упоминания дня рождения содержательно также связан с предыдущим высказыванием, как и вопрос о праздновании. Однако вопрос о том, отмечался ли праздник, принадлежит линии гипотетических рассуждений врача о пьянстве и алкоголизме, что, в свою очередь, касается объяснения амнезии и потери ориентации в календаре. Далее в интервью врач узнает что в течение трех месяцев перед госпитализацией пациент выпивал по бутылке портвейна в день, и проверка того, как долго и в каком режиме пациент потреблял алкоголь, здесь имеет отношение к профессиональной логике врача, а не к логике здравого смысла обыденного разговора.

В дальнейшем именно эти подчеркнутые детали имеют шанс оказаться зафиксированными в письменном виде в истории болезни. Задавая вопросы пациенту в ходе клинического интервью, врач получает не просто ответ, но своеобразный перформанс, демонстрацию того, как пациент отвечает на поставленный вопрос. Фактически по крайней мере часть разговора врача и пациента в этом жанре оказывается цепочкой таких перформансов.

51

Роль демонстрации в психиатрии была велика и на ранних этапах ее существования — см. о Ж.-М. Шарко и его еженедельных демонстрациях в больнице Сальпетриер, о клинических демонстрациях как спектакле и о «постановке» симптомов, а также о роли фотографии в работе [Didi-Huberman 2004]; ср. также в книге [Rorper, Bugrell 2019] о том, как это связано с ключевыми дебатами в ходе становления психиатрии. Остается значимой роль демонстрации и сегодня как части врачебных практик, в том числе и как аргумента в профессиональном разговоре с коллегами — например, в ситуации консилиума или консультации профессора. Бывают случаи, когда и врач должен продемонстрировать что-то больному относительно его состояния, чтобы он согласился с врачом (например, с помещением в одно, а не другое отделение). Но самое главное, что даже в отсутствие коллег, которые отстаивают другую точку зрения и предлагают другие диагностические гипотезы, и в отсутствие необходимости что-то доказывать пациенту действия врача в рамках клинического интервью могут быть описаны как цепочка своеобразных экспериментов-перформансов. Врач последовательно подставляет некие гипотетические закономерности и проверяет их в ситуации интервью, пользуясь логикой абдуктивного рассуждения. Набор этих закономерностей — это те признаки, которые позволяют подтвердить, опровергнуть или

исключить тот или иной диагноз; в зависимости от того, какой диагноз мы предполагаем (и какой исключаем), цепочка этих экспериментов будет разной. В рассмотренном случае эти признаки касались нарушений когнитивных функций, связанных с хроническим алкоголизмом.

Транскрипционные обозначения

эпилепсия — звездочками выделено заметно более тихое произнесение

>хорошо< — обращенные внутрь ломаные скобки указывают на более высокий темп произнесения, обращенные наружу — более низкий

(2.2) — пауза и ее длительность

() — пауза меньше секунды без падения тона

(.) — пауза меньше секунды с падением тона

[— квадратные скобки на соседних строчках соответствуют началу одновременного говорения

раньше — подчеркивание указывает на эмфазу

52 ну:: — удлинение звука отмечается двоеточиями после него

Библиография / References

Ковалев Ю. В. (2023) *Клиническая иконография в психиатрии*. М.: Проспект. EDN: PJRBVTM

— Kovalev Yu. V. (2023) *Clinical iconography in psychiatry*. Moscow: Prospekt. — in Russ.

Крылов В. И. (2011) Клиническая психопатология и доказательная медицина (проблема методологии диагноза). *Психиатрия и психофармакотерапия*, 13 (4): 9-13. EDN: OEZKYH.

— Krylov V. I. (2011) Clinical psychopathology and evidence-based medicine (problem of diagnosis methodology). *Psychiatry and Psychopharmacotherapy*, 13 (4): 9-13. — in Russ.

Куприянов В. В., Сухаревский Л. М., Новинский Г. Д. (1971) *Лицо больного : Атлас*. М.: Изд. бюро респ. объединения «Медучпособие».

— Kupriyanov V. V., Sukharebsky L. M., Novinsky G. D. (1971) *Patient's face: Atlas*. Moscow: Publishing house "Mednauchposobie". — in Russ.

Менделевич В. Д. (2019) *Психиатрическая пропедевтика. Практическое руководство*. М.: ИД "Городец".

— Mendelevich V. D. (2019) *Psychiatric propaedeutics. Practical guide*. Moscow: Publishing House "Gorodets". — in Russ.

Baker M. G. (2002) The wall between neurology and psychiatry. *BMJ*, 324(7352): 1468-

1469. <https://doi.org/10.1136/bmj.324.7352.1468>

Bourdieu P., Nice, R., Wacquant, L. (2004). The peasant and his body. *Ethnography*, 5(4): 579–599. <http://dx.doi.org/10.1177/1466138104048829>

Didi-Huberman G. (2004). *Invention of Hysteria: Charcot and the Photographic Iconography of the Salpêtrière*. Translated by Alisa Hartz. Cambridge (MA): MIT Press.

Eco U., Sebeok Th., ed. (1988). *The Sign of Three: Dupin, Holmes, Peirce* (Advances in Semiotics). Indiana University Press: Bloomington and Indianapolis.

Killen A. (2017) Psychiatry and its Visual Culture in the Modern Era, *The Routledge History of Madness and Mental Health*, ed. G. Eghigian. New York: Routledge: 172-190.

Levinson, S. (1979). Activity types and language. *Linguistics*, 17(5-6): 365-400. <https://doi.org/10.1515/ling.1979.17.5-6.365>

Malhi G.S., Keshavan M.S. (2007). Biology and psychology to psychobiology. *Acta Neuropsychiatrica*, 19(3): 211–212. <http://dx.doi.org/10.1111/j.1601-5215.2007.00218.x>

Peirce Ch.S. (1958-1966) *Collected papers*. Vols. 1-6 edited by Charles Hartshorne and Paul Weiss; vols. 7-8 edited by A.W. Burks. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press.

Peräkylä A. (2012). Conversation analysis in psychotherapy. In T. Stivers & J. Sidnell (Eds.), *Handbook of conversation analysis*. Chichester, England: Blackwell: 551-574.

Psillos S. (2011). An explorer upon untrodden ground: Peirce on abduction, *The Handbook of the History of Logic*, 10: 117-151. <https://doi.org/10.1016/B978-0-444-52936-7.50004-5>

Rich L. E., Simmons J., Adams, D., Thorp S., & Mink M. (2008). The Afterbirth of the Clinic: a Foucauldian perspective on “House M.D.” and American medicine in the 21st century. *Perspectives in Biology and Medicine*, 51(2): 220-237. <http://dx.doi.org/10.1353/pbm.0.0007>

Ropper A. H., Burrell B. D. (2019). *How the brain lost its mind: sex, hysteria, and the riddle of the mental illness*. Avery: New York

Rosenberg C. E. (2002). The tyranny of diagnosis: specific entities and individual experience. *The Milbank quarterly*, 80(2): 237-260. <https://doi.org/10.1111/1468-0009.t01-1-00003>

Sackett D. L., Rosenberg W. M., Gray J. A., Haynes, R. B., & Richardson W. S. (1996). Evidence based medicine: what it is and what it isn't. *BMJ (Clinical research ed.)*, 312(7023): 71-72. <https://doi.org/10.1136/bmj.312.7023.71>

Sacks H. (1992). *Lectures on Conversation*. Blackwell: Cambridge (MA), Oxford, 1992.

Schegloff E. A. (2007). *Sequence Organization in Interaction: A Primer in Conversation Analysis*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511791208>

Searle J. R. (1969). *Speech acts: An essay in the philosophy of languages*. Cambridge University Press.

Sebeok Th.A., Umiker-Sebeok J. (1988). “You Know My Method”. A Juxtaposition of Charles S. Peirce and Sherlock Holmes. In: *The Sign of Three: Dupin, Holmes, Peirce* (Advances in Semiotics). Indiana University Press: Bloomington and Indianapolis: 11-54.

Sebeok Th.A. (1986) Symptom. In: Sebeok, Th.A. *I Think I Am a Verb*. Plenum Press:

New York: 45-58.

Timmermans S., Berg M. (2003) *The Gold Standard. The Challenge of Evidence-Based Medicine and Standardization in Health Care*. Philadelphia: Temple University Press.

Weiste E., Anssi Peräkylä (2013) A comparative conversation analytic study of formulations in psychoanalysis and cognitive psychotherapy. *Research on Language and Social Interaction*, 46 (4): 299-321. <http://dx.doi.org/10.1080/08351813.2013.839093>

Утехин Илья Владимирович — антрополог, канд.ист.наук, ассоциированный исследователь, Европейский университет в Санкт-Петербурге (ЕУСП). Научные интересы: анализ коммуникативного взаимодействия, социальная и культурная антропология. ORCID: 0000-0002-1176-6330. E-mail: ilia@eu.spb.ru

Оганян Давид Вячеславович — врач-психиатр, Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет им. академика И. П. Павлова; независимый исследователь, магистр социологии, Европейский университет в Санкт-Петербурге (ЕУСПб). Научные интересы: медицинская антропология, социальные исследования психиатрии. E-mail: d.v.ohnn@gmail.com

54

Ilya V. Utekhin — anthropologist, PhD (cand. sci.), associate researcher, European University at St. Petersburg. Research interests: study of communicative interaction, social and cultural anthropology. ORCID: 0000-0002-1176-6330. E-mail: ilia@eu.spb.ru

David V. Oganyan — psychiatrist, Ivan Pavlov First St. Petersburg State Medical University; independent researcher, Master of Sociology, European University at St. Petersburg (EUSP). Research interests: medical anthropology, social study of psychiatry. E-mail: d.v.ohnn@gmail.com

Здоровый образ жизни в старости

Дмитрий М. Рогозин

РАНХиГС; Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0001-7879-1111

Рекомендация для цитирования:

Рогозин Д. М. (2024) Здоровый образ жизни в старости. *Социология власти*, 36 (2): 55-77.
<https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-2-55-77>

For citations:

Rogozin D. M. (2024) Healthy Lifestyle in Old Age. *Sociology of Power*, 36 (2): 55-77.
<https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-2-55-77>

Поступила в редакцию: 12.06.2024;
прошла рецензирование: 09.07.2024;
принята в печать: 10.07.2024
Received: 12.06.2024; Revised:
09.07.2024; Accepted for publication:
10.07.2024

This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© 2024 by the author(s).

Резюме:

Статья посвящена осмыслению здорового образа жизни в старости, существенным ограничениям и различиям, возникающим с возрастом и перепределяющим многие базовые представления о здоровье. Статья начинается с обозначения базовых представлений о здоровом старении, которые подвергаются сомнению и уточнению, через аналитический разбор густых интервью (авторская терминология качественного интервью, ближайший аналог которого в русскоязычной среде — глубинное интервью) со стариками. Полевые работы проходили в Республике Хакасия в трех городах: Абакане, Черногорске и Абазе. Всего проведено 12 интервью с пожилыми людьми, которым оказываются услуги длительного ухода. На основании полученных нарративов выделены пять сопутствующих старению состояний: жизнь в болезни; принятие ограничений; одиночество; поддержка и уход от других; эмоциональная подавленность. Через критическое осмысление жизненного мира старения выделены четыре признака здорового образа жизни в старости: внимание к старику, потребность в старике, ценность старения и наличие цели в жизни у старика. Современная социальная политика в России строится лишь

55

Основные положения статьи впервые апробированы на Всероссийском форуме «Здоровье нации — основа процветания России», проводившемся в середине мая 2024 года в Гостином дворе [Рогозин 2024]. Статья написана в рамках выполнения государственного задания на 2024 год. Авторы выражают признательность коллективу Центра «Институт социального анализа и прогнозирования» Президентской академии, редакции журнала «Социология власти», анонимным рецензентам за поддержку и критическое обсуждение основных положений, выносимых на публичное рассмотрение.

на одной компоненте «внимания к старику» (хотя декларируются законодательно и иные компоненты), посредством организации долговременного ухода, разработке и внедрению средств реабилитации, формированию доступной среды. Но важнейшими элементами остаются формирование потребности в старике среди значимых близких (родственников и не только), совместном согласовании, формировании у старика целеполагания в жизни и пропаганда ценности старения как такового. В статье предложена повестка дальнейших исследований, позволяющих точнее сформировать внутреннюю политику в области старения.

Ключевые слова: болезни, густое интервью, здоровье пожилых, ЗОЖ, внутренняя политика, критика клиентоориентированного подхода, медицинское обслуживание, одиночество, система долговременного ухода, социология старения

Healthy Lifestyle in Old Age

Dmitry M. Rogozin

RANEPA; Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-7879-1111

56

Abstract:

The article is devoted to understanding healthy lifestyle in old age, particularly the limitations and differences that arise with age, and may redefine many basic ideas about health. The article begins by identifying basic ideas about healthy aging, which are questioned and clarified through an analytical analysis of dense interviews (the author's terminology for qualitative interviews, the closest analogue of which in the Russian-speaking environment is in-depth interviews) with old people. Field work took place in the Republic of Khakassia in three cities: Abakan, Chernogorsk, and Abaza. A total of 12 interviews were conducted with older people receiving long-term care services. Based on the received narratives, five conditions accompanying aging were identified: living in illness; accepting limitations; loneliness; support and withdrawal from others; emotional depression. Through a critical understanding of the life world of aging, four signs of a healthy lifestyle in old age are identified: receiving attention, being needed, seeing value in ageing, and having a life goal. Modern social policy in Russia is based on only one component of "attention to the elderly" (although other components are also stipulated in law), through the organization of long-term care, the development and implementation of rehabilitation procedures, and the creation of an accessible environment. But the most important elements remain the formation of the need for the old man among significant loved ones (relatives and others), joint agreement, the formation of goal-setting in the old man in life, and the promotion of the value of aging as such. The article proposes an agenda for further research to more accurately shape domestic policies in the field of aging.

Keywords: diseases, dense interview, health of the elderly, healthy lifestyle, internal policy, criticism of the client-oriented approach, medical care, loneliness, long-term care system, sociology of aging

Здоровый образ жизни есть непроблематизируемый, неотчуждаемый и необсуждаемый (по Попперу, если нет критики, то нет и обсуждения) элемент социальной политики [Вершинина, Марсенко, Ситулина 2018; Голубева, Данилова 2011; Зайцев, Артемьева 2016]. Здоровый образ жизни — цель, оправдывающая любые доступные и этически оправданные средства. Никто не решится, разве что смеха ради, в качестве анекдота на дружеском застолье или оправдания собственных привычек, подвергнуть сомнению устоявшееся мнение о пользе здорового образа жизни. В настоящей статье это сомнение будет также отложено, вернемся к нему в другой раз.

Что мотивирует стариков придерживаться здорового образа жизни? Почему одни ведут здоровый образ жизни, другие — несмотря на все издержки, боли, риск тяжелых заболеваний, немощи, ранней смерти — игнорируют, отказываются от контроля за собственным здоровьем?

Ответы лежат на поверхности: по незнанию, бедности, отсутствию инфраструктуры.

Во-первых, люди с низким образованием, мало читающие, мало путешествующие, не встречающие альтернатив жизни, не имеющие опыта планирования и принятия решений, не способны понять и принять ценность здорового образа жизни, незначительность тех ограничений, в сравнении с теми возможностями, которые они открывают.

Во-вторых, люди с низкими доходами, расходы которых на питание составляют большую часть семейного бюджета, люди в долговых обязательствах, с наличием иждивенцев даже в старости, в лице непутевого сына или дочери с подрастающими внуками, не склонны задумываться о своем здоровье. Такие скажут — бедный, потому что старый [Смолькин 2011: 275]. Людям трудно заботиться о здоровье, когда каждый рубль на счету.

В-третьих, люди, проживающие в населенных пунктах, где нет нормальных дорог, пунктов дневного пребывания, геронтологических кабинетов, помощников по уходу и социальных работников, где нет соответствующей инфраструктуры, не имеют возможности вести здоровый образ жизни, не с кем и не с чем.

Все три ответа настолько очевидны, что не нужны никакие социологические исследования. Следует прекратить обсуждения, следует начать что-то делать: предпринимать меры, выделять бюджеты, наказывать нерадивых и премировать старательных, умеющих обеспечить условия для образования, доходов и инфраструктуры тем, кто в этом нуждается.

На самом деле каждое из этих утверждений не соответствует в точности тому, что обнаруживается в научных исследованиях. Уровень образования не всегда влияет напрямую на здоровый об-

раз жизни. Хотя зависимость здорового образа жизни от уровня образования подчеркивается во многих исследованиях [White et al. 2015], физическая зарядка, отказ от вредных привычек, регулярные прогулки и регулярный прием лекарств куда больше зависят от близкого окружения, нежели от образованности стариков. В полевых исследованиях зачастую сталкиваешься с тем, что люди с низкими доходами ведут более здоровый образ жизни, нежели с высокими. Материальная составляющая для стариков важна, но чаще как способ поддержать родственников, помочь детям, внукам, правнукам. Люди, проживающие в шаговой доступности от центров дневного пребывания, поликлиник, проживающие рядом с парками, в центре больших городов с разнообразными досуговыми центрами, театрами, ресторанами, не чаще и не больше, чем жители деревень и малых городов, гуляют, наряжаются, встречаются с друзьями. Знание, богатство и инфраструктура важны, но не они выступают основными факторами здорового образа жизни.

Если не они, то что стимулирует стариков заниматься своим здоровьем, точнее, нездоровьем?

58

Начать следует с постановки под сомнение самого понятия здоровья, с вопроса о том, что есть здоровый образ жизни в старческом возрасте? И тут нас ждет очередное разочарование в здравом смысле, поддержанном юридическими документами. Здоровье у нас, как и во всем мире (см. критику текущих представлений о здоровье: [Huber, Knottnerus, Green et al. 2011]), определено как состояние, *при котором* (курсив наш. — Д. Р.) отсутствуют заболевания: «здоровье — состояние физического, психического и социального благополучия человека, при котором отсутствуют заболевания, а также расстройства функций органов и систем организма» (п. 1 ст. 2, 323-ФЗ)¹. Так и написано в первой части: «при котором». И далее, вторым пунктом охрана здоровья — это система мер «в целях сохранения и укрепления физического и психического здоровья каждого человека» (п. 2 ст. 2, 323-ФЗ). Но что укреплять у стариков? В такой формулировке у них нет и не может быть «здоровья». Старики болеют, страдают, переживают последствия множества заболеваний. Это состояние описывает специальный термин — «полиморбидность», или одновременное развитие нескольких хронических заболеваний, жизнь в болезни и болях (см. подробнее: [Григорьева, Келасьев 2017: 245; Rogozin 2018; Смолькин 2007]), следствием такого состояния становится

1 323-ФЗ. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011.

полипрагмазия, или одновременное назначение большого количества лекарственных препаратов, побочные эффекты от которых часто принимаются за симптомы новых болезней [Jennings, Doherty, Clyne et al. 2024]. Но наличие полиморбидности и полипрагмазии у стариков де-факто отрицается с первых строк закона об основах охраны здоровья, в котором охраняется то, чего у стариков попросту нет.

Мы привычно говорим о здоровье не только как о целевой функции социального обслуживания, но и как об общем фоне жизни человека. Однако старый человек живет в ситуации нездоровья, потому нормативные документы, разговоры врачей, пересуды родственников создают некоторый двойственный формат отчуждения. Разговоры ведутся о том, что отсутствует. Старик живет в болезнях, разговоры о здоровье вызывают лишь улыбку или сожаление. Поэтому и концептуальное осмысление должно проходить в представлениях о нездоровье и адаптации к нему. Это первый смысловой шаг к сокращению коммуникативных разрывов в сфере долговременного ухода. Второй шаг — рассмотрение реального, а не надуманного образа жизни, который присущ старикам. Посмотреть на жизнь, почувствовать, прожить и пережить происходящее через старческую немощ и боль — задача социального исследования старения, основной мотив для написания статьи.

59

Метод исследования

Отбор респондентов для интервью проходил в рамках административной процедуры определения доступных единиц наблюдения. Изначально согласована анкета и сроки проведения исследования в Министерстве труда и социальной защиты Российской Федерации. Затем в отобранный регион (Хакасию) направлен запрос в региональное министерство социальной защиты, где определены параметры предполагаемых респондентов: обозначен желательный возраст старше 85 лет, вариативность по состоянию здоровья и потребностях в уходе, от полностью неподвижного состояния и острой нуждаемости в долговременном уходе до относительно самостоятельного удовлетворения базовых потребностей. Все респонденты являются получателями того или иного набора социальных услуг или состоят в экспериментальной программе по долговременному уходу. Наиболее тяжелые по состоянию здоровья не могли поддерживать разговор и в интервью активно участвовали близкие родственники, оказывающие уход.

Всего состоялся разговор с 12 пожилыми людьми из трех городов Хакасии: Абакана, Черногорска и Абазы, по 4 человека в каждом городе (таблица 1).

Таблица 1. Список информантов
Table 1. List of informants

№	Город	Пол	Год рожд.	Состояние
1	Абаза	жен	1935	Ходит с палочкой, самостоятельна в гигиене, на улицу не выходит, поддерживает долгую беседу.
2	Абаза	жен	1927	Живет с дочерью, полностью зависима, речь замедленная, путается, не может долго общаться.
3	Абаза	жен	1932	Очень больные ноги, почти не передвигается, помогает сын. Жалобы на сильные боли.
4	Абаза	жен	1939	Из дома не выходит. Лежачий муж, за которым ухаживает. Жалобы на головные боли, с гигиеной справляется самостоятельно.
5	Абакан	жен	1936	Плохо слышит, почти не двигается, может дойти до туалета, частые падения. Живет одна, навещает дочь.
6	Абакан	муж	1942	Парализован, ухаживает жена. Инвалидность уже много лет. На улицу не выходил несколько лет.
7	Абакан	муж	1933	Очень плохо видит, была операция на глаза, которая восстановила на время зрение. Диагностирован рак. Ходит самостоятельно гулять с палочкой.
8	Абакан	жен	1938	Парализована, сильные боли. Есть пролежни. Ухаживает сын.
9	Черногорск	муж	1935	Деменция. На вопросы отвечать не может. Живет в доме сына. Разговор состоялся с невесткой.
10	Черногорск	жен	1934	Парализована. Ухаживает дочь. Речь путаная, деменция. Поговорить удалось с дочерью.

11	Черногорск	жен	1932	Передвигается по дому с посторонней помощью. Сама в туалет ходить не может. Живет с дочерью. Деменция.
12	Черногорск	муж	1936	Парализован на одну сторону. Может сидеть на кровати. Ухаживает жена. Избегает врачей, поскольку, с его слов, допущены грубейшие врачебные ошибки, которые и привели к текущему состоянию.

Все респонденты весьма негативно отзываются о своем здоровье, подавлены, не проявляют интереса к жизни, критикуют медицинское обслуживание, с большим интересом рассказывают о прошлом, чем о настоящем.

Поскольку все респонденты являются получателями социальных услуг и в их домах и квартирах убираются социальные работники, в целом в помещениях чисто и ухоженно. У всех есть туалет в доме, горячая и холодная вода. Родственники стараются поддерживать чистоту тела, лежачих моют примерно один раз в неделю, в остальное время обтирают.

61

Во время интервью, как правило, присутствовали либо социальный работник, либо член семьи. Только два интервью в Абазе проводились наедине с пожилыми женщинами. Интервью проходили в доброжелательной атмосфере, пожилые и их родственники были открыты для вопросов. Только в одном случае был вызван участковый, поскольку сын оказался подозрительным и не поверил социальному работнику о намерениях визита. Инцидент был исчерпан после предоставления документов и вмешательства службы социальной защиты города.

Все разговоры с пожилыми записывались на диктофон. Предварительно было получено согласие как от них самих, так и от родственников, присутствующих при разговоре. Однако согласие самих пожилых нельзя назвать информированным. Они не вдавались в подробности исследования, не понимали задач, удивлялись приезду из Москвы, и скорее воспринимали происходящее как некоторое обязательное мероприятие, инициированное Службой социальной защиты. В Абазе разговоры приходили без представителя службы, в Черногорске и Абакане присутствовали представители от государственного учреждения. Это не влияло на характер разговора. Они не мешали, в некоторых случаях помогали уточняющими вопросами. Но сам факт присутствия иных лиц, контролирующих исполнение функций помощника по уходу или социального работника, следует учитывать при интерпретации

нарративов. По типу интервью его скорее можно назвать фокусированным с элементами административного, нежели этнографическим или глубинным.

Все аудиозаписи были расшифрованы с помощью системы искусственного интеллекта «Писец» (<https://pisec.app/>) и затем проверены на корректность расшифровки. Исправлены ошибки, дополнены имена. Затем для сохранения анонимизации повествования из транскриптов извлечены краткие фрагменты в пересказе аналитика. С одной стороны, сохранялась особенность речи, переживания и важнейшие смысловые блоки рассказчика, с другой — полученный текст уже не принадлежит ему. Создается некоторая дистанция между высказанным в интервью и записанным аналитическим фрагментом, которая позволяет решить проблему неполной анонимизации, исключить любые негативные последствия от невольной идентификации говорящего его близкими, в случае прочтения статьи. Пожилые люди защищены от любого некорректного использования результатов взаимодействия с ними, поскольку сняты не только идентификаторы личности, но и сам текст не может быть соотнесен с конкретным информантом.

62

Такое интервью можно назвать густым (по А. П. Чехову)¹, а способ обработки интервью — сгущением. То есть аналитическая работа направлена на то, чтобы в компактной, небольшой форме отразить порой многочасовой нарратив, многие горести и боли собеседника.

1 Представление о густом интервью сформировалось у автора статьи в командировке на Сахалине, после ознакомления с наследием Чехова и его интерпретацией сахалинскими социологами. Густое интервью — это метод качественного исследования, построенный на вдумчивом отношении к речи собеседника, вымарывания из нее всего лишнего и проходного, сгущения смыслов и нивелирования домыслов, сохранения авторского стиля и удаления речевых штампов, просочившихся в беседу из телевизора. Основная характеристика густого интервью — выразительность мысли, а не речи, замена авторского многословия и многоречия несколькими точными словами, обнаруженными в беседе. Это совместное формирование смысловых полей, трансформирующих локутивные высказывания в иллокутивные, а иллокутивные в перлокутивные. Густое интервью есть гуща речевых намерений, выявленных в ходе продолжительной беседы, в которой интервьюер и респондент меняются местами, в которой уместней говорить об участии и сотворчестве, нежели о передаче информации и восприятии, в которой мысль загущается, обогащается, наполняется новым, дотоле неосознанным содержанием. Термин густоты впервые начал использовать Антон Павлович Чехов, который любил, по словам Михаила Меньшикова, чтобы было «густо» написано: немного, но многое. В этом немногом раскрываются не только мысли и чувства говорящих, но формируются новые вопросы, условия для продолжения разговора, для включения в него новых участников.

Тем самым создается густота нарратива, раскрывающего, пусть в административном контексте, особенности жизненных миров собеседников, без сокрытия влияния интервьюера, с обязательным представлением позиции спрашивающего.

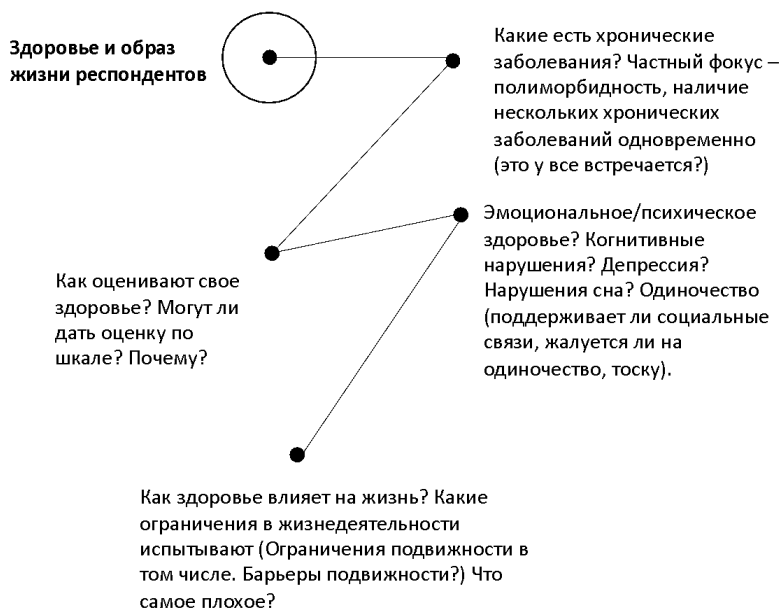
Короткие тексты составлялись по транскриптам интервью с частичным прослушиванием аудиозаписей. Это позволяло не только следить за содержанием речи, но и не терять тональность, аудиоконтекст высказывания. Звучащая речь никогда не может быть адекватно передана в тексте, поэтому выявление смысловых паттернов продуктивней проводить в гибридном формате через анализ речи и текста¹. Тексты писались последовательно по мере анализа интервью, нумеровались и соотносились с исследовательскими вопросами. Всего было написано около 200 коротких текстов, из них на втором этапе под текущий исследовательский вопрос отобрано 15, которые систематизированы и приведены ниже.

Затем к блоку исследовательских вопросов, отражающих здоровье и образ жизни респондентов (рис. 1), составлена схема, с одной стороны, структурирующая наиболее характерные ответы, с другой — создающая уникальный, схематический исследовательский отклик на поставленный исследовательский вопрос (см. рис. 2). Полученная схема выступает навигатором для прочтения густых аналитических пересказов из собранных интервью, обобщает и структурирует собранный материал.

Не на все исследовательские вопросы удалось получить исчерпывающие ответы. Однако общий фон качественного исследования позволил уйти от объективации жизни стариков, представить субъектную картину мира, в которой страхи, сомнения, боли и непонимание окружающих составляют большую его часть. Задача социального исследователя — не поставить диагноз, а передать субъективно-полагаемые смыслы, определяющие и структурирующие жизнь других. Пожилые люди во многих отношениях другие, в том числе самим себе, то есть зачастую они воспринимают себя моложе, не могут принять текущие ограничения, не принимают

1 Аналогичный прием был неоднократно апробирован автором статьи в других исследованиях, посвященных старению (см., например: [Рогозин 2021]). Мотивированный аналитический пересказ услышанного отсылает к давней традиции этнографических исследований, когда отсутствовали инструменты жесткой фиксации высказываний и требовалось пересказать услышанное. Когда-то это воспринималось как недостаток полевой работы, приводящий к неизбежным потерям информации; сейчас пересказ, переложение услышанного может трактоваться как достоинство, более адекватный и безопасный для информанта аналитический продукт.

себя постаревших и немощных. Задача исследователя — через разговоры, тексты, понимание — сократить дистанцию, преодолеть отчуждение и сформировать понимание, разделяемое всеми участниками процесса долговременного ухода.

64

Рис. 1. Пространство исследовательских вопросов об образе жизни и здоровье.

Fig. 1. Space of research questions about lifestyle and health.

Метод густого интервью не противостоит и не соперничает с известными и привычными методами глубинного, биографического, нарративного или фокусированного интервью. Не идет речи ни о приоритете густых описаний, ни об особых, дополнительных смыслах, которые извлекаются благодаря применению этого подхода. Густое интервью относится к качественным методам исследования и не отличается по базовым методологическим принципам от приведенных видов интервью. Единственное отличие, которое следует учитывать, — это прямое включение исследователя в процесс формирования аналитических (густых) описаний, фрагментов разговоров, в которых он принимал непосредственное участие. Интервьюер как бы принимает на себя всю ответственность за сказанное, снимает с респондента риски возможных неверных трактовок, представляет себя рассказчиком историй, которые ему пришлось выслушать, в формировании которых он принял активное участие.

Основной прием густого интервью — сгущение и обогащение полученных сведений накопленным до того опытом, сопоставление или противопоставление услышанного здравому смыслу, собственным представлениям. Исследователь не копирует фрагменты диалогов, а преобразует их в осмысленные и логичные высказывания. Не отходя от канвы разговора, он использует художественные приемы обработки речи, хорошо разработанные классиками русской литературы, в частности А. П. Чеховым. Это не потеря научности и не уход от достоверности, а сформированная, переосмысленная и сгруппированная в компактные описания суггестивная форма подачи материала.

Результаты

Смысловая жизнь пожилых разворачивается вокруг двух основных осей: воспоминаний о прошлом и переживаний текущей немощи и нездоровья. Старость — это время принятия и адаптации к боли и болезням. Насколько полным оказывается приспособление к боли, настолько стойким, ироничным становится образ жизни старика.

65

Из рассказов пожилых собеседников о текущей жизни выделяется пять основных повествований. Во-первых, жизнь в болезни, или переживание и привыкание к боли, отказ от оценки своего здоровья, даже непонимание вопроса о здоровье, смирение перед невозможностью как-то исправить текущую ситуацию. Во-вторых, принятие различных ограничений, связанных с подвижностью, питанием, гигиеническими процедурами и т. д. В-третьих, принятие поддержки других, без которых немыслима жизнь в старости. Это родственники, проживающие вместе со стариками или навещающие их, соседи, немногочисленные друзья, социальные работники, знакомые врачи и медсестры, помощники по уходу. В-четвертых и в-пятых, мы имеем дело с крайне негативными представлениями о жизни: эмоциональной подавленностью и одиночеством (рис. 2).

Ниже представлены пятнадцать густых описаний, определяющих пять значимых областей жизни в болезни и представлении, восприятии ее самими стариками и их окружением (см. рис. 2). Описания выполнены в бытовой, разговорной лексике, с сохранением особенностей коммуникации с пожилыми людьми.

1. Без заданий нельзя

Ковид маму подкосил, не столько болезнью, сколько полной изоляцией, недостатком общения. Потому пришлось задания придумывать. Летом на даче живем. Там у мамы огород. Здесь картофель садим, несколько грядок сделали. Она: Ой, ничего не буду делать.

Я ей: Мама, война! Будет голод, надо работать! Мама посадила морковь и свеклу, капусту. Рассаду ей дала. Плюс возле дома цветы. Недели две с половиной она гладиолусы, глицинии садила, потом ухаживала за ними. Была забота, что-то делать надо было, а не просто сидеть и в одну точку смотреть. Поэтому я маме даю задания. Летом проще, зимой сложнее. Но без заданий нельзя, быстро руки опускает иначе.

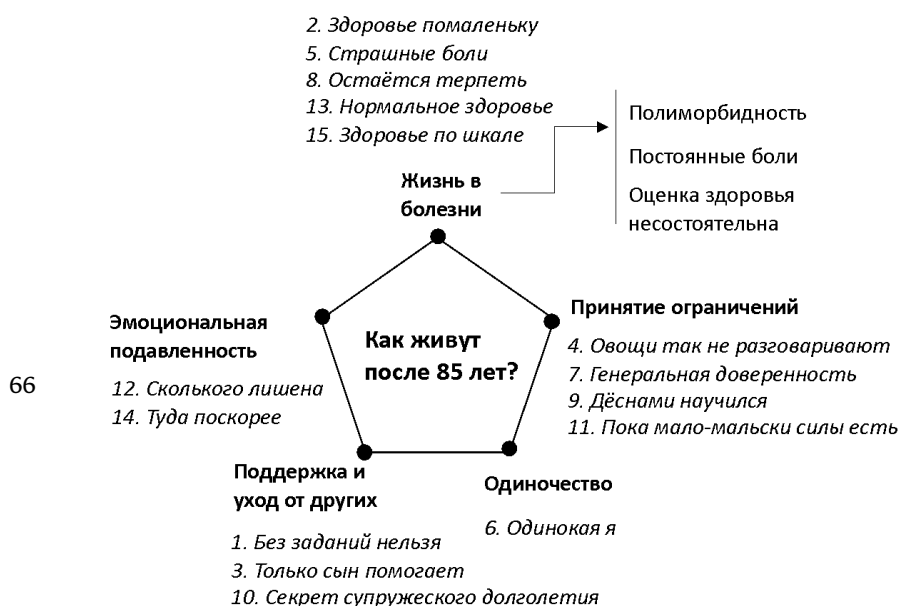

Рис. 2. Пять сопутствующих старению состояний.

Fig. 2. Five conditions that accompany aging.

2. Здоровье помаленьку

По анкете надо получить субъективную оценку здоровья. Спрашиваю старушку девяноста двух лет, как оцениваете свое здоровье? И далее диалог, в котором, понятно, есть кое-какое здоровье, но что его оценивать:

- Как здоровье оцениваю? Я же в Совете ветеранов до сих пор.
- Да?
- Конечно, сейчас уже всё, и я уже, собственно говоря, не могу.
- Но я вижу, по дому ходите.
- Хожу.
- На улицу выходите?
- Выхожу, а как же.
- А здоровье как?

— Как-то так, помаленьку.

Не стал дальше уточнять. Помаленьку здоровье. Не жалуется, жизнь прошлую вспоминает, двигается в меру сил и разговор под-держивается, не протокольно, не по бумажке, а от души, по-людски.

3. Только сын помогает

Больная женщина на девятом десятке. Ноги не ходят, сердце боль-ное, диабет, давление скачет, онкологию ставили, но как-то сама ушла. Говорит, другие болячки заглушила. Спрашиваю, помогает ли кто?

— Только сын, никто, кроме сына, не помогает.

— Никто?

— Кому мы, старухи, нужны? Только на сына надежда.

— А соцработник к вам ходит?

— Да, в эту неделю была, убиралась, мусор выносила, в магазин ходила за продуктами, лекарства купила. Окна должна помыть, потеплело бы только.

— Давно к вам соцработник ходит?

— Давно, много их у меня перебывало. Не первый год. Не помню уже ничего. Знаю лишь одно: только сын помогает во всем. Никому мы не нужны, старухи.

4. Овощи так не разговаривают

— Когда в последний раз на улицу выходили?

— Несколько лет назад. Не помню уже, когда. Как заболела, пять лет, наверное, сильно, так и сижу дома. Так что какая улица? Сижу и сижу. Привыкла уже.

— В туалет, в ванную сами или кто-то помогает?

— Куда я сама? Я овощ, теперь во всем помогают.

— Ну сознание у вас какое! Овощи так не разговаривают.

— В ванную я не могу забраться. Внучка приедет, помогает помыться.

— Как часто бывает? Раз в неделю получается помыться?

— Что вы, дай бог раз в месяц помоюсь, стараюсь не реже, но как уж получится. У внучки своя жизнь, неловко отвлекать на себя.

5. Страшные боли

Полгода назад приключился герпес. Врачи сказали. Рука до сих пор парализована. Была здоровая, везде бегала, на пятый этаж без всяких проблем. Врачи говорят, иммунитет слабый. Страшные боли были. Приходили, уколы делали. Сразу высыпания начались. Пришла к участковому, говорю, руку не могу держать. Врач подумала, остеохондроз, выписала ибупрофен. Высыпания дальше по-шли. Меня к дерматологу. Та говорит, два дня вас полечу, и расчи-тываюсь, не буду больше работать. Уколы, мази разные выписала. А у меня в ухо стреляет, в шею, зубы болят и голова. Просто ужас. Страшные боли были. Теперь обезболивающие пью, полегче стало, но левой рукой так ничего делать и не могу.

6. Одинокая я

Сиделка мне нравится. Сердечная она. Кормит, варит иногда. В выходные, правда, все дочь делает, если что-то надо. А так ухаживает нормально, сердечно. Чувствую, что хорошо относится. А соцработница ничем от врачей не отличается. Приходит, здоровается. Моет полы, пыль протирает, убирается — и уходит. Здравствуйте и до свидания — все наше общение. Что делает она, толком и не знаю, сиделка с ней все дела ведет. Ее спрашивать надо. Сейчас память никакая у меня, все забываю. Раньше командир была, со всем справлялась. Теперь не хочу ничем заниматься, вот ничем. Телевизор не радует, соседки, кто умер, кто уехал. Одинокая я осталась, сама себе не рада.

7. Генеральная доверенность

— Сейчас дочь всем распоряжается. Деньги ей отдала. Доверенность сделала официально, генеральную: она распоряжается моей сберкнижкой, в общем, всеми моими деньгами.

— Как грамотно поступили. А чья инициатива была: дочери или ваша?

— Моя.

68

— Большая редкость. Очень мудро поступили.

— Теперь ничем таким не занимаюсь: ни в банк не хожу, никуда ничего не плачу. Все она делает. Официально все оформили.

У всех, кто живет долго, наступает время, когда он или она не может самостоятельно разбираться со счетами, оплачивать услуги, принимать решения. Время это вроде наступает неожиданно, разом, но его наступление неизбежно, а потому вполне ожидаемо. При этом редко инициатива идет от самих стариков.

8. Остается терпеть

Здоровье у меня очень плохое. 87 лет. Суставы болят, хожу плохо, только с палочками. В 85 еще на даче работала и враз сдала, ментально прямо. Ничего вроде не случилось, а здоровье все хуже и хуже, само по себе. И лечить некому. Медицина не берет к себе. Всю жизнь была здоровая как конь, никаких болезней. А тут такие боли в суставах начались. Мази выписали, и на этом все. Жидкая мазь, густая мазь, мазик еще один. Натираемся, греюсь по два часа. Боль снимает, а потом снова, будто и не было ничего. Сказали, что в моем возрасте операции уже не делают. Остается терпеть.

9. Деснами научился

— Как у вас дела с зубами?

— Зубов нет.

— А что со стоматологом?

— Ой, это проблема. На дом категорически никак, хоть какое у тебя состояние. А так возили на коляске. Но рассказывать не хочется. Нехорошо как-то на врачей жаловаться, как бы ябедничаем (*смеется*).

— Почему проблема?

— Врач попался такой, не захотел возиться. Че попало сделал, что все падало. Ни разу и не поел. Два или три раза еще ходили, что-то подпиливал, но ничего толком не сделал. Тяжелые, не держатся, так и валяется до сих пор.

— А в другую клинику не обращались?

— Нет, решили — хватит.

— Как же жевать?

— Деснами уже научился (*смеется*).

10. Секрет супружеского долголетия

— С мужем 56 лет вместе. Я в пединституте училась, он — в музыкальном училище. Подрабатывал, на баяне играл на танцах. Там и познакомились. Но два года так прожили, так что по документам в браке 54 будет.

— В чем секрет такого долголетия супружеского?

— Пусть он расскажет, — смеется, показывает на мужа.

— Не курим, пьем в меру, болеем вместе (*улыбается*).

Вновь жена подхватывает:

— У нас у всех как-то так. Сестры все с одними мужьями. А еще лук, чеснок головками едим вместе. (*Смеется*.) А уж как черемша пойдет, обедаемся. Тут и ковид нипочем, семейная жизнь крепкая, другим не по ноздрям.

— Теперь понятно! (*Смеется*.)

11. Пока мало-мальски силы есть

— Почему услугами не пользуетесь? Можно добавить услуги. Соцработник будет, пока все не сделает. Уборка, помочь помыться, за продуктами сходить.

— Это ему все положено? — показывает на мужа.

— Конечно, он же инвалид первой группы.

— Да? Я-то сама, еще мало-мальски силы есть. Подумала, потихоньку все сделаю. Вроде как-то нехорошо людей обременять. Приходила соцработник, говорит, давайте я буду делать. А я: зачем?

— Поберегите свое здоровье, время. Вам же все это положено, бесплатно. Не знаю, почему вы отказываетесь?

— Я думаю, если еще могу, шевелюсь, как-то справлюсь.

Это жена говорит, он молчит. Если ориентироваться только на запрос, так и будут в семье как-то сами справляться, пока мало-мальски силы есть.

12. Сколького лишена

Буквально недавно вроде все случилось. Что-то замкнуло. Слегла. А началось со смерти сына, в 2007-м погиб. Муж еще живой был, переживали очень. Конфликты пошли, пил он очень, меня обвинял во всем. А я его нигде, никогда, ни в чем не подводила. А тут сына нет, больно. Плохо очень стало, немоготу. С тех пор

что-то надломилось. Болячки полезли. Потихоньку-помаленьку дожила до сегодняшнего состояния, а в молодости комсомолом занималась, была депутатом. Во все вникала, всем интересовалась, всем помогала. Такие дела делала. Была живым человеком, во всем живым. Себя во всем находила, во всех. Ловлю себя сейчас, сколько я лишена.

13. Нормальное здоровье

— Как вы оцениваете свое здоровье — как отличное, хорошее, нормальное, плохое или очень плохое?

— Здоровье?

— Да.

— Норма-а-а-альное у меня здоровье. Слепой, глухой и онкология вдобавок.

14. Туда поскорее

Кто придет, как вы, поговоришь, вроде жить охота. Один останусь, думаю: ну зачем я такой существую? Ну зачем? Хожу с батожком, хожу помаленечку, людям мешаю. Чуть-чуть иду, дорогу заграждаю. Ну сидел бы дома, дед, скажут. Я и сам молодой сказал бы такому деду: чего ты шарисься, иди и сиди дома. Друзья все повымерли, родня повымерла — никого вообще, никого в живых. Один остался. Сын погиб. С дочкой только друженько живу, но у нее своих забот хватает, своя жизнь есть, не до меня, а заботится. Зачем ей жизнь разменивать? И мне зачем жить одному? Кому нужен такой долгожитель? Тоже надо туда поскорее.

15. Здоровье по шкале

Стандартизированные анкеты — основной инструмент доказательной политики. Ни пожилым, ни больным от этого не уйти. Наиболее распространенный инструмент для оценки здоровья, по версии экспертов НИУ ВШЭ, — это анкета EQ-5D-3L [Анкета 2023]. Вопросов всего шесть. Последний — об оценке здоровья по 100-балльной шкале. Попробовал задать его женщине 88 лет. Вот что получилось:

— Если о вас говорить, как вы сегодня оцениваете свое здоровье?

— Здоровье?

— Да. Вот если от 0 до 100 баллов. Сколько баллов вы бы поставили?

— Моего здоровья?

— Да.

— Да. От нуля до десяти?

— До ста. Сто — это великолепное, лучше некуда, а ноль — это ну боль, все уже, ничего.

— Ну здоровье... Ну когда вот я... Ну как я? Вот я не знаю сейчас, я вам не могу сказать, сколько процентов у меня этого, моего здоровья. До нуля, до ста. Ну здоровье, как говорится, ну хожу на... Это. Хожу.

Обсуждение

Где бы мы ни проводили исследование, кого бы мы ни опрашивали, обыденные представления легко подтвердить: экономический статус, уровень образования, привычка к физическим нагрузкам и упражнениям, а также крепкие социальные связи — основные предикторы здорового образа жизни в статистических моделях (см., например: [Liu, Su 2016]). Однако за этими, статистически значимыми выводами скрываются лишь статистические образы старости, за которыми есть истина, но мало правды.

А правда скрывается в сетованиях, поступках и отчаянии стариков, которые изо дня в день слышат родные, соседи, социальные работники, помощники по уходу. Слышат и списывают на возраст, испортившийся характер, осложнения со здоровьем. Списывают и пытаются как-то исправить, что могут, исходя из общепринятого и статистически подтвержденного, но не принятого самими стариками, не подтвержденного в их повседневных практиках, не укорененного в их привычках.

Правда старения заключается в том, что здоровый образ жизни на деле оборачивается адаптацией к жизни нездоровой по меркам среднего возраста, но единственно возможной, правильной по меркам возраста старшего. «А здоровье как?» — спрашиваю. «Как-то так, помаленьку», — слышу в ответ (см. выше № 2, здесь и далее номер фрагмента). Рассказ о болях невозможно остановить, но невозможно и продолжать (№ 8), об этом очень тяжело слушать. Осознаешь, что ни ты, ни врачи не могут купировать боль, вернуть то, утраченное. И одновременно чувствуешь, что за этой болью стоит человек, со своим достоинством, памятью (пусть во многом в прорехах и пропусках), представлениями о красоте, долге, чести. Он не просто терпит, он проживает и переживает то, что многим еще предстоит пережить. Нормальное состояние (№ 13), нормальное здоровье определяется не отсутствием боли, а способностью ее принимать, адаптироваться к ней.

Старики принимают или не принимают боль, а близкие, родственники и более молодые соседи принимают или не принимают стариков, поддерживают или не поддерживают, находятся рядом или держатся поодаль, помогают или имитируют помощь. Им на помощь приходят хитрости и уловки: можно сослаться на необходимость, сформировать задание (№ 1), быть рядом, когда это так необходимо (№ 3), смеяться их смехом (№ 10), поддерживать их счастье, а значит, и свое. Одновременно понимать, что сами они не попросят, будут избегать помощи, стыдиться своей немощи, стараться не быть обузой (№ 4). Отсюда привычные разговоры о запросах и желаниях не работают со стариками, как не работает общая риторика

клиентоориентированности, направленная исключительно на пожилого как индивида, как человека, самостоятельного, принимающего решения, выбирающего, с благодарностью принимающего и оценивающего предоставляемые социальные услуги.

«Здоровье пожилых людей в основном определяется качеством окружающей среды и условиями жизни в обществе, в котором они живут», — утверждают Дин и Холштейн [Dean, Holstein 1991: 343]. Генетика, личные достижения, ответственность, запросы важны, но гораздо важнее социальное окружение, среда. Здоровое старение — это не задача старика, которую помогают осуществить родственники через заботу и государство через социальную политику ухода. Субъект здорового старения не старик, а семья (№ 10), в которой он проживает, частью которой является. Субъект здорового старения — это круг значимых близких, в который могут входить родственники, соседи, социальные работники, сотрудники коммерческих и некоммерческих организаций, осуществляющих уход. Социального в старении намного больше, чем представляется. Счастливая старость определяется реальной, а не мнимой социализацией, в которой ответственность за здоровье разделяется всеми участниками, а не оправдывается запросами на здоровый образ жизни и клиентоориентированными ответами. Другими словами, за вполне осмысленной и здоровой (для среднего возраста) риторикой долговременного ухода, основанной на удовлетворении потребностей пожилых людей, скрывается перекладывание ответственности и самооправдание. С такой установкой помочь можно лишь тем, кто уже преодолел порог отчаяния, осознал и принял свою немощь, или тем, у кого есть близкие, которые могут сформировать этот запрос за него. Одиноким, покинутым, отчаявшимся старикам остаются вне поля зрения клиентоориентированного долговременного ухода, а значит, и вне системы помощи и поддержки.

В сопереживании, сопроживании сокрыта, пожалуй, важнейшая компонента здорового образа жизни, которая больше статистических, социально-демографических факторов, больше стандартизированных ответов. Здоровый образ жизни просматривается не в дипломах, банковских счетах и формальных договорах со службами социальной защиты, а во внимании к старику со стороны близких и значимых, в осознании ими потребности в старике (см. подробнее о значимости социальной поддержки для профилактики и преодоления заболеваний: [Rodin, Salovey 1989: 543, 559; Smith, Christakis 2008]). Не потому, что вырастили, дали образование, поддерживали, вывели в люди, а потому, что здесь-и-сейчас близкий человек старшего возраста наполняет смыслом и твою жизнь, делает тебя чуть большим, значимым, сильным.

Старость не самостоятельна, старики не индивидуальны, их силы черпаются через ближайшее окружение, и через потребность в них близких определяется как цель их жизни, так и ценность старения, позитивный образ старости [Крупина, Петраш 2023: 4], психологический комфорт и удовольствие от жизни [Адрианов 2011: 112]. Индивидуализм в старости сменяется коллективизмом, человек экономический уступает место человеку социальному. А значит, и объяснительные модели должны подстраиваться под изменившееся социальное восприятие жизни, приходящее со старением. То, что хорошо для среднего возраста, не годится для старика, что подтверждается отчетными показателями, далеко не всегда оказывается жизнеспособным в быту и повседневности.

Итак, здоровый образ жизни в старости — это осмысленная жизнь в окружении значимых, близких людей. Заниматься своим здоровьем подталкивает старика не боль, не образование, не деньги, а родные и осознание важности, осмысленности своей текущей жизни, проходящей в постоянном преодолении боли, в принятии немощи. Можно выделить четыре детерминанты здорового образа жизни: (1) внимание к старику, (2) потребность в старике, (3) наличие у него жизненной цели, (4) наличие разделяемой им и близкими ценности старения. Интуитивно эти детерминанты понятны, но как их измерить, как учитывать в социальной политике, как согласовать с текущими обоснованиями и утверждениями — серия больших вопросов, раскрытие и обсуждение которых задача не будущего, а настоящего, задача не их, а наша. Старики для нас важнее, чем мы для стариков.

73

Заключение

Выделив из разговоров со стариками пять типичных состояний, сопутствующих старению, следует определить направления адаптации к особенностям старения, которые определяют поведение социальной группы, несущей ответственность за здоровый образ жизни. Именно ответственность перед собой и значимыми близкими объясняет важность и осмысленность старения даже в немощи и болезни, важность присутствия стариков в социальном окружении разных поколений.

Пять состояний, сопутствующих старению, покрываются четырьмя признаками здорового образа жизни в старости, которые не возникают из клиентоориентированной парадигмы, а конструируются посредством совместной деятельности заинтересованных в счастливом старении членов одной социальной группы (рис. 3).

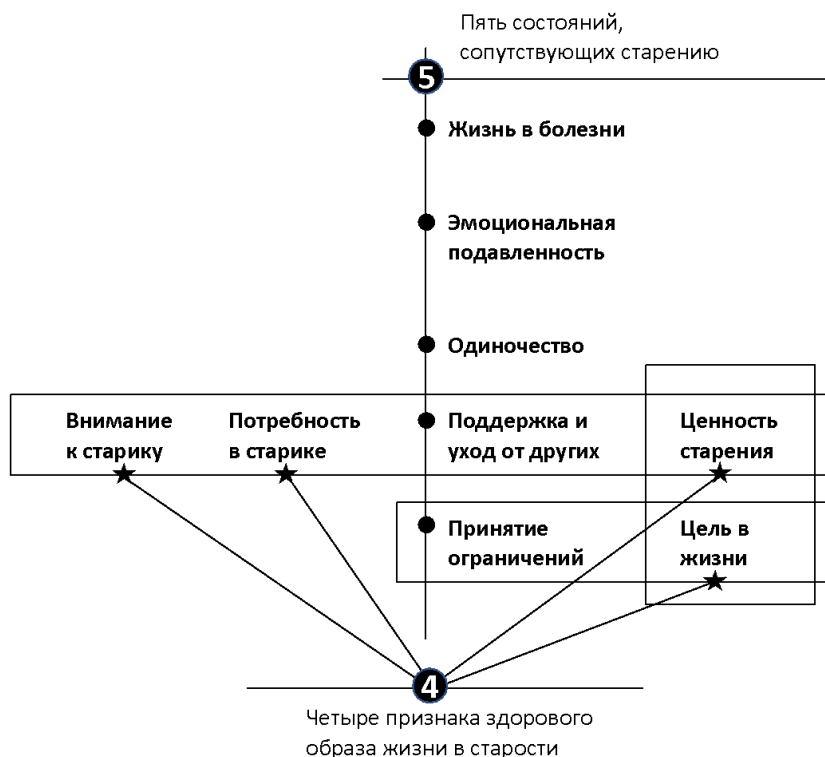

Рис. 3. Стратегические направления адаптации к старению.

Fig. 3. Strategic directions for adaptation to aging.

Современная социальная политика в России строится лишь на одной компоненте «внимания к старику» (хотя декларируются законодательно иные компоненты, см., например: Приказ Минтруда России № 895¹), посредством организации долговременного ухода, разработке и внедрению средств реабилитации, формированию доступной среды. Но важнейшими элементами остаются формирование потребности в старике среди значимых близких (родственников и не только), совместном согласовании, формировании у старика целеполагания в жизни и пропаганда ценности старения как такового. Это сложные конструкты идеологической работы старения, выходящие за рамки медицинской или социаль-

1 Приказ Минтруда России № 895 от 27 декабря 2023 г. «О реализации в Российской Федерации в 2024 году Типовой модели системы долговременного ухода за гражданами пожилого возраста и инвалидами, нуждающимися в уходе».

ной помощи, определяющие предмет внутренней политики, утверждающие систему ценностей современного российского общества.

В Приказе Минтруда России № 895 детально описаны организация питания, уход за телом, сопровождение медицинского обслуживания и приема лекарств, но совсем не раскрыты услуги по формированию ценности старения и организации психологического и коммуникативного сопровождения: из 50 социальных услуг, представленных в перечне социальных услуг по уходу, лишь две, или 4%, отражают указанные направления социального обслуживания (приложение № 6). Следовательно, формальное определение долговременного ухода, представленного в начале приказа № 895, как способа скоординированной помощи гражданам пожилого возраста, позволяющей поддерживать их здоровье, функциональность, социальные связи, интерес к жизни (п. 1.1, Приказ Минтруда России № 895), не подкреплено даже нормативной базой.

Для развития долговременного ухода в России следует уделить особое внимание ценностным и психологическим особенностям старения. Именно в разработке этих компонент долговременного ухода заложен потенциал для роста продолжительности жизни, формирования позитивного образа старости и обретения стариками смысла в долгой жизни.

75

Библиография / References

Адрианов В. (2011) Социально-экономические и философские проблемы старения населения. *Общество и экономика*, (4-5): 87-121. EDN: OFWONB

— Adrianov V. (2011) Socio-economic and philosophical problems of population aging. *Society and Economics*, (4-5): 87-121. — in Russ.

Анкета EQ-5D-3L (русская версия) (2023). Международный центр экономики, управления и политики в области здоровья СПб школы экономики и менеджмента НИУ ВШЭ. М., 2023. [Электронная версия] <<https://spb.hse.ru/scem/chemp/healthoutcomes/EQ-5D-3L>> [Дата обращения] 16.03.2024.

— *Questionnaire EQ-5D-3L (Russian version)* (2023). International Center for Economics, Management and Health Policy, St. Petersburg School of Economics and Management, National Research University Higher School of Economics. М., 2023. [Electronic version] <<https://spb.hse.ru/scem/chemp/healthoutcomes/EQ-5D-3L>> [Access date] 03/16/2024. — in Russ.

Вершинина О. Ю., Марсенко И. А., Ситулина М. Б. (2018) Здоровый образ жизни как путь к долголетию. *Аллея науки*, 2(5): 452-455. EDN: XKRRTF

— Vershinina O.Yu., Marsenko I. A., Situlina M. B. (2018) A healthy lifestyle as a path to longevity. *Science Alley*, 2(5): 452-455. — in Russ.

Голубева Е. Ю., Данилова Р. И. (2011) Здоровый образ жизни как часть стратегии активного долголетия. *Успехи геронтологии*, 24(3): 380-384. EDN: OEEJNP

— Golubeva E.Yu., Danilova R. I. (2011) Healthy lifestyle as part of an active aging strategy. *Advances in Gerontology*, 24(3): 380–384. — in Russ.

Григорьева И. А., Келасьев В. Н. (2017) Архаические стереотипы и новые сценарии понимания старения. *Успехи геронтологии*, 30(2): 243–247. EDN: YQGBXJ

— Grigorieva I. A., Kelasev V. N. (2017) Archaic stereotypes and new scenarios for understanding aging. *Advances in Gerontology*, 30(2): 243–247. — in Russ.

Зайцев З. В., Артемьева Л. Б. (2016) Аксиология и здоровый образ жизни в философии здоровья. *Символ науки: Международный научный журнал*, (6-2): 140–142. EDN: WDFVPX

— Zaitsev Z. V., Artemyeva L. B. (2016) Axiology and healthy lifestyle in the philosophy of health. *Symbol of Science: An International Journal of Science*, (6-2): 140–142. — in Russ.

Крупина К. М., Петраш М. Д. (2023) Представление о старении и образ жизни. *Петербургский психологический журнал*, (42): 1–21. EDN: BMBUOI

— Krupina K. M., Petrash M. D. (2023) Concepts of aging and lifestyle. *Petersburg Journal of Psychology*, (42): 1–21. — in Russ.

Рогозин Д. (2024) Мотивация к ЗОЖ: значение социальных факторов. *Круглый стол: Здоровый образ жизни в пожилом возрасте в деталях* / Организатор Российский геронтологический научно-клинический центр ФГАОУ ВО РНИМУ им. Н. И. Пирогова Минздрава России. Всероссийский форум «Здоровье нации — основа процветания России». Москва, Гостиный двор, 15 мая. <https://znopr.ru/>

— Rogozin D. (2024) Motivation for a healthy lifestyle: the importance of social factors. *Round table: Healthy lifestyle in old age in detail* / Organizer: Russian Gerontological Research and Clinical Center of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education Russian National Research Medical University named after. N. I. Pirogov of the Russian Ministry of Health. All-Russian forum “The health of the nation is the basis of Russia’s prosperity.” Moscow, Gostiny Dvor, May 15. <https://znopr.ru/> — in Russ.

Рогозин Д. М. (2018) Принятие боли в старшем возрасте. *Общественные науки и современность*, (4): 114–127. EDN: YAMMNV. <https://doi.org/10.31857/S086904990000370-9>

— Rogozin D. M. (2018) Acceptance of pain in older age. *Social Sciences and Modernity*, (4): 114–127. — in Russ.

Рогозин Д. (2021) *Столько не живут: чему нас могут научить столетние старики*. 2-е изд. М.: Изд-во «Пункт»; Common Place.

— Rogozin D. (2021) *They don’t live that long: what centenarians can teach us*. 2nd ed. M.: Publishing house «Point»; Common Place. — in Russ.

Смолькин А. А. (2011) Бедность и социальный статус пожилых людей в современной России. *Пути России. Будущее как культура, прогнозы, репрезентации, сценарии. Доклады участников XVII международного симпозиума*. М.: Новое литературное обозрение: 269–285. EDN: UORGKW

— Smolkin A. A. (2011) Poverty and social status of older people in modern Russia. *The paths of Russia. The future as culture, forecasts, representations, scenarios. Reports of participants of the XVII international symposium*. M.: New Literary Review: 269–285. — in Russ.

Смолькин А. А. (2007) Медицинский дискурс в конструировании образа старости. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 10(2): 134–141. EDN: LDGYFP

— Smolkin A. A. (2007) Medical discourse in constructing the image of old age. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 10(2): 134–141. — in Russ.

Dean K., Holstein B. E. (1991) Health promotion among the elderly. *Health promotion research: Towards a new social epidemiology*. Ed. by B. Badura, I. Kickbusch. London; WHO Regional Publications European series no. 37. Copenhagen: World Health Organization: 341–364.

Huber M., Knottnerus J. A., Green L. et al. (2011) How should we define health? *BMJ: Leading Medical Research, News, Education, Opinion*, 343. Art. No. d4163. <https://doi.org/10.1136/bmj.d4163>

Jennings A. A., Doherty A. S., Clyne B., et al. (2024) Stakeholder perceptions of and attitudes towards problematic polypharmacy and prescribing cascades: A qualitative study. *Age and Ageing*, 53(6): 1–12. <https://doi.org/10.1093/ageing/afae116>

Liu L.-F., Su P.-F. (2017) What factors influence healthy aging? A person-centered approach among older adults in Taiwan. *Geriatrics Gerontology International*, 17(5): 697–707. <https://doi.org/10.1111/ggi.12774>

Rodin J., Salovey P. (1989) Health psychology. *Annual Review of Psychology*, 40: 533–579. <https://doi.org/10.1146/annurev.ps.40.020189.002533>

Smith K. P., Christakis N. A. (2008) Social networks and health. *Annual Review of Sociology*, 34: 405–429. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.34.040507.134601>

White Ch.M., John P.D., Cheverie M.R., et al. (2015) The role of income and occupation in the association of education with healthy aging: results from a population-based, prospective cohort study. *BMC Public Health*, 15. Art. No. 1181. <https://doi.org/10.1186/s12889-015-2504-9>

Дмитрий М. Рогозин — кандидат социологических наук, заведующий Лабораторией полевых исследований ИНСАП РАНХиГС; старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН. Научные интересы: цифровая антропология, социология маргинальности. ORCID: 0000-0001-7879-1111. E-mail: rogozin@ranepa.ru

Dmitry M. Rogozin — Candidate of Sociological Sciences, Head of the Laboratory for Field Research, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of Russian Federation (RANEPa); Chief Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0001-7879-1111. E-mail: rogozin@ranepa.ru

Понимаю, но не одобряю: Как люди, избегающие новостей, и думскроллеры воспринимают друг друга?

Рекомендация для цитирования:

Казун А. Д., Петрова Д. В. (2024) Понимаю, но не одобряю: как люди, избегающие новостей, и думскроллеры воспринимают друг друга? *Социология власти*, 36 (2): 78-96. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-2-78-96>

For citations:

Kazun A. D., Petrova D. V. (2024) May Understand, but Cannot Relate: How Do News Avoiders and Doomscrollers Perceive Each Other? *Sociology of Power*, 36 (2): 78-96. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-2-78-96>

Поступила в редакцию: 07.06.2024;
прошла рецензирование: 08.07.2024;
принята в печать: 10.07.2024
Received: 07.06.2024; Revised:
08.07.2024; Accepted for publication:
10.07.2024

This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© 2024 by the author(s).

АНАСТАСИЯ Д. КАЗУН

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа
экономики», Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-9633-2776

ДАРЬЯ В. ПЕТРОВА

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Российская
Федерация
ORCID: 0009-0004-4758-7707

Резюме:

В статье рассматриваются через призму фрагментации медиасреды и общества два противоположных тренда медиапотребления — избегание новостей и думскроллинг. Под избеганием новостей понимается сознательное ограничение потребления экономического или общественно-политического контента с целью поддержания эмоционального благополучия. Думскроллинг,

В работе использованы результаты проекта «Повседневные поведенческие практики россиян в условиях внешних шоков», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2024 г.

Acknowledgements: The results of the project “Russians’ Daily Social Practices under Exogenous Shocks”, carried out within the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University) in 2024, are presented in this work.

в свою очередь, определяется как болезненное и избыточное внимание к негативным новостям. Исследование основывается на 91 полуструктурированном интервью, проведенном с информантами, различными по полу и возрасту, для которых характерны рассматриваемые стили потребления информационного контента. Полевой этап исследования проходил в период с 20 ноября 2022 по 30 марта 2023 года. Люди, избегающие новостей, и думскроллеры успешно реконструируют логики друг друга, благодаря рефлексии над своим опытом и взаимодействию с социальным окружением. Однако обе группы критикуют противоположный стиль медиапотребления. Думскроллеры считают избегающих новостей пассивными и недостаточно информированными, в то время как избегающие новостей обвиняют думскроллеров в зависимом поведении. В интервью часто встречаются нормативные суждения о необходимости потребления новостей или их избегания. Кроме того, каждая группа представляет другую как более уязвимую для дезинформации: избегающие новостей ассоциируются с неинформированностью, а думскроллеры — с риском поверить в ложные сообщения. Объединяет обе рассматриваемых группы тревога относительно будущего. Различия в объеме потребления новостей при этом объясняются разными подходами к управлению тревогой и оценкой полезности информации. Таким образом, думскроллинг и избегание новостей можно рассматривать как две стороны одной медали, поскольку они противоположны по своей сути, но вызваны одной и той же ситуацией. Вместе с тем такие разные стили медиапотребления способствуют дальнейшей фрагментации общества, увеличивая разрыв в степени осведомленности о текущих событиях.

79

Ключевые слова: думскроллинг, избегание новостей, поляризация, медиа, потребление новостей

May Understand, but Cannot Relate: How Do News Avoiders and Doomscrollers Perceive Each Other?

Anastasia D. Kazun

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-9633-2776

Daria V. Petrova

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

ORCID: 0009-0004-4758-7707

Abstract:

This article examines two opposing media consumption trends—news avoidance and doomscrolling—through the lens of media environment and societal fragmentation. News avoidance refers to the conscious limitation of economic or socio-political content consumption to maintain emotional well-being, while doomscrolling is defined as compulsive and excessive attention to negative news. The study is based on 91 semi-structured interviews with individuals exhibiting these media consumption styles. News avoiders and doomscrollers demonstrate the ability to understand each

other's logic through reflection on their own experiences and interactions with their social environment. However, both groups criticize the opposing media consumption style. Doomscrollers view news avoiders as passive and under-informed, whereas news avoiders accuse doomscrollers of addictive behavior. The interviews frequently reveal normative judgments about the necessity of consuming or avoiding news. Additionally, both groups perceive each other as more vulnerable to misinformation: news avoiders are associated with ignorance, while doomscrollers are seen as prone to believing false or biased media reports. A commonality between the two groups is anxiety about the future. The differences in news consumption volumes are explained by varied approaches to managing anxiety and assessing the usefulness of information. Thus, doomscrolling and news avoidance can be considered two sides of the same coin. However, these opposing media consumption styles contribute to further societal fragmentation, widening the gap in awareness of current events.

Keywords: doomscrolling, news avoidance, polarization, media, news consumption

*Когда ты не слушаешь новости — ты не информирован,
а когда слушаешь — ты дезинформирован.
(избегание, муж., 20 лет)*

Введение

Уолтер Липпман писал о Первой мировой войне как о событии, в ходе которого «человечество одновременно могло думать об одних и тех же идеях» [Липпман 2004: 7], имея в виду, что благодаря средствам массовой информации впервые в истории люди по всему миру оказались информированы и эмоционально вовлечены в одни и те же вопросы повестки дня. Развитие СМИ создало единую информационную среду, которая конструировала понимание реальности, формируя разделяемые обществом общие представления [Katz 1996]. Однако с распространением потребления новостей в интернете исследователи начали обращать внимание на растущую фрагментацию информационного пространства [Heiberger et al. 2022; Magin et al. 2022; Webster, Ksiazek 2012]. Этому есть несколько причин. Во-первых, большой ассортимент доступных децентрализованных новостных ресурсов [Chaffee, Metzger 2001] позволяет выбирать источники новостей в соответствии со своими интересами [Mutz 2001; Prior 2007]. Это способствует фрагментации аудитории, поскольку люди склонны предпочитать информацию, подкрепляющую их взгляды или не противоречащую им [Stroud 2008]. Во-вторых, работа рекомендательных алгоритмов дополнительно усиливает политическую поляризацию [Cho et al. 2020], а социальные сети способствуют возникновению

эхо-камер (echo chambers)¹ и пузырей фильтрации (filter bubbles)² [Flaxman et al. 2016]. При этом даже потребление идеологически чуждого контента может не приводить к изменению собственных убеждений [Казун 2023].

Подобные изменения способствовали тому, что люди начали жить в разных информационных реальностях, получаемые ими новости теперь не обязательно касаются одних и тех же событий и их интерпретаций. В результате сложилась ситуация, когда отдельные социально значимые проблемы могли оказываться невидимыми для тех, кому они неинтересны или неприятны. В соответствии с классическими теориями медиа, в частности, теорией повестки дня (agenda-setting), сообщения СМИ оказывают влияние на представления людей о тех или иных вопросах [McCombs 1977, 2014]. Следовательно, множественность отражений реальности, которую наблюдали разные социальные группы, способствовала фрагментации и поляризации общества [Iyengar, Hahn 2009], а предпочтение идеологически близких источников и нежелание потреблять чуждый контент усилило этот разрыв.

Однако в современном мире можно говорить не только о качественных отличиях получаемых новостей (серьезные или «желтые», провластные или оппозиционные и т. д.), но и об огромной разнице в объеме потребляемого контента. В последние годы исследователи начали активно обсуждать распространение двух противоположных трендов медиапотребления — избегания новостей (news avoidance) [Aharoni et al. 2021; Damstra et al. 2023; Edgerly 2022] и думскроллинга (doomscrolling) [Buchanan et al. 2021; Mannell, Meese 2022; Ytre-Arne, Мое 2021]. В данной работе под избеганием новостей мы понимаем намеренное ограничение потребления экономического или общественно-политического контента [Woodstock 2014]. Думскроллинг мы определяем как болезненное и избыточное внимание к негативным новостям. Наиболее остро обе этих тенденции проявляются, например, во время кризиса или в условиях неопределенности, когда информированность наиболее важна для при-

- 1 Эхо-камеры — это социальные или информационные среды (например, социальные сети, форумы или группы), в которых люди получают информацию, подтверждающую их собственные мнения, с минимальным воздействием противоположных точек зрения. Такой эффект возникает, когда люди общаются преимущественно с единомышленниками и потребляют информацию из однородных источников.
- 2 Пузыри фильтрации — это результат работы персонализированных алгоритмов, которые показывают пользователям контент на основе их предыдущих поисков, кликов и интересов, приводя к (частичной) изоляции от разнообразных мнений.

нения решений, и разрыв в объеме просматриваемого контента между думскроллерами и избегающими новостей возрастает. Часть населения вовлекается в избыточное или даже проблемное (недостаточно регулируемое и связанное с повышенной обеспокоенностью) потребление новостей [McLaughlin et al. 2022], тогда как другая его часть для поддержания эмоционального благополучия (emotional wellbeing) старается ограничить свое внимание к такого рода информации, часто сталкиваясь с ней только случайно [Fletcher, Nielsen 2018], например, в силу эффекта новости-находят-меня (news-finds-me) [Gil de Zúñiga, Cheng 2021].

Согласно предшествующим исследованиям, потребление новостей влияет на политические знания и участие. Можно ожидать, что люди, избегающие новостей или активно их просматривающие, будут в буквальном смысле видеть разную реальность и неодинаково оценивать те или иные факты. Например, отдельные события повестки дня могут не существовать для людей, избегающих новостей, и занимать заметное место в картине мира думскроллеров. Рассуждая о таких «отклоняющихся» практиках потребления информационного контента, исследователи подчеркивают вред, который они могут нанести тем, кто их придерживается. Так, избегание новостей связывают с рисками утраты информированности [Eveland, Scheufele 2000; Hayes, Lawless 2018; Ksiazek et al. 2010], а избыточное медиапотребление — с угрозами ментальному и физическому здоровью [Boukes, Vliegenthart 2017; Holman et al. 2014; McLaughlin et al. 2022; Silver et al. 2013]. Однако также можно предположить, что распространение таких практик взаимодействия с информацией несет риски дальнейшей фрагментации общества, в результате которой возникнут проблемы политической поляризации и множественности одновременно существующих повесток дня и усилится разрыв в степени осведомленности о текущих событиях.

До некоторой степени эта проблема затрагивалась в исследованиях разрыва в знаниях (knowledge gap), отмечающих, что с увеличением предложения информации уровень осведомленности различных социальных групп будет различаться все сильнее [Lind, Boomgaarden 2019]. Со временем этот разрыв может только увеличиться, т.к. длительное избегание новостей приведет к утрате актуального опыта поиска и интерпретации такой информации, в числе прочего снижая способность оценивать достоверность контента [Tandoc, Kim 2022] и выбирать его источники. Данная проблема близка к одному из аспектов цифрового неравенства — когда эффективному использованию возможностей сети Интернет препятствует недостаток цифрового опыта [van Dijk, Hackett 2003].

В исследовании мы постараемся ответить на вопрос, способны ли думскроллеры и люди, избегающие новостей, реконструировать

смыслы, которые вкладывают в свои действия члены противоположной группы, и как они оценивают противоположный стиль медиапотребления?

Методология

Основой настоящего исследования являются 91 полуструктурированное интервью, 44 из которых были проведены с людьми, идентифицирующими себя как избегающие новостей, 47 — с теми, кто оценивал свое медиапотребление как избыточное и болезненное. Данные были собраны в период с 20 ноября 2022 по 30 марта 2023 года. Большая часть интервьюируемых проживала в Москве. Для обеспечения гетерогенности выборки мы варьировали пол (32 мужчины, 59 женщин) и возраст информантов (18–81 лет). Преобладание в выборке женщин связано с тем, что они чаще избегают новостей по сравнению с мужчинами [Benesch 2012; Toff, Palmer 2019]. Поскольку вопросы о политических взглядах являлись сензитивными, они не задавались информантам напрямую. Однако в большинстве случаев мы можем реконструировать взгляды людей, отталкиваясь от их нарративов и медиапредпочтений. В целом, формируя выборку, мы стремились обеспечить ее гетерогенность не только с точки зрения объема потребления новостей, но и по другим релевантным параметрам, чтобы иметь возможность увидеть наиболее широкий спектр интерпретаций и убеждений.

83

В современных медиаисследованиях термин «новости» редко проблематизируется и концептуализируется [Schneiders 2023]. Обычно авторы оперируют им как чем-то очевидным и не нуждающимся в дополнительных пояснениях. В данном исследовании нас в первую очередь интересовали сообщения в СМИ на экономическую и политическую тему, поэтому ряд вопросов гайда содержали соответствующие пояснения. При этом мы также ориентировались на интерпретации информантов. Описания источников информации, которые мы получили в интервью, показывают, что к новостям люди относят не только сведения о недавно произошедших событиях, но и политические ток-шоу, информацию telegram-каналов, которые ведут блогеры или участники интересующих информанта событий, посты и фотографии в социальных сетях. В целом практически любая актуальная информация экономической или общественно-политической направленности классифицировалась как новости. Поэтому в данном исследовании мы также будем следовать расширенному пониманию новостного контента.

В литературе отмечается, что избегание новостей и думскроллинг получают большее распространение в условиях кризисов, таких как Брекзит в Великобритании [Toff, Nielsen 2018], пандемия

COVID-19 [Zhou et al. 2023], землетрясение в Турции [Koselioren, Cakir 2024] и вооруженные конфликты в Украине и на Ближнем Востоке¹. Тем не менее мы не ограничивали информантов в трактовке понятия «кризис» и не задавали прямые вопросы о том, как они оценивают те или иные события в стране и мире. Можно ожидать, что в условиях поляризованного общества выбор лексики для описания повестки дня зависит от разделяемых убеждений. Аффективная поляризация, понимаемая как выраженность благосклонности в отношении своих политических союзников и враждебности по отношению к оппонентам [Iyengar et al. 2012], может находить отражение в стиле коммуникации, например, в использовании языка ненависти (hate speech) [Стукал и др. 2022]. При этом политическая поляризация приводит к снижению доверия ученым и политикам, относящимся к «чужакам» (out-group), а также вызывает негативные эмоции по отношению к транслируемой ими информации [Enders, Armaly 2019; Nisbet et al. 2015]. Поэтому сами формулировки вопросов о текущих политических событиях и используемая в них лексика могли оказать влияние на восприятие интервьюера информантом и повлиять на последующие ответы.

84

Результаты

Восприятие друг друга думскроллерами и людьми, избегающими новостей, выстраивается на нескольких уровнях. Каждая из сторон предпринимает попытки реконструировать логику «оппонентов», выделить рациональные основания противоположного стиля медиапотребления, а также оценить возможные последствия иного подхода к получению информации. В этом помогает, с одной стороны, сопоставление с собственным опытом и моделирование чужой точки зрения через оппозицию к собственной, с другой стороны, обсуждение новостей с социальным окружением. Нарративы о людях, которым свойственен противоположный стиль потребления информации, отчасти представляют собой результат осмысления и рационализации, а отчасти — эмоциональную оценку и акцентирование негативных последствий активного просмотра новостей или отказа от них.

Восприятие информации как основание поляризации

Информанты объясняют противоположный стиль медиапотребления различиями в представлениях о полезности информации. При

1 Reuters Institute Digital News Report 2024. URL: https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/sites/default/files/2024-06/RISJ_DNR_2024_Digital_v10%20lr.pdf

этом их самоописания в целом не отличаются от того, как их описывают оппоненты, т. е. рассматриваемые группы потребителей новостей успешно восстанавливают логики друг друга.

Думскроллерам свойственно и приписывается отношение к информации как к благу. В качестве причин думскроллинга выделяют желание быть *«всегда в курсе того, что происходит в мире, стране и в твоём городе»* (избегание, жен., 22 года), следить за подробностями происходящего вокруг, а увеличение объема потребления новостей выступает как способ обретения контроля над реальностью (впрочем, зачастую иллюзорного, что может осознаваться не только избегающими новостей, но и думскроллерами). Кроме того, информация из новостей представляется таким людям как обладающая инструментальной ценностью, т. е. предполагается ее практическое использование, например, в рамках профессиональной деятельности и аналитики или публичного выражения собственной позиции в совокупности с политическим активизмом. В нарративах людей, избегающих новостей, прослеживается представление о думскроллерах как о вовлеченных в общественную жизнь, а также отстаивающих свои политические взгляды. Таким образом, думскроллеры воспринимают поддержание информированности как необходимость, а люди, избегающие новостей, корректно реконструируют эту логику.

85

«Кто-то просто привык жить такой вот активной политической там и так далее жизнью. То есть кому-то это нужно для работы, да, кто крутится в каких-то таких там сферах финансовых, предположим» (избегание, жен., 46 лет).

Для самих людей, избегающих новостей, информация обладает амбивалентным характером (как по их собственному мнению, так и при взгляде со стороны). Оптимальным состоянием становится ограничение новостного потока и замыкание в информационном пузыре, *«своей ракушке»* (думскроллинг, муж., 60 лет) — фокусировка на собственной жизни и предпочтение информации, напрямую связанной с самим человеком, при разной степени безразличия к остальной. Избыточность информации ассоциируется с негативными последствиями. Кроме того, предполагается, что наиболее важные сведения будут получены вне зависимости от степени погруженности в новости, поскольку «сами найдут» человека [Казун 2023а]. Ограничение потребления новостей часто описывается в терминах «других приоритетов». Избегание представляется, с одной стороны, как сознательная экономия времени и усилий (которые могут быть перенаправлены на другие активности), с другой стороны, может оцениваться думскроллерами как нежелание разбирать-

ся в политической сфере и «*сидеть в полном осознании какой-то проблемы*» (думскроллинг, жен., 20 лет).

«Они, как это правильно сказать, они безразличны ко всему. Вот поэтому они так и поступают [отказываются от потребления новостей]. Их не интересует жизнь ни человека, ни страны, ни города» (думскроллинг, жен., 74 года).

Соответственно, на основании рефлекслируемого различия в восприятии информации реконструируются последствия выбираемого другими способа ее получения и использования, которые, как правило, негативно оцениваются представителями противоположного стиля медиапотребления. Например, потребность думскроллеров к аккумуляции большого объема информационного контента описывается в терминах зависимости. Предполагается, что потребление новостей становится аддиктивным, вместо декларируемых инструментальной полезности и использования новостей в качестве основы для принятия решений, думскроллеры, по мнению избегающих новостей, отрываются от реальности. Рассуждения информантов в данном случае выглядят похожими на феномен аналитического паралича (analysis paralysis) [Tandoc, Kim 2022], согласно которому избыток информации препятствует ее эффективному осмыслению. Таким образом, люди, избегающие новостей, трактуют думскроллинг как поведение, приводящее к импульсивным, необдуманным и неверным решениям.

«Чрезмерное всегда вредно. Это зависимость какая-то ненормальная» (избегание, муж., 55 лет).

«Изменение морального фона общее, потому что от негативных новостей очень пассивно начинаешь смотреть на мир и на дальнейшую жизнь, и также это периодическое получение недостоверной информации, что ведет к определенным проблемам, таким как принятие неверных решений» (избегание, жен., 20 лет).

Изоляция людей, избегающих новостей, от повестки дня также воспринимается думскроллерами критически. Нежелание сталкиваться с потоком негативной информации, преобладающим в новостных сводках, и сокращение количества используемых источников связываются с необъективностью и несбалансированностью позиций людей, избегающих новостей. Создание вакуума («*не знать, что происходит, — авось пронесет, голову спрятать в песок*» (думскроллинг, муж., 57 лет)), в который проникают лишь отдельные новости и события, позволяет упростить жизнь, избежать информационной перегрузки и эмоциональных потрясений, однако, по мнению думскроллеров, сопряжено с отказом от критического осмысления происходящего, а также «*самоустранением*» (думскроллинг, жен., 53 года) и бездействием.

«Некоторые делают это, потому что они ничего не могут с этим сделать, им просто станет от всего этого только хуже, и не только от новостей, но и от осознания собственной бесполезности и беспомощности во всей этой ситуации. И таких людей я могу понять. Я их, конечно, осуждаю за бездействие, но что поделать. <...> Для меня бездействие — это очень серьезное действие, это наихудшее из всех действий, потому что когда ты бездействуешь, закрываешься от этого и ничего не делаешь, то ты становишься на плохую сторону. <...> Потому что для тебя этого просто не существует. Ты находишься в таком эмоциональном пузыре, где у тебя все хорошо, и ты не хочешь обращать внимание на людей, которым действительно плохо» (думскроллинг, муж., 22 года).

Дезинформирован, мисинформирован, не информирован?

В нарративах информантов широко представлены категории дезинформации (disinformation), мисинформации (misinformation) и неосведомленности. Так, недостаточная информированность выделяется думскроллерами как ключевая негативная черта избегания новостей. Предполагается, что неосведомленность снижает скорость реакции и возможность адаптации к быстро меняющейся среде. Кроме того, отсутствие достаточных знаний может облегчать манипуляцию общественным мнением, поскольку, находясь вне повестки, люди, избегающие новостей, исключаются из обсуждения соответствующих вопросов. Менее детальные знания, например, о политической сфере, выделяются одновременно и как причина, и как следствие избегания — с этим связывается также неучастие в политической и общественной жизни.

87

«Просто такими людьми, мне кажется, проще управлять. И в России очень большое количество таких людей, которыми очень просто управлять, потому что они боятся узнать правду, боятся подумать над тем, какой правда может быть на самом деле и что действительно происходит, проанализировать боятся, потому что боятся осознать, какой ужас сейчас творится» (думскроллинг, жен., 21 год).

Если неосведомленность выделяется в качестве специфической характеристики избегания новостей, дез- и мисинформация в разных проявлениях не атрибутируются конкретному стилю медиапотребления. С одной стороны, думскроллеры в глазах «оппонентов» могут обладать большей осознанностью собственной позиции, а также возможностью прогнозировать будущее, опираясь на потребляемые новости. С другой стороны, использование множества источников, по мнению людей, избегающих новостей, способствует отключению «внутреннего фильтра» (избегание, жен., 20 лет), что может содействовать формированию доверия к ангажированной информации.

Также думскроллинг связывается с желанием людей подтверждать собственную позицию, следствием которого являются возможные когнитивные искажения.

«Как правило, люди все-таки выбирают какую-то конкретную повестку для себя, и они выбирают читать новости, которые им нравятся, которые соответствуют их какому-то внутреннему мироощущению. И, конечно, если постоянно читать новости, которые изначально соответствуют твоей позиции, ты будешь постоянно подпитываться этими новостями, именно этим оформлением тех или иных фактов, теми акцентами, которые представляются в них. И твоя позиция будет очень однобокой, и ты будешь очень ограничен в своем мировоззрении» (избегание, жен., 20 лет).

«Плюсы [активного потребления новостей], даже не знаю... Это, конечно, какая-то информация общая. Вот это единственный плюс. Ты просто понимаешь, что происходит во внешнем мире. А минусы этой информации — то, что ты ничего не можешь сделать и никак ее особо применить, потому что она <...> односторонняя» (избегание, жен., 44 года).

88

Таким образом, и думскроллеры, и люди, избегающие новостей, выделяют в качестве потенциальных жертв недостоверной информации тех, чей стиль медиапотребления отличается. Собственная позиция при этом воспринимается как менее подверженная манипулированию.

Избегание новостей и думскроллинг как способы преодоления неопределенности

Обе группы объединяют эмоции, связанные с потреблением новостей и оценкой текущей ситуации в стране и мире, хотя информанты осознают это лишь частично. И думскроллинг, и избегание новостей связываются с чувством тревоги, страха за будущее (свое и близких), ощущением нестабильности и неопределенности. Однако эти общие эмоции ведут к разным действиям и не способствуют солидарности.

Думскроллинг часто описывается как попытка снизить тревогу: знание новостей дает чувство контроля над ситуацией и помогает чувствовать себя более уверенно. Новости могут также помочь *«заполнить пустоту в собственной жизни»* (думскроллинг, жен., 25 лет), позволяя человеку не оставаться наедине с собственными чувствами и негативными мыслями за счет погружения в информационный поток, а также выступая формой досуга. Думскроллеры отмечают, что новости способствуют более полной жизни, поскольку их потребление является способом саморазвития и расширения кругозора, особенно в политической сфере. Но люди, избегающие новостей, такую точку зрения не разделяют.

«Ну я думаю, что для них такой путь, то, что они активно смотрят новости в какой-то ситуации, тоже является способом снятия стресса. Они пытаются найти информацию, чтобы как бы успокоить себя внутренне, не оставаться в неведении, так сказать, потому что в нашем мире все с огромной скоростью меняется. И вот такие люди, у которых такая стратегия потребления информации, для них важно быть в курсе мельчайших подробностей и каждого события. Это, скорее всего, такой отдельный просто вид потребителя контента» (избегание, жен., 20 лет).

Для людей, избегающих новостей, их потребление само по себе может ухудшать психоэмоциональное состояние и вызывать негативные ощущения. Думскроллеры также указывают на усталость от новостей, характерную для этой группы, которая выражается в эмоциональном и физическом истощении из-за травмирующего содержания информационного контента. Избегание новостей становится комфортной зоной: ощущение бессилия, связанное с информационным потоком, компенсируется замкнутостью на «своем маленьком муравьином мирке» (избегание, жен., 22 года), переключением внимания на рутинные задачи и быт. Новости не помогают преодолеть неопределенность или даже мешают этому, поэтому ограничение их потребления становится средством достижения и поддержания эмоционального благополучия.

89

«Потому что их [людей, избегающих новостей] задолбало [их смотреть]. Я скажу так, очень кратко. Им просто это надоело. Слишком много эмоций, слишком много перемен в жизни. Люди, большая часть людей, им эти перемены вообще не нужны. Они хотят жить, как жили. Им вполне нравилась вот эта стабильность, стабильная обстановка и своеобразный общественный договор, что вы нас не трогайте и мы вас не трогаем» (думскроллинг, муж., 20 лет).

«Это [избегание новостей], конечно, только инстинкт самосохранения. Ведь одно дело, когда ты взрослый человек, например, как я, то действительно там нет маленьких детей, все взрослые и как бы... А представьте, когда у тебя маленькие дети, а ты в этом потоке новостей, и ты разрушаешь себя, и это же откладывается на своих близких. И нервная система не у всех такая крепкая и сильная. Поэтому я считаю, что человек просто не может найти какие-то ресурсы, чтобы себя сохранить, вот он себя и контролирует действительно так. Как говорят, меньше знаешь, лучше спишь...» (думскроллинг, жен., 57 лет).

Таким образом, как потребление новостей, так и их избегание могут быть направлены на удовлетворение потребности в определенности и безопасности. Эффективность этих подходов оценивается по-разному. Так, думскроллеры признают, что ограждение себя от новостей может быть эффективным для поддержания эмоциональной стабильности, хотя бездействие и отстраненность от повестки дня и воспринимаются ими как деструктивные. В свою очередь люди,

избегающие новостей, подчеркивают, что хотя активное потребление негативной информации может давать думскроллерам кратковременное чувство контроля, подобные практики сопряжены с угрозами ментальному и физическому здоровью.

Заключение

Развитие интернета существенно изменило доступ к информации. Если раньше поток новостей был ограничен пропускной способностью традиционных медиа [Hilgartner, Bosk 1988], то сейчас он не имеет границ и доступен людям практически в любом месте, в любом объеме и в любое время. Медиасреда с большим выбором (high-choice media environment) [Van Aelst et al. 2017] сделала необходимым обсуждение уже не массовой коммуникации и публичной повестки дня, а фрагментированной и децентрализованной медиасреды, поддерживаемой рекомендательными алгоритмами, эхо-камерами, пузырями фильтрации, а также склонностью людей предпочитать идеологически и ценностно близкий для них контент в совокупности с восприятием даже нейтральных новостей как враждебных (hostile media effect) [Reid 2012]. Повестки дня становятся множественными, и люди формируют для себя собственную информационную реальность, пределы которой стараются не покидать. Обычно эта проблема обсуждается в терминах политической поляризации. Однако разлом происходит не только в области идеологии, но и в отношении объема потребляемого контента. Именно в рамках медиасреды с большим выбором получают распространение такие практики потребления информации, как избегание новостей и думскроллинг. Результатом таких процессов может стать еще большая фрагментация общества.

Новости представляют собой не зеркало реальности, а тени на стене платоновской пещеры (воспользуемся метафорой У. Липпмана), на основании которых мы делаем выводы о стране и мире. Точность этих выводов заведомо ограничена, поскольку мы оперируем неполной информацией. Однако в настоящее время все усложняется еще сильнее — разные группы людей наблюдают тени разных предметов, освещение для каждой из групп тоже выставлено по-своему, более того, часть обитателей пещеры предпочитает держать глаза закрытыми. И если исследования отношения друг к другу ценностно и идеологически противоположных групп уже проводились ранее, то значение объема потребляемой информации только предстоит прояснить. Поэтому в данной статье мы постарались рассмотреть, насколько люди, избегающие новостей, и думскроллеры способны понять и принять действия друг друга.

Люди, избегающие новостей, и думскроллеры демонстрируют способность корректно реконструировать логики друг друга. В этом им помогает как рефлексия над собственным опытом просмотра новостей, так и взаимодействие с социальным окружением, которое нередко включает людей с разными стилями потребления общественно-политической информации. Однако, несмотря на это, и активное потребление новостей, и их избегание критикуется людьми с противоположным стилем медиапотребления. Думскроллеры воспринимают людей, избегающих новостей, как пассивных и недостаточно информированных. Люди, избегающие новостей, в свою очередь трактуют думскроллинг как аддиктивное поведение. Потребление новостей оказывается объектом нормативной оценки со стороны информантов. Подобные нарративы направлены на проблематизацию противоположного стиля потребления новостей, тогда как в собственном стиле медиапотребления информанты видят больше плюсов и могут его не проблематизировать. Интересно, что люди, избегающие новостей, и думскроллеры воспринимают друг друга как более уязвимых для недостоверной или неполной информации. Так, ограничение потребления информационного контента ассоциируется с неинформированностью, тогда как его активное потребление — с риском поверить в ложные или ангажированные сообщения медиа.

91

Объединяют думскроллеров и «избегаторов» общие эмоциональные переживания, главным из которых является тревога относительно будущего. Соответственно, думскроллинг и избегание новостей имеют сходные предпосылки: контекст медиасреды с большим выбором, распространение практик в кризисные периоды и беспокойство людей относительно событий повестки дня. Чем же тогда объясняется столь разная реакция на информационный контент? Внимание думскроллеров к новостям можно связать со стремлением людей к снижению неопределенности (*uncertainty reduction theory*) [Lachlan et al. 2009]. Тревога, которую вызывает медиаконтент, в этом случае может трактоваться как издержки, которые не превышают полезности информации (теория рационального выбора), и рассматриваться с точки зрения своей адаптивной функции [Barlow et al. 2019]. Напротив, в случае с людьми, избегающими новостей, вероятно, более уместна теория управления неопределенностью (*uncertainty management theory*), согласно которой люди стремятся не к полному преодолению, а к достижению желаемого уровня неопределенности (незнание в некоторых случаях предпочтительнее) [Afifi, Weiner 2004]. Ассоциируемая с просмотром новостей тревога рассматривается как препятствующая адаптации (*maladaptive*) [Clayton 2020] и дисфункциональная. Высокие издержки потребления новостей и низкая ожидаемая полезность их получения приводят к стратегическому избеганию новостного контента.

Таким образом, объем потребления новостей объясняется различными подходами к управлению тревогой и оценкой полезности информации, а думскроллинг и избегание новостей в некотором смысле оказываются двумя сторонами одной медали.

«Это другой конец той же самой палки. В том плане, что человек, который постоянно потребляет новости, думает, что владеет ситуацией и поэтому находится в лучших условиях, чем другие. Люди, которые вообще не читают новости, создают себе такой информационный пузырь, из-за которого им кажется, что ничего вокруг не происходит. Это как в меме: “If I ignore it, maybe it will go away”, если я закрою глаза, то оно уйдет. Ничего не уйдет. И то же самое, с теми, кто постоянно читает новости, они ничем не лучше других. Это две стороны одной медали. Все то же самое, абсолютно бесполезно, но дает какую-то внутреннюю уверенность» (думскроллинг, муж., 20 лет).

Библиография / References

Казун А. (2023) «Они все равно меня находят»: медиапотребление людей, избегающих новостей. *Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика*, 48 (3): 3-25. EDN: NIPMIQ. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.3.2023.325>

— Kazun A. (2023) “It Finds Me Anyway”: Media Consumption of News Avoiders. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. Zhurnalistsika*, 48 (3): 3-25. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.3.2023.325> — in Russ.

Казун А. (2023). Есть ли выход из пузыря? Мотивы потребления идеологически чуждой информации думскроллерами. *Полис. Политические исследования*, (4): 168-181. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.04.12>.

— Kazun A. (2023) Is there a way out of the bubble? Motives for the consumption of ideologically diverse news by doomscrollers. *Polis. Political Studies*, (4): 168-181. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.04.12> — in Russ.

Липпман У. (2004) *Общественное мнение*. М.: Институт Фонда «Общественное мнение».

— Lippmann W. (2004) *Public Opinion*. М.: Institute of the Public Opinion Foundation — in Russ.

Максименко А., Дейнека О., Мортикова И. (2022) Инфодемический думскроллинг и психологическое благополучие россиян. *Общество: социология, психология, педагогика*, (12): 129-136. EDN: BOBTPA. <https://doi.org/10.24158/spp.2022.12.20>

— Maksimenko A., Deyneka O., Mortikova I. (2022) Infodemic Doomscrolling and the Psychological Well-Being of Russians. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*. (12): 129-136. <https://doi.org/10.24158/spp.2022.12.20> — in Russ.

Стукал Д., Ахременко А., Петров А. (2022) Аффективная политическая поляризация и язык ненависти: созданы друг для друга? *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*, 24(3): 480-498. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-480-498>

- Stukal D., Akhremenko A., Petrov P. (2022) Affective political polarization and hate speech: Made for each other? *RUDN Journal of Political Science*, 24(3): 480–498. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-480-498> — in Russ.
- Affi W. A., Weiner J. L. (2004) Toward a Theory of Motivated Information Management. *Communication Theory*, 14(2): 167–190. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2885.2004.tb00310.x>
- Aharoni T., Kligler-Vilenchik N., Tenenboim-Weinblatt K. (2021) “Be Less of a Slave to the News”: A Texto-Material Perspective on News Avoidance among Young Adults. *Journalism Studies*, 22(1): 42–59. <https://doi.org/10.1080/1461670X.2020.1852885>
- Barlow D. H., Durand V. M., Hofmann S. G. (2019) *Abnormal Psychology: An Integrative Approach (8th ed.)*. Boston, MA: Cengage Learning.
- Benesch C. (2012) An Empirical Analysis of the Gender Gap in News Consumption. *Journal of Media Economics*, 25(3): 147–167. <https://doi.org/10.1080/08997764.2012.700976>
- Boukes M., Vliegenthart R. (2017) News Consumption and Its Unpleasant Side Effect: Studying the Effect of Hard and Soft News Exposure on Mental Well-Being Over Time. *Journal of Media Psychology: Theories, Methods, and Applications*, 29 (3): 137–147. <https://doi.org/10.1027/1864-1105/a000224>
- Buchanan K., Aknin L. B., Lotun S., Sandstrom G. M. (2021) Brief exposure to social media during the COVID-19 pandemic: Doom-scrolling has negative emotional consequences, but kindness-scrolling does not. *PLoS ONE*, 16(10): e0257728. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0257728>
- Chaffee S. H., Metzger M. J. (2001) The End of Mass Communication? *Mass Communication and Society*, 4(4): 365–379. https://doi.org/10.1207/S15327825MCS0404_3
- Cho J., Ahmed S., Hilbert M., Liu B., Luu J. (2020) Do Search Algorithms Endanger Democracy? An Experimental Investigation of Algorithm Effects on Political Polarization. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*, 64(2): 150–172. <https://doi.org/10.1080/08838151.2020.1757365>
- Clayton S. (2020) Climate anxiety: Psychological responses to climate change. *Journal of Anxiety Disorders*, 74: 102263. <https://doi.org/10.1016/j.janxdis.2020.102263>
- Damstra A., Vliegenthart R., Boomgaarden H., Glüer K., Lindgren E., Strömbäck J., Tsfati Y. (2023) Knowledge and the News: An Investigation of the Relation Between News Use, News Avoidance, and the Presence of (Mis)beliefs. *International Journal of Press/Politics*, 28(1): 29–48. <https://doi.org/10.1177/19401612211031457>
- Edgerly S. (2022) The head and heart of news avoidance: How attitudes about the news media relate to levels of news consumption. *Journalism*, 23(9): 1828–1845. <https://doi.org/10.1177/14648849211012922>
- Enders A. M., Armaly M. T. (2019) The Differential Effects of Actual and Perceived Polarization. *Political Behavior*, 41: 815–839. <https://doi.org/10.1007/s11109-018-9476-2>
- Eveland W. P., Scheufele D. A. (2000) Connecting News Media Use with Gaps in Knowledge and Participation. *Political Communication*, 17(3): 215–237. <https://doi.org/10.1080/105846000414250>
- Flaxman S., Goel S., Rao J. M. (2016) Filter Bubbles, Echo Chambers, and Online News Consumption. *Public Opinion Quarterly*, 80(s1): 298–320. <https://doi.org/10.1093/poq/nfw006>

- Fletcher R., Nielsen R. K. (2018) Are people incidentally exposed to news on social media? A comparative analysis. *New Media & Society*, 20(7): 2450–2468. <https://doi.org/10.1177/1461444817724170>
- Gil de Zúñiga, H., & Cheng, Z. (2021). Origin and evolution of the News Finds Me perception: Review of theory and effects. *Profesional De La información*, 30(3). <https://doi.org/10.3145/epi.2021.may.21>
- Hayes D., Lawless J. L. (2018) The Decline of Local News and Its Effects: New Evidence from Longitudinal Data. *The Journal of Politics*, 80(1): 332–336. <https://doi.org/10.1086/694105>
- Heiberger R., Majó-Vázquez S., Castro Herrero L., Nielsen R. K., Esser F. (2022) Do Not Blame the Media! The Role of Politicians and Parties in Fragmenting Online Political Debate. *The International Journal of Press/Politics*, 27(4): 910–941. <https://doi.org/10.1177/19401612211015122>
- Hilgartner S., Bosk C. L. (1988) The Rise and Fall of Social Problems: A Public Arenas Model. *American Journal of Sociology*, 94(1): 53–78. <https://doi.org/10.1086/228951>
- Holman E. A., Garfin D. R., Silver R. C. (2014) Media's role in broadcasting acute stress following the Boston Marathon bombings. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 111(1): 93–98. <https://doi.org/10.1073/pnas.1316265110>
- Iyengar S., Hahn K. S. (2009) Red Media, Blue Media: Evidence of Ideological Selectivity in Media Use. *Journal of Communication*, 59(1): 19–39. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.2008.01402.x>
- Iyengar S., Sood G., Lelkes Y. (2012) Affect, Not Ideology: A Social Identity Perspective on Polarization. *Public Opinion Quarterly*, 76(3): 405–431. <https://doi.org/10.1093/poq/nfs038>
- Katz E. (1996) And Deliver Us from Segmentation. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 546 (1): 22–33. <http://dx.doi.org/10.4324/9780429347245-1>
- Koselioren M., Cakir C. (2024) Drowning in a Sea of News: The Role of Doomscrolling, News Overload, and News Failure in the Relationship Between News Search on Social Media and News Avoidance in Natural Disaster Situations. *Communication Studies*, 1–20. <https://doi.org/10.1080/10510974.2024.2328880>
- Ksiazek T. B., Malthouse E. C., Webster J. G. (2010) News-seekers and Avoiders: Exploring Patterns of Total News Consumption Across Media and the Relationship to Civic Participation. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*, 54(4): 551–568. <https://doi.org/10.1080/08838151.2010.519808>
- Lachlan K. A., Spence P. R., Seeger M. (2009) Terrorist attacks and uncertainty reduction: Media use after September 11. *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*, 1(2): 101–110. <https://doi.org/10.1080/19434470902771683>
- Lind F., Boomgaarden H. G. (2019) What we do and don't know: A meta-analysis of the knowledge gap hypothesis. *Annals of the International Communication Association*, 43(3): 210–224. <https://doi.org/10.1080/23808985.2019.1614475>
- Magin M., Geiß S., Stark B., Jürgens P. (2022) Common Core in Danger? Personalized Information and the Fragmentation of the Public Agenda. *The International Journal of Press/Politics*, 27(4): 887–909. <https://doi.org/10.1177/19401612211026595>

- Mannell K., Meese J. (2022) From Doom-Scrolling to News Avoidance: Limiting News as a Wellbeing Strategy During COVID Lockdown. *Journalism Studies*, 23(3): 302-319. <https://doi.org/10.1080/1461670X.2021.2021105>
- McCombs M. (1977). Agenda setting function of mass media. *Public Relations Review*, 3(4): 89-95. [https://doi.org/10.1016/S0363-8111\(77\)80008-8](https://doi.org/10.1016/S0363-8111(77)80008-8)
- McCombs M. (2014) *Setting the Agenda: Mass Media and Public Opinion*. John Wiley & Sons.
- McLaughlin B., Gotlieb M. R., Mills D. J. (2022) Caught in a Dangerous World: Problematic News Consumption and Its Relationship to Mental and Physical Ill-Being. *Health Communication*, 38(12): 2687-2697. <https://doi.org/10.1080/10410236.2022.2106086>
- Mutz D. C. (2001) Facilitating Communication across Lines of Political Difference: The Role of Mass Media. *American Political Science Review*, 95(1): 97-114. <https://doi.org/10.1017/S0003055401000223>
- Nisbet E. C., Cooper K. E., Garrett R. K. (2015) The Partisan Brain: How Dissonant Science Messages Lead Conservatives and Liberals to (Dis)Trust Science. *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*, 658(1): 36-66. <https://doi.org/10.1177/0002716214555474>
- Prior M. (2007) *Post-Broadcast Democracy: How Media Choice Increases Inequality in Political Involvement and Polarizes Elections* (Illustrated edition). Cambridge University Press.
- Reid S. A. (2012) A Self-Categorization Explanation for the Hostile Media Effect. *Journal of Communication*, 62(3): 381-399. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.2012.01647.x>
- Schneiders P. (2023) News from the User's Perspective: With Naivety to Validity. *Digital Journalism*, 1-22. <https://doi.org/10.1080/21670811.2023.2182804>
- Silver R. C., Holman E. A., Andersen J. P., Poulin M., McIntosh D. N., Gil-Rivas V. (2013) Mental- and Physical-Health Effects of Acute Exposure to Media Images of the September 11, 2001, Attacks and the Iraq War. *Psychological Science*, 24(9): 1623-1634. <https://doi.org/10.1177/0956797612460406>
- Stroud N. (2008) Media Use and Political Predispositions: Revisiting the Concept of Selective Exposure. *Political Behavior*, 30(3): 341-366. <https://doi.org/10.1007/s11109-007-9050-9>
- Tandoc E. C., Jr., & Kim, H. K. (2022). Avoiding real news, believing in fake news? Investigating pathways from information overload to misbelief. *Journalism*, 24(6): 1174-1192. <https://doi.org/10.1177/14648849221090744>
- Toff B., Nielsen R. K. (2018) "I Just Google It": Folk Theories of Distributed Discovery. *Journal of Communication*, 68(3): 636-657. <https://doi.org/10.1093/joc/jqy009>
- Toff B., Palmer, R. A. (2019) Explaining the Gender Gap in News Avoidance: "News-Is-for-Men" Perceptions and the Burdens of Caretaking. *Journalism Studies*, 20(11): 1563-1579. <https://doi.org/10.1080/1461670X.2018.1528882>
- Van Aelst P., Strömbäck J., Aalberg T., Esser F., de Vreese C., Matthes J., Hopmann D., Salgado S., Hubé N., Stępińska A., Papathanassopoulos S., Berganza R., Legnante G., Reinemann C., Sheaffer T., Staney J. (2017) Political communication in a high-choice media environment: A challenge for democracy? *Annals of the International Communication Association*, 41 (1): 3-27. <https://doi.org/10.1080/23808985.2017.1288551>

van Dijk J., Hacker K. (2003) The Digital Divide as a Complex and Dynamic Phenomenon. *The Information Society*, 19(4): 315–326. <https://doi.org/10.1080/01972240309487>

Webster J. G., Ksiazek T. B. (2012) The Dynamics of Audience Fragmentation: Public Attention in an Age of Digital Media. *Journal of Communication*, 62(1): 39–56. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.2011.01616.x>

Woodstock L. (2014) The news-democracy narrative and the unexpected benefits of limited news consumption: The case of news resisters. *Journalism*, 15(7): 834–849. <https://doi.org/10.1177/1464884913504260>

Ytre-Arne B., Moe H. (2021) Doomscrolling, Monitoring and Avoiding: News Use in COVID-19 Pandemic Lockdown. *Journalism Studies*, 22(13): 1739–1755. <https://doi.org/10.1080/1461670X.2021.1952475>

Zhou X., Roberto A. J., Lu A. H. (2023) Understanding Online Health Risk Information Seeking and Avoiding during the COVID-19 Pandemic. *Health Communication*, 38(3): 532–542. <https://doi.org/10.1080/10410236.2021.1958981>

Казун Анастасия Дмитриевна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории экономико-социологических исследований, доцент факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Научные интересы: медиапотребление, общественное мнение. ORCID: 0000-0002-9633-2776. E-mail: adkazun@hse.ru

96

Петрова Дарья Вячеславовна — стажер-исследователь Лаборатории экономико-социологических исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Научные интересы: медиапотребление, доверие новостям. ORCID: 0009-0004-4758-7707. E-mail: d.petrova@hse.ru

Anastasia D. Kazun — PhD in Sociology, Senior Research Fellow at the Laboratory for Studies in Economic Sociology, Associate Professor at the Faculty of Social Sciences, HSE University. Research interests: media consumption, public opinion. ORCID: 0000-0002-9633-2776. E-mail: adkazun@hse.ru

Daria V. Petrova — Research Assistant at the Laboratory for Studies in Economic Sociology, HSE University. Research interests: media consumption, news trust. ORCID: 0009-0004-4758-7707. E-mail: d.petrova@hse.ru

Общественный договор — жертвоприношение? Жорж Батай и критика «Левиафана»

АНАСТАСИЯ П. ГОЛУБЕВА

Независимый исследователь, Москва, Российская Федерация

ORCID: 0009-0000-4140-0201

Рекомендация для цитирования:

Голубева А. П. (2024) Общественный договор — жертвоприношение? Жорж Батай и критика «Левиафана». *Социология власти*, 36 (2): 97-112. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-2-97-112>

For citations:

Golubeva A. P. (2024) Is the Social Contract a Sacrifice? Georges Bataille and the Critique of Leviathan. *Sociology of Power*, 36 (2): 97-112. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-2-97-112>

Поступила в редакцию: 19.05.2024; прошла рецензирование: 13.07.2024; принята в печать: 15.07.2024
Received: 19.05.2024; Revised: 13.07.2024; Accepted for publication: 15.07.2024

This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© 2024 by the author(s).

Резюме:

В статье рассматривается критика теории общественного договора в «Левиафане» Томаса Гоббса через призму понятия жертвоприношения Жоржа Батая. Батай и Гоббс имеют несколько общих ключевых мотивов, таких как смерть, насилие и суверенитет, но трактуют их по-разному. Гоббс рационализирует их, вводя концепцию общественного договора, где люди отказываются от свободы ради безопасности. Для него государство играет роль средства защиты жизни через рациональное подчинение общественному договору. Батай, напротив, акцентирует внимание на роли иррационального и сакрального и рассматривает их как способ освобождения от страха смерти, вещественного мира и господства. Жертвоприношение для Батая играет центральную роль как инструмент прикосновения к сакральному, так и объединения людей в сообщество через общее переживание потери и общую жертву. Однако он сожалеет о том, что со временем для людей жертвоприношение стало иметь утилитарное значение и потеряло свою истинную ценность как акт безвозмездной отдачи ради утверждения «плодородия жизни». Таким образом, общественный договор Гоббса можно представить в базовом понимании жертвоприношения как жертву какого-либо блага ради обмена на другое благо — обмен права на свободу на защиту от суверена. И для Гоббса, и для Батая страх смерти является причиной, по которой люди отказываются от своей свободы и вводят запреты. Но Батай в отличие от Гоббса предлагает выстраивать общество не на страхе смерти, а на преодолении этого страха и суверенном отказе — то есть отказе и от своей свободы, и от передачи ее кому-либо. Таким образом, прочтение «Левиафана» через

логику Батай помогает развенчать образ суверена как «смертного бога» и всемогущего защитника.

Ключевые слова: общественный договор, жертвоприношение, «Левиафан», суверенитет, Томас Гоббс, Жорж Батай

Is the Social Contract a Sacrifice? Georges Bataille and the Critique of Leviathan

Anastasia P. Golubeva

Independent researcher, Moscow, Russian Federation

ORCID: 0009-0000-4140-0201

Abstract:

This article examines the critique of social contract theory in Thomas Hobbes' Leviathan through the lens of Georges Bataille's notion of sacrifice. Bataille and Hobbes share several key motifs, including death, violence and sovereignty. However, they interpret these motifs in different ways. Hobbes rationalises these concepts by introducing the concept of the social contract, whereby individuals relinquish their freedom in exchange for security. For him, the state is a means of protecting people's lives through rational submission to the social contract. In contrast, Bataille emphasises the role of the irrational and the sacred, viewing them as a means of liberation from the fear of death, the material world and domination. Sacrifice plays a pivotal role in Bataille's philosophy, serving as a conduit to the sacred and a unifying force within communities through shared experiences of loss and sacrifice. Nevertheless, he acknowledges that over time, the significance of sacrifice has increased in terms of utilitarian value, while its intrinsic value as an act of gratuitous giving for the sake of affirming the "fertility of life" has diminished. Hobbes's social contract can be presented in basic terms as the sacrifice of a good for the sake of exchanging it for another good. This is exemplified by the exchange of the right to liberty for protection from the sovereign. For both Hobbes and Bataille, the fear of death is the rationale behind the relinquishment of freedom and the introduction of prohibitions. But Bataille, unlike Hobbes, proposes to build society not on the fear of death, but on overcoming this fear and sovereign rejection — the rejection of both one's freedom and the transfer of it to someone else. Thus, reading Leviathan through Bataille's logic helps to debunk the image of the sovereign as a mortal god and omnipotent protector.

Keywords: social contract, sacrifice, Leviathan, sovereignty, Thomas Hobbes, Georges Bataille

Введение

«Я разумею счастье земной жизни. Ибо не существует такой вещи, как вечный душевный мир, пока мы живем здесь».

Томас Гоббс [Гоббс 2001: 44]

«С полаганием мира вещей человек сам превращается в одну из вещей этого мира, по крайней мере на то время, когда трудится. От этого принижения человек во все времена старался избавиться. В своих причудливых мифах, в своих жестоких ритуалах человек изначально занят поисками утраченной сокровенности».

Жорж Батай [Батай 2006: 141]

В представленных цитатах Гоббса и Батая сразу заметно противоречие в том, как два философа представляют себе место сакрального в жизни человека. Томас Гоббс, материалист эпохи Ренессанса, в своем главном труде «Левиафан» неоднократно подчеркивает, что обустройство политической жизни и общества должно основываться именно на рациональном подходе, который во многом диктует подчинение религиозных ценностей светским интересам государства. Напротив, труд постмодерниста Жоржа Батая устремлен к определению особой роли для иррационального и сакрального в социальной жизни: главные темы его работ — это смерть, насилие и жертвоприношение, в которых философ ищет позитивное начало.

99

Соседство Гоббса и Батая на первый взгляд может показаться странным. Но при сравнительном чтении «Левиафана» и «Проклятой части»¹ оказывается, что для обоих философов важны темы смерти, насилия, религии и суверенитета. Гоббс рационализирует их, подстраивает под свою теорию государства, основанную на верховенстве разума и материальных интересах человека; Батай же старается освободить эти явления от человеческого мира вещей и связать их с непостижимым сакральным.

Из-за такого кардинального расхождения во взглядах на схожие темы некоторые исследователи называют Батая «радикальным антигоббсианцем» [Esposito 2010: 124] и критиком классической теории общественного договора [Win 2019], одним из основателей которой является Гоббс. Вслед за ними я предлагаю рассмотреть Батая как критика Гоббса и прочитать отдельные главы «Левиафана» через батаевскую оптику сакрального.

При сравнительном двух философов становится заметно, как пересекаются ключевые мотивы их трудов: *естественное состояние*

¹ Трехтомник под общим названием «Проклятая часть» считается одним из важнейших трудов Батая, который обобщает многие темы его предыдущих работ.

и *суверенитет* у Гоббса с описанием страха смерти и *суверенностью* у Батая. Центральное место в «Левиафане» занимает теория общественного договора — создание государства путем отказа людей от своего права на свободу, а одна из главных тем трудов Батая — это поиск феноменологического значения опыта жертвоприношения, призванного сближать сообщество. И если понимать жертвоприношение в инструментально-процессуальном смысле — как жертву какого-либо блага ради обмена на другое благо, то в виде жертвоприношения можно представить и общественный договор — обмен какого-либо права на защиту. В последней части этой работы я сопоставлю общественный договор Гоббса с тем, какой смысл Батай вкладывает в ритуал жертвоприношения.

Сакральное и естественное

Сакральное — одно из главных понятий в философии Батая; оно существует в паре с профанным (вещественным) как антитеза ему. Разделение сакрального мира и мира вещей для Батая стоит у истоков человеческой истории. Человеческий мир для него представляет собой профанный мир вещей, труда и накопления, в котором был установлен рациональный порядок; сакральное же — это то, что периодически прорывает границы этого рационального мира и является себя в виде праздника, войны, революции, разгула и насилия. Батай называет сакральное «расточительным кипением жизни», стихией и пламенем [Батай 2006: 73]. Сакральное для него — это не просто священное или духовное, а нечто, что представляет собой абсолютную имманентность, энергетически заряженную основу, которую потерял профанный мир.

Разделение мира на сакральное и профанное Батай связывает с появлением человеческой рациональности или «господствующим развитием рефлектирующей мысли» [Батай 2006: 81]. Ведь человек, переживая сакральный опыт, испытывает «бессильный ужас»: Батай сравнивает встречу с сакральным с попаданием в туман, который «противостоит ясности мира» [Ibid.: 64]. Поэтому рациональное сознание человека относит сакральное к притягательному, но в то же время и к захватывающему и вредоносному, так как оно «своей заразной силой уничтожает все, что к нему приближается» [Батай 2006: 81]. «Сакральное само по себе — это не содержание, а форма, предполагающая, что нечто конкретное в результате соответствующей операции стало отделенным от профанного мира, запретным, влекущим к себе и ценным», — поясняет исследователь философии Батая А. Зыгмонт [Зыгмонт 2018: 170]. Батай не раз подчеркивает двойственность сакрального, говоря, что оно «невозможно, однако существует» в том понимании, что

оно «извергается из мира практики и [одновременно] высоко ценится как освобождение от подчинения, присущего этому миру» [Батай 2006: 326].

Профанность же для Батая — синоним вещественности, и *вещь* является одним из ключевых его понятий. Батай определяет человека через труд, и, соответственно, *вещью* он называет то, что становится объектом труда и имеет полезность. Поэтому и сам человек со временем становится *вещью* для других — тех, кто использует его как «орудие, объект эксплуатации» [Зенкин 2006: 20].

Само желание прикоснуться к сакральному появляется в обществе не под влиянием духовных потребностей и религиозных традиций, а из-за одного конкретного страха — страха смерти. Батай пишет, что человек начинает бояться смерти, как только вступает в «порядок проектов, то есть порядок вещей». Смерть же страшна именно потому, что «нарушает» тот порядок вещей, который «крепко держит нас» [Ibid.: 72]. Поэтому жертвоприношение и представляет возможность быть свидетелем смерти (сакрального), и является возможностью если не преодолеть свой страх, то на время вырваться из вещественного порядка, который этот страх создает. «Могущество, вообще присущее смерти, озаряет собою жертвоприношение, в котором воспроизводится действие смерти, то есть восстанавливается утраченная ценность путем отказа от нее», — заключает Батай [Ibid.: 71].

101

Поэтому, для того чтобы преодолеть этот страх, Батай объявляет смерть «великим утверждением жизни» [Ibid.: 70] — ведь именно смерть «разоблачает ложь реальности» вещественного мира и освобождает от него. Смерть показывает, что вещественное — конечно, и что именно наличие смерти определяет жизнь из-за своей неизбежности и последующей бесконечности. Поэтому, по мысли Батая, сакральное можно найти в профанной жизни именно в виде насилия — жертвоприношения, войны, ярости и разгула, — так как оно изобличает дискретность вещественных и трудовых отношений и знаменует истинную жизнь, неподвластную человеческим законам и запретам.

Для древних, архаичных сообществ ритуальные празднества и жертвоприношения как раз являлись способом прикоснуться к этому запретному, сами по своей сути являясь запретным — они представляли собой контролируемое насилие, направленное внутрь самого сообщества (жертва), а не на членов сообщества (вражда). Таким образом, по мысли Батая, жертвоприношение стало способом оградить сообщество от прорывающейся ярости сакрального — для него были определены время, порядок и условия: сообщество получило возможность совместно прикоснуться к сакральному в разрешенных условиях, что и служило силой для объединения.

«Задачей жертвоприношения всегда было ограничивать разрушение, предохраняя все остальное от смертельно опасной заразы. Все, кто соприкасается с жертвоприношением, подвергаются опасности, но его ритуально-ограниченная форма в итоге всякий раз оберегает приносящих жертву от этой опасности», — пишет Батай [Ibid.: 142].

В этом описании архаичных сообществ, практикующих насилие и жаждущих преодолеть страх смерти, можно найти сходства с тем, что Гоббс писал о естественном состоянии человека. Ведь и для Гоббса именно страх смерти является главной рациональной причиной организации сообщества и дальнейшего введения запретов и правил — здесь позиции обоих философов сходятся, но в дальнейшем приходят к совершенно разным выводам.

Естественное состояние у Гоббса — это период до образования людьми государства. По мысли Гоббса, все люди равны от природы и имеют одинаковые права на все, а значит, ведут войну всех против всех. Люди хотят хорошей жизни и накапливают блага. Но поэтому они вынуждены жить в постоянном состоянии угрозы — ожидания, что кто-то нападет, чтобы эти блага отнять. Так люди живут в перманентном недоверии друг к другу и нападают на других уже не для того, чтобы что-то захватить, но и чтобы предупредить возможность нападения со стороны других. Несмотря на то что люди в этом состоянии сбиваются в группы-племена для защиты, Гоббс не считает это прекращением «войны всех против всех», так как ожидание предательства и нападения как изнутри, так и извне никуда не исчезает, и человек в конечном итоге все равно оказывается ничем не защищен.

Гоббс не раз обращает внимание, что выйти из естественного состояния человеку помогает рациональность. Несмотря на то что условия для общественного договора для создания государства Гоббс называет «естественными законами», он прямо пишет, что необходимость и содержание этих законов «подсказывает разум» [Гоббс 2001: 89]. Так, первый естественный закон, по Гоббсу, сразу провозглашает необходимость преодоления всеобщего насилия со ссылкой на разум: «Предписание, или общее правило, разума гласит, что всякий человек должен добиваться мира, если у него есть надежда достигнуть его» [Ibid.: 90]. Из этого закона вытекает и следующий: если люди соглашаются добиваться мира, они должны отказаться от права на самозащиту. Так и рождается известный общественный договор Гоббса — люди отказываются от своей свободы и права на защиту, чтобы передать ее суверену, который впредь обязуется защищать людей от внешних врагов и несправедливости внутри общества.

Для Гоббса главным, что позволило людям отказаться от всеобщего насилия, был разум — та самая рациональность, которая,

по мысли Батая, оттесняет людей от сакрального. Гоббс пишет, что людей сделали «склонными к миру» страх смерти и «желание вещей», а разум подсказал подходящие условия для мира — естественные законы [Ibid.: 89]. В этом месте Гоббс переключается с Батаем, так как и для него страх смерти лежит в основании введения запретов, которые диктуют создание государства. Таким образом, через логику Батая можно представить естественное состояние Гоббса как период, в котором сакральное еще не было отделено от профанного или в котором насилие было имманентно жизни.

Мы видим, как и Гоббс, и Батай отталкиваются от страха смерти, но дают ему разные трактовки. Батай старается описать феномен вытесненного сакрального, находит в нем позитивное начало и истинное утверждение жизни через преодоление уз овеществления и подчинения. Гоббс же демонизирует то, что Батай называет сакральным, старается обосновать необходимость его запрета и изгнания из человеческой жизни. Батай старается деконструировать запреты, находя за ними лишь страх, который можно преодолеть через принятие его и отказ от изгнания сакрального. Гоббс, наоборот, конструирует запреты и необходимость послушания им как единственное рациональное средство, чтобы избавиться от всеохватывающего страха. Для обоих философов именно рациональность является двигателем развития человека, но Гоббс ставит разум на первое место в процессе преодоления естественного состояния, тогда как Батай протестует против этой рациональности в своих сожалениях об утраченном сакральном.

103

Суверенность и суверен

Для обоих, Гоббса и Батая, суверенитет и суверенность¹ являются синонимом свободы, но два философа делают на этой основе кардинально разные выводы. И различие заключается в том, какой характер они придают свободе.

Для Гоббса свобода человека заключается в «использовании собственных сил по своему усмотрению для сохранения своей собственной природы, т. е. собственной жизни» [Гоббс 2001: 89]. Батай же называет суверенной свободой возможность «делать то, что ему [человеку] нравится, в свое удовольствие» [Батай 2002: 281]. Здесь видно, что важнейшим компонентом свободы у Гоббса является то, что она

1 Название сочинения «La souveraineté» на русский было переведено именно как «суверенность», чтобы подчеркнуть, что Батай описывает по большей части не политический суверенитет, а создает собственное понятие «суверенности». Об этом он сам говорит в начале своей работы.

служит сохранению жизни человека, то есть буквально инструментом защиты. Для Батая же свобода — это возможность «распоряжаться миром и его благами», возможность, которая связана с «чудом» [Батай 2006: 315]; свобода для Батая состоит в имманентном проживании жизни без оглядки на страх или полезность. Он отмечает, что суверенность — это «отрицание запрета» [Ibid.: 355], то есть отказ от вытеснения сакрального. Таким образом, суверенность для Батая — это свобода, позволяющая обойти подчинение миру вещей; что-то, что не служит. Суверенное в философии Батая противоположно рабскому, но означает не господство, а «автономию, самодостаточность, свободу от чего бы то ни было» [Тимофеева 2009: 42].

Суверенитетом у Гоббса по определению обладает только суверен, то есть сущность государства, его «лицо», не ограниченное в своей власти ради «мира и общей защиты» [Гоббс 2001: 119]. Суверен аккумулирует всю ту свободу, от которой отказались люди, и поэтому становится исключительно свободным и наделенным неограниченными полномочиями по управлению государством и жизнями людей в нем — такая полнота власти суверена диктуется его задачей по защите своих подданных.

104

Суверен Гоббса возникает для того, чтобы люди смогли побороть страх смерти, но при этом этот страх никуда не исчезает из государства, а просто меняет адресата: вместо того, чтобы бояться друг друга, подданные начинают бояться суверена. На этом страхе и строится «принудительный порядок» в государстве, где жители должны трудиться ради мира внутри сообщества. Несмотря на то что Гоббс оставляет за человеком право защищаться, когда его жизни угрожают, он также наделяет суверена правом наказывать смертью любого подданного, когда это необходимо в целях защиты государства [Bradley 2019: 335]. Более того, общественный договор предполагает, что люди сами уполномочили суверена на убийство и несут ответственность за то, на какие меры вынужден идти суверен для достижения общей безопасности: «Каждый подданный является виновником каждого акта, совершаемого сувереном» [Гоббс 2001: 147]. Ведь если безопасность сообщества достигается в том числе за счет насилия со стороны суверена, значит, смерть и насилие должны в том или ином виде регулярно проявляться в государстве, чтобы суверен продолжал свою миссию по защите.

Таким образом, теория Гоббса не позволяет преодолеть ни страх смерти, ни возможность быть убитым, она только заменяет средства, которыми эти явления могут быть воплощены: страх быть убитым другим человеком заменяется страхом смерти от рук закона. Из-за такого противоречия можно даже сделать радикальный вывод о том, что естественное состояние человека не совсем преодолено в государстве [Evans 2021: 106], ведь страх смерти и возмож-

ность умереть остаются. Так появляется жертвенная парадигма: люди отказываются от свободы ради безопасности, от «физической жизни ради большей политической жизни государства» [Ibid.: 336] — и сами уполномочивают суверена на насилие, включая убийство. То есть наказание убийством со стороны суверена является как бы самоубийством со стороны подданного для поддержания всеобщего мира (потому что каждый подданный дает правителю право распоряжаться своей смертью) [Bradley 2019: 341].

Такой суверенный порядок мистифицируется Гоббсом. Законы суверена понимаются как «мифическая сила», которая служит основанию «принудительного порядка» [Evans 2021: 106]. Сакрализация гоббсовского суверена нужна и из-за того, что в системе «Левиафана» запреты работают не столько в силу того, что люди отказались от своих прав, сколько в силу введения различий между сувереном и всеми остальными. Иными словами, законы нужны не только потому, что способствуют поддержанию мира, но и для того, чтобы провести границу между тем, что нельзя делать людям и можно суверену. Гоббс так и пишет о том, в каких вопросах подданные могут быть свободными: только в тех, которые суверен «обошел молчанием», т. е. которые он сознательно не стал регулировать [Гоббс 2001: 147].

105

Батай не восхваляет это различие между властью и подданными, как это делает Гоббс. По его мысли, так происходит овеществление человека: люди отказываются от своей суверенности, но заменяют ее символическими напоминаниями о ней — в виде сакрализации правителей. Человек ищет в правителе «блистательную форму суверенности», которая приводила бы его в восхищение, олицетворение «величия», которое господствует над вещами — как мог бы господствовать и сам человек, если бы «ему не хотелось пребывать в покое и быть вещью» [Тимофеева 2209: 108]. Именно поэтому, пишет Батай, традиционная суверенность всегда визуально подчеркивается, утопает в роскоши и блеске для демонстрации того, что суверен обладает исключительной возможностью не быть объектом труда [Батай 2006: 334], то есть выносит себя из мира вещей. Так суверенность власти создает «великолепный фасад», который мешает увидеть «грязную реальность порядка вещей» [Ibid.: 353].

Но при этом для Батая власть никогда не может достигнуть истинной суверенности. Ведь если суверенно то, что не служит, то господствующий суверен по определению служит поддержанию законов и мира; ему отказано в глубинной сакральности, сопровождающей отказ от страха смерти: «Монарх больше не может погубить себя по собственной инициативе, он стал гарантом жизни и счастья других людей» [Ibid.: 353]. Поэтому для Батая суверен не может сам не быть овеществленным и является «наименее унижительной из всех, но все-таки должностью» [Ibid.: 351].

Сообщество и жертва

Батай в своих работах всего несколько раз упоминает классический общественный договор и указывает, что воспринимает его двояко. С одной стороны — для него все люди изначально свободны, но «все-гда должны отказываться от своей суверенности». Батай согласен, что люди вынуждены отказываться от своей свободы в пользу правителя и что «созерцание [суверенности] в персоне суверена доставляет им религиозный восторг, который и есть их цель» [Ibid.: 408]. В этом месте он вторит Гоббсу, для которого суверен — это не только воплощение силы и воли всех людей в государстве, но и «смертный бог», сакральная фигура, замещающая бога на земле.

Но, с другой стороны, Батай оставляет лазейку, которая дает людям в государстве возможность не признавать своего суверена: человек все равно отказывается от своей свободы (суверенности), но он также отказывается завещать ее кому-либо. Такое двойное, радикальное и, возможно, иррациональное отречение от своих прав Батай называет «суверенным отказом» [Ibid.: 408]. По его мысли, истинная суверенность переключается с *жертвой* — люди не просто отказываются от своих прав ради чего-либо, а вкладывают свою же свободу в отказ от нее. Этот *суверенный отказ* Батай противопоставляет общественному договору. О смысле жертвоприношения и суверенном отказе пойдет речь в этой главе.

Жертвоприношение (*sacrificiо*) в латинском языке означает буквально «делание» (*faciо*) «сакральным» (*sacer*), и Батай вкладывает в это понятие именно такой смысл. Обряд жертвоприношения для него — это не подношение богам или молитва, а процесс, в котором в процессе уничтожения высвобождается сакральная энергия из *вещи*¹, за счет чего происходит соприкосновение сакрального и профанного миров. «Жертвенный обряд стремится уничтожить в жертве вещь — и только вещь. Жертвоприношение разрушает реальные узы подчиненности объекта, исторгает жертву из мира пользы и водворяет ее в мир недоступной разуму прихоти», — объясняет феноменологию этого обряда Батай [Батай 2006: 68]. В жертву приносят то, «что служит», что было «изъято из имманентности» и «сведено к состоянию вещи». Убийство животного или уничтожение предмета как бы разрывает эти узы труда и служения, позволяя сути вещей вернуться в имманентность сакрального. Так в жертву отдается именно результат или орудие труда, уничтожается взаимосвязь между трудом и *вещью*, и за счет этого человек и сам как бы

1 В том смысле этого понятия, которое было описано в первом разделе.

изымает себя из мира вещей [Ibid.: 72]. Поэтому Батай описывает мистический опыт именно «отсутствием *вещи*» [Батай 2006: 503].

Истинное жертвоприношение для Батая — это способ пересечь границу между профанным и сакральным, уничтожить связь с вещественным. Однако он указывает, что жертвоприношение также было использовано и для того, чтобы контролировать насилие в сообществе. Таким образом, жертва постепенно переходила из разряда сакрального в разряд инструментов, то есть овеществлялась. Батай отмечает, что жертва со временем начала терять «ярость насилия» (которое оказалось под запретом) и начала служить «для организации особого порядка сакральных вещей, не менее рабски покорного, чем порядок реальных предметов» [Батай 2006: 85]. Таким образом, если раньше жертвоприношение блага было способом переместить благо из мира вещей в мир сакрального, то теперь это способ переместить что-либо в мир мистификации и господства.

В этом Батай снова винит рациональность, говоря о том, что «курс наделяет жертвоприношение полезными целями “задним числом”» и сводит его к «вульгарному, заинтересованному толкованию» [Ibid.: 281-282]. И здесь жертвоприношение служит уже для того, чтобы контролировать насилие внутри сообщества, вводить запреты и пытаться регулировать сакральное, утверждая мир вещей и утраченной свободы. Ведь насилие (олицетворение сакрального) прорывается в мир вещей, и поэтому вместо разрушения собственного сообщества люди направляют его против своих врагов-соседей [Батай 2006: 76]. Гоббс, как и Батай, говорит, что, останавливая насилие внутри сообщества, насилие переходит вовне и становится войной между государствами, среди которых война всех против всех никогда не прекращается [Гоббс 2001: 88].

Поэтому в противовес жертве как инструменту ухода от насилия Батай пытается восстановить утраченный опыт жертвы как преодоление границ и провозглашение насилия и смерти как неотъемлемой части жизни. Настоящее жертвоприношение, не подверженное рационально-утилитарному, — это чистый дар, который лишен всякой полезности, «антитеза производства, совершаемого ради будущего»: «Жертвовать — все равно что бросать уголь в печь» [Батай 2006: 71]. Поэтому Батай намеренно вычеркивает из жертвоприношения ожидание всякой полезности или обмена, чтобы обнаружить невзаимный дар, празднование плодородия жизни: «Восстанавливается “глубинная имманентность всего сущего”, свободная циркуляция энергии, которая нигде не фиксируется» [Зенкин 2006: 23]. И именно на таком понимании жертвоприношения как бескорыстного дара ради объединения с чем-то большим Батай предлагает строить сообщество людей, оппонируя гоббсовскому обществу, которое строится

на рациональном следовании мнимой безопасности и жертвенном отказе от свободы. Ценность жертвоприношения в этом случае заключается в самом акте жертвования, дарения и отделения, а не в его результате. И именно такой смысл Батай и вкладывает в *суверенный отказ* — отказ от свободы как провозглашение ее избытка.

В таком изложении теория жертвоприношения Батая может быть применена к логике общественного договора Гоббса. Насилие было имманентной составляющей естественного состояния человека, но в результате накопления вещей и благ рациональная мысль заставила людей задуматься о страхе смерти и начать вводить запреты для того, чтобы обезопасить свое сообщество. Жертвоприношения перестали быть попыткой дотронуться до сакрального, а стали инструментом организации этого сакрального, место которого стало мыслиться в рамках запрета, а как сакральное было определено само то, что теперь руководит запретами. Люди отказались от своего права на насилие, от прикосновения к сакральному, принесли в жертву свою свободу, чтобы обменять ее на накопление благ и безопасность.

108

Общественный договор Гоббса является антитезой дара, который не приемлет какой-либо корыстной составляющей [Esposito 2010: 29]. Поэтому в парадигме Гоббса отсутствует какое-либо понятие общности, кроме той, что завязана на фигуре суверена: люди связаны обязательствами с сувереном, но не несут никакой ответственности друг перед другом [Tierney 2016: 11]. Иными словами, Гоббс представляет себе общество людей ослабленным страстями и нуждающимся в защите, тогда как Батай предлагает прославлять в человеке «переизбыток энергии, обреченный на потребление и растрату без каких-либо ограничений» [Esposito 2010: 124].

Если перефразировать Гоббса, то получается, что людей объединяет только страх и риск быть убитыми. Батая же не страшат эти вещи, он уверен, что именно принятие факта своей конечности, «радостное чувство утраты» — это то, что лежит в основе сообщества: «Человек, который участвует в утрате, смутно осознает, что эта потеря порождает сообщество, которое его поддерживает» [Tierney 2016: 14]. Так, смерть является основополагающим для создания сообщества и у Гоббса, и у Батая, но совершенно с различными коннотациями. Для Гоббса — смерть является наказанием и следствием войны, которую необходимо преодолеть. Для Батая это и есть тот самый *суверенный отказ*, отказ ради самих себя, безвозмездная жертва, которая основывает общество за счет коллективного переживания потери, которое помогает людям прикоснуться к чему-то большему, чем они сами [Negarty 2000: 97].

Лучшая иллюстрация такого суверенного сообщества — жертвенное убийство царя, описанное Батаем. Мы знаем, что суверен Гобб-

са не может просто умереть — потому что с его смертью «умирает и распадается государство» [Гоббс 2001: 33]; по этой причине Гоббс яростно выступает против бунтов и заговоров, так как их результатом для него может быть только коллапс государства. Для Батая же «величайшим утверждением суверенности» является не сохранение незыблемой власти суверена, а именно «казнь царя»: в истинно суверенном обществе царь «не может умереть, смерть для него ничто», и «ее отменяет даже сама его смерть» [Батай 2006: 333]. Суверенное общество, по Батаю, способно на истинную жертву: безвозмездное расточительство, уничтожение самого ценного ради праздника плодородия жизни — убийство самого суверена. Именно поэтому Батай ностальгически отмечает, что истинно суверенное общество, объединенное жертвой, — это архаическое общество, которое еще не было связано вещественным и в котором человек еще не был вещью, то есть не обладал полезностью [Ibid.: 334]. «Ничто суверенное никогда не должно подчиняться пользе», — заключает он [Ibid.: 335].

Иначе говоря, Батай пытается представить сообщество, которое основывалось бы на смерти и потере, а не на бегстве от них, то есть опирается на что-то, что не может быть преобразовано в вещественную полезность. Как пишет Д. Агамбен, это — негативное, несуществующее сообщество, которое строится не просто на отсутствии лидера, но на «самоисключении членов сообщества, которые станут его частью исключительно через их собственное обезглавливание» [Agamben 2020: 250]. Батай не приводит описания, как должно выглядеть это общество, но скорее предлагает интенцию к его построению через критику классического общественного договора и суверенитета. Он видит отголоски этого сообщества в революционной борьбе, когда каждый готов к суверенному отказу — к жертве самого себя сообществу [Зыгмонт 2018: 247]. Другой пример суверенного отказа приводит С. Жидек. Он пишет, что истинная свобода должна быть построена на способности говорить «нет», то есть представлять отказ от того, что человек делает больше всего, который приводит к радикальному отрицанию — самоубийству [Жижек 2024: 24]. Так, американский борец за права черного населения Малкольм Икс отказался от своей фамилии ради символа, разрушил свою прежнюю идентичность ради создания новой, независимой от рамок существовавшего господства: «Это касается любого истинного освобождения: оно по определению предполагает символическое самоубийство» [Ibid.: 28].

Радикальная свобода, заключенная в суверенном отказе, — это возможность жертвовать собой бескорыстно, преодолевая запреты и возвращаясь в имманентность: «Ненавистно не умереть — ненавистно жить в рабстве. Суверенный человек не поддается смерти в том смысле, что не может умереть по-человечески» [Батай 2006: 330].

Заключение

В этой работе я постаралась представить Батая как критика теории общественного договора Гоббса. Несмотря на свою дерзость и мрачность, философия Батая предлагает иной взгляд на понимание общественного договора и теорию суверенитета, открывая негативные последствия человеческого отказа от своей свободы и следования за страхом смерти. Батай согласен с Гоббсом в том, что конструирование трансцендентального является следующей стадией после того, как имманентная суверенность каждого человека стала предметом договора, то есть отказа и передачи. Однако если Гоббс обосновывает свою теорию дихотомией «смерть или выживание», то Батай решительно протестует против такой постановки вопроса и оппонирует дихотомией «свобода или овеществление», то есть свобода или рабство [Aksoy 2009: 88]. Поэтому философия Батая является критикой гоббсовской теории в онтологическом смысле, а не в практическом или логическом. Французский философ предлагает отказаться от страха смерти как первоначальной интенции к созданию общества и смотреть на неизбежность смерти как на означающее полноты жизни, как на возможность бескорыстного объединения и отказа от подчинения под предлогом защиты. Общественный договор Гоббса для Батая — это то самое «дискурсивное» жертвоприношение, совершенное из корыстных целей и поэтому порабащающее людей. Прочтение «Левиафана» через логику Батая помогает развенчать образ суверена как смертного бога и всемогущего защитника.

Политическая мысль Батая проявляет склонность к экстремизму, в том плане, что представляет из себя «принципиальную оппозиционность», которая обнаруживает «изъяны общепринятых или господствующих форм» [Фокин 2002: 124]. Поэтому Батай предлагает радикально иной вариант определения суверенности и теорию построения сообщества: отталкиваясь от насилия и смерти, он предлагает не побороть их, а принять как вещи, которые в итоге никогда не могут быть выкорчеваны из жизни и государства — что и было показано выше. Вместо того чтобы передавать право на насилие суверену, Батай предлагает не отдавать его никому, а просто уничтожить — отказаться от необходимости быть управляемыми страхом. Иными словами, если Гоббс предлагает людям отказаться от своего права на свободу и самозащиту (насилия), чтобы передать его суверену, то Батай предлагает просто от него отказаться, не создавая при этом иерархического господства. Такой отказ он называет суверенным и связывает его истинной жертвой — растратой ради утверждения ценности растрачиваемого, то есть свободы.

Библиография / References

- Батай Ж. (2002) Гегель, смерть и жертвоприношение. *Философ-вне-себя. Жорж Батай*. СПб.: Изд-во Олега Абышко.
- Bataille J. (2002) *Hegel, Death and Sacrifice. Philosopher-beside himself. Georges Bataille* — St. Petersburg: Oleg Abyshko Publishing House. — in Russ.
- Батай Ж. (2006) *Проклятая часть: Сакральная социология*. М: Ладомир. EDN: TOFOSE.
- Bataille J. (2006) *The Damned Part: Sacred Sociology*. М: Ladomir. — in Russ.
- Батай Ж. (2000) *Теория религии*. Мн.: Современный литератор.
- Bataille J. (2000) *Theory of Religion*. Minsk: Modern writer. — in Russ.
- Гоббс Т. (2001) *Левиафан*. М: Мысль.
- Hobbes T. (2001) *Leviathan*. М: Thought. — in Russ.
- Жижек С. (2024) От свободы к освобождению. *Социология власти*, 36(1): 8-28. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-1-8-28>
- Žižek S. (2024) From freedom to liberation. *Sociology of Power*, 36(1): 8-28. doi.org/10.22394/2074-0492-2024-1-8-28. — in Russ.
- Зыгмонт А. (2018) *Святая негативность. Насилие и сакральное в философии Жоржа Батая*. М: НЛО.
- Zygmunt, A. (2018) *Holy negativity. Violence and the sacred in the philosophy of Georges Bataille*. М: UFO. — in Russ.
- Тимофеева О. (2009) *Введение в эротическую философию Ж. Батая*. М.: Новое литературное обозрение. EDN: YNPJFR.
- Timofeeva O. (2009) *Introduction to the erotic philosophy of J. Bataille*. М.: New Literary Review. — in Russ.
- Фокин С. (2002) *Философ-вне-себя. Жорж Батай*. СПб.: Изд-во Олега Абышко. EDN: TUNVKV.
- Fokin S. (2002) *The Philosopher Beyond Himself. Georges Bataille*. St. Petersburg: Oleg Abyshko Publishing House. — in Russ.
- Agamben G. (2020) Bataille and the Paradox of Sovereignty. *Journal of Italian Philosophy*, 3: 247-253.
- Aksoy M. U. (2009) *Georges Bataille's Concept of Sovereignty: An Ontological Approach to International Relations*. Ph.D., Middle East Technical University.
- Bradley A. (2019) Deadly force: Contract, killing, sacrifice. *Security Dialogue*, 50(4): 331-343. <https://doi.org/10.1177/0967010619843477>
- Esposito R. (2010) *Communitas: the origin and destiny of community*. Stanford University Press.
- Evans B. (2021) *Ecce Humanitas: Beholding the Pain of Humanity*. Columbia University Press.
- Hegarty P. (2000) *Georges Bataille: Core Cultural Theorist*. SAGE Publications.
- Noy B. (2000) *Georges Bataille: A Critical Introduction*. Pluto Press.

Springborg P. (2007) *The Cambridge Companion to Hobbes's Leviathan*. Cambridge: Cambridge University Press.

Tierney T. F. (2016) Roberto Esposito's 'Affirmative Biopolitics' and the Gift. *Theory, Culture & Society*, 33(2): 53-76. <https://doi.org/10.1177/02632764145610>

Win M. M. (2019) *Myth Busting: Rethinking Social Contract Theory and Reorienting Sovereignty from John Locke to Georges Bataille*. Senior Projects.

Голубева Анастасия Павловна — независимая исследовательница, магистр политической философии, Московская высшая школа социальных и экономических наук (МВШСЭН), Манчестерский университет. Научные интересы: философия истории, теории мультитемпоральности, историческая политика, постструктуралистская философия. ORCID: 0009-0000-4140-0201. E-mail: greenlightoff@gmail.com

Anastasia P. Golubeva — independent researcher, MA in Political Philosophy, Moscow School of Social and Economic Sciences (MSSES), University of Manchester. Research interests: philosophy of history, theories of multitemporality, historical politics, poststructuralist philosophy. ORCID: 0009-0000-4140-0201. E-mail: greenlightoff@gmail.com

Инфляционное давление и революционная дестабилизация: оценка воздействия и сравнительный анализ

Рекомендация для цитирования:

Жданов А. И., Коротаев А. В. (2024) Инфляционное давление и революционная дестабилизация: оценка воздействия и сравнительный анализ. *Социология власти*, 36 (2): 113-141. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-2-113-141>

For citations:

Zhdanov A. I., Korotayev A. V. (2024) Inflationary Pressure and Revolutionary Destabilization: Impact Assessment and Comparative Analysis. *Sociology of Power*, 36 (2): 113-141. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-2-113-141>

Поступила в редакцию: 17.05.2024; прошла рецензирование: 01.07.2024; принята в печать: 10.07.2024
Received: 17.05.2024; Revised: 01.07.2024; Accepted for publication: 10.07.2024

This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© 2024 by the author(s).

АНДРЕЙ И. ЖДАНОВ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; РЭУ им Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-4492-7903

АНДРЕЙ В. КОРОТАЕВ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Институт Африки РАН, Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0003-3014-2037

Резюме:

Существующие теоретические разработки позволяют предположить, что общая инфляция может оказывать неоднозначное влияние на вероятность начала революционных выступлений в результате наложения положительно влияющей на революционную активность высокой инфляции, снижающей вероятность революции умеренной инфляции и вновь повышающих революционную активность отрицательных значений инфляции. В то же время многими исследователями отдельно выделяется продовольственная инфляция как безусловно значимый предиктор разворачивания революционных процессов, т.к. продуктовая инфляция — гораздо более

113

Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2024 г. при поддержке Российского научного фонда (проект № 24-18-00650).

Acknowledgements: The study was carried out within the framework of the Basic Research Program of the HSE in 2024 with the support of the Russian Science Foundation (project No. 24-18-00650).

чувствительный макроэкономический показатель, усугубляющий многие общественные невзгоды, такие как бедность, протестные настроения, фрустрацию, социально-экономические шоки и т.п. Авторы, с опорой на современные политологические концепции и количественные расчеты протестировали соответствующие гипотезы. Используя регрессионную модель для редких событий (*Rare Event Regression Model*) и набор контрольных переменных (подушевой ВВП, численность населения, доля молодежи, урбанизация, уровень образования, уровень демократии) для получения более надежных результатов, авторы пришли к заключению, что общий уровень инфляции значимого влияния на риски революционной дестабилизации не оказывает. С другой стороны, продовольственная инфляция действительно оказывается достаточно надежным предиктором начала разворачивания революционных процессов. Продовольственная инфляция особенно сильно бьет по слоям с низкими доходами, поэтому она оказывается наиболее мощным дестабилизирующим фактором в наименее экономически развитых странах, а в региональном плане наиболее сильное дестабилизирующее влияние продовольственная инфляция может оказывать на страны Африки, в особенности на бедные городские слои этого континента, ведя к самым сильным политическим потрясениям.

114

Ключевые слова: революция, инфляция, продовольственная инфляция, количественный анализ, Африка

Inflationary Pressure and Revolutionary Destabilization: Impact Assessment and Comparative Analysis

Andrey I. Zhdanov

National Research University Higher School of Economics; Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-4492-7903

Andrey V. Korotayev

National Research University Higher School of Economics; Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-3014-2037

Abstract:

There are some theoretical grounds to expect that general inflation can have an ambiguous effect on the likelihood of the outbreak of revolutionary actions: while high inflation has a positive effect on revolutionary activity, moderate inflation reduces the likelihood of revolution, whereas negative inflation values again increase revolutionary activity. At the same time, many researchers suggest to treat separately food inflation as a significant predictor of the unfolding of revolutionary processes, because food inflation is a much more sensitive macroeconomic indicator that aggravates many social ills, such as poverty, protest sentiments, frustration, socio-economic shocks, etc. The authors, based on modern political science concepts and

quantitative calculations, test the corresponding hypotheses. Using a rare event regression model and a set of control variables (the main factors of revolutions, according to modern political science research — GDP per capita, population, share of youth, urbanization, level of education, level of democracy) to obtain more reliable results, the authors come to the conclusion that the general level of inflation does not have a significant impact on the risks of revolutionary destabilization. On the other hand, food inflation does turn out to be a fairly reliable predictor of the beginning of the unfolding of revolutionary processes. Food inflation has a particularly strong impact on low-income groups, so it is powerful destabilizing factor in the least economically developed countries. Furthermore, regionally, food inflation may have the most powerful destabilizing effect in Africa (especially in African cities).

Keywords: revolution, violent revolutions, nonviolent revolutions, inflation-food inflation, quantitative analysis, Africa

Введение

Уровень экономического развития и динамика макроэкономических показателей являются одним из наиболее часто рассматриваемых факторов разворачивания революционных процессов. Данный факт связан с тем, что экономическая модернизация «порождает нации» и способствует их политическому самоопределению, которое, вступая в конфликт с архаичными институтами, приводит к революциям.

115

Многими исследователями отмечается, что экономическими показателями объясняется вызываемая социальными шоками и иными факторами депривация, которая также, по мнению ряда авторов, способствует разворачиванию революций. К подобным социально-экономическим «шокам», помимо прочих, относят всплески инфляции [Keller 2015; Shaheen 2015; Chenoweth, Ulfelder 2017; Медведев, Коротаев 2021; Медведев и др. 2022; Устюжанин, Коротаев 2022b]. Есть мнение, что высокая инфляция и слабый экономический рост (или его отсутствие) понижают общий уровень жизни, в особенности среди городского среднего класса и наиболее социально незащищенных слоев населения, создают общее недовольство правящими элитами и могут побуждать общество организовывать стачки, демонстрации, восстания и другие формы политической дестабилизации, в том числе революционные события [Gasiorowski 1998].

Для современной политической и экономической науки инфляция становится все более актуальной темой исследований (несмотря на тот факт, что она существовала на протяжении большей части письменной истории), на фоне все более возрастающей во-

латильности цен, которая затрагивает уже не только отстающие страны, но и развитые демократии Евроатлантического региона. Тем самым, помимо того, что мир-системные финансово-экономические циклы, сопровождающиеся всплесками инфляции в определенных фазах, являются повторяющейся особенностью экономик большинства государств мира, внешние факторы, такие как глобальные пандемии, вооруженные конфликты, обострение международных отношений, торговые войны и т. д., привели к тому, что инфляция из «шокового» и краткосрочного события превращается в «хроническую болезнь» современных экономических систем [Cohen, Linton 2010].

Тем самым «хроническая» инфляция, как один из наиболее значимых макроэкономических факторов, может стать причиной перманентной деконсолидации политических систем. Множество исследователей отмечали, что инфляция и политическая нестабильность тесно взаимосвязаны, и указывали на важность изучения инфляционного давления в качестве предиктора революционной дестабилизации [Voth 2001: 16; Aisen, Veiga 2008]. Так, в рамках современных теорий революционной дестабилизации существует научный консенсус относительно того, что одним из главных факторов «Арабской весны», «Тюльпановой революции» в Кыргызстане, «Революции роз» в Грузии, Иранской революции и др. была инфляция — прежде всего, продовольственная [Grinin, Korotayev 2022; Kogen, Winecoff 2022]. Одновременно политическая наука постулирует, что инфляция является комплексной проблемой, не только затрагивающей благосостояние домохозяйств и отдельных индивидов, но и определяющей политический курс отдельных исполнительных органов, государств в целом и даже международных структур и организаций [Dias 2022]. В результате инфляция, приводя в замешательство широкие общественные слои, становится значимым фактором выживания политических систем, создавая риск их революционного преобразования.

В то же время существует противоположное мнение — многими политическими учеными постулируется, что существует обратная зависимость, а именно — политическая нестабильность создает инфляцию [Sargent, Velde 1995: 498-500; Telatar 2010: 3845; Abdelhamid et al. 2016; Jannils 2021: 280; Emery et al. 2023; Ghanayem et al. 2023]. В пользу данной концепции выдвигаются следующие аргументы: во-первых, после революции новому правительству требуется множество финансовых ресурсов, чтобы исполнять социальные программы, задобрить гражданские и силовые элиты, отразить внешнюю интервенцию, подавить сепаратистский конфликт и т.п. А из-за того, что динамика экономического роста

негативно реагирует на смену власти революционным путем, у революционного правительства остается только два выхода восполнения бюджетного дефицита — экспроприации или печатание новых денег [Bahmani-Oskooee 1995: 69; White 1995: 234-235]. Во-вторых, после революции индивиды, как правило, под влиянием опасений будущего обесценивания денег стремятся запастись товарами «впрок» и тем самым способствуют росту цен, создавая ажиотажный спрос [Cáardenas, Manns 1987: 376-382]. Помимо этого, ажиотажный спрос могут создавать сами продавцы, «придерживая» товары в условиях постреволюционной неопределенности [Bezanson 1951: 324-325]. Таким образом, ожидание инфляции после свержения *Ancien Régime* становится самоисполняющимся пророчеством. В-третьих, современные революции могут в качестве цепной реакции вызвать новые витки нестабильности — войны, санкции, экономические «шоки» и т. д. [Grammy 2013]. В-четвертых, политическая нестабильность снижает инвестиционную привлекательность государства и в условиях глобализации экономических взаимоотношений затрудняет устойчивый экономический рост [Kirikkaleli, Yorgucu 2021: 183-184].

Помимо этого, существует точка зрения о революционной дестабилизации и инфляционном давлении как самоподдерживающихся процессах. Согласно этой точке зрения, слабые правительства в условиях социально-политической нестабильности склонны к популистским мерам «задабривания» общества за счет роста государственных расходов, финансируемых за счет инфляционного налога. Впоследствии, когда из-за этих действий происходит всплеск инфляции, слабому правительству становится в разы сложнее сопротивляться возникшему вследствие инфляции политическому давлению и оно рискует столкнуться с разворачиванием революционных процессов [Aisen, Veiga 2006: 1381].

Таким образом, исследовательской проблемой является тот факт, что в современной политической науке существует противоречие между различными теориями, объясняющими взаимосвязь инфляции и революции. Как показано выше, одни концепции постулируют, что инфляция создает революции, другие — что политическая нестабильность (и революции как ее частный случай) приводят к инфляции. Тем самым выяснение, что из описываемых явлений — инфляция или политическая нестабильность — возникает в первую очередь, является актуальной и значимой проблемой для современной политической социологии, вызывающей множество дебатов (как и в целом неопределенность влияния инфляции на политическую нестабильность) [Voth 2001: 1-8].

Соответственно, исследовательский вопрос данной статьи — как рост инфляции влияет на вероятность начала революции. Данный вопрос в современной политической социологии признается в должной степени не изученным [Al-Shammari, Willoughby 2019: 197].

Рост инфляции и революционная активность: концептуальный анализ

Инфляция, как и многие другие маркеры экономической депрессии, нашла отражения во многих теориях революции как фактор роста политической нестабильности. При этом отмечается, что инфляция является неотъемлемой и существенной частью современного общества, часто выступая катализатором многих социально-политических процессов, в том числе и таких травмирующих, как революции, восстания, сепаратистские конфликты и т. д. [Widdig, 2001: 23]. Помимо этого, инфляция, согласно множеству исследований, оказывает широкое влияние на все пространство политических действий — не только самых радикальных, таких как революционные выступления, но и вполне умеренных и традиционных, например, определяя направление электоральной активности общества в период выборов [Berlemann, Markwardt 2007]. Инфляция тем самым в современной политической науке рассматривается через призму ее комплексного влияния на вероятность революционной дестабилизации.

Неоднозначность влияния инфляции. Как известно, инфляция обесценивает сбережения индивидов, что является одним из наиболее существенных детерминант фрустрации и депривации, подпитывая желание присоединиться к революционному движению [Paldam 1987: 144; Tam, Dholakia 2013]. Утверждается, что, способствуя пополнению маргинализированной когорты «исключенных» из общественных отношений индивидов, инфляция дает лучшее топливо из возможных для разворачивания революционных процессов. Как говорил Стефан Цвейг: «Ничто никогда так не озлобляло немецкий народ <...> ничто не приводило его в такую ярость и ненависть и не помогло ему созреть для Гитлера, как инфляция» [Ferguson, Granville 2000: 1084].

Под влиянием инфляционного давления происходит расшатывание политической системы, на которую обществом возлагается вина за возникшие экономические трудности, независимо от того, насколько данные претензии являются справедливыми. Считается, что психологическое воздействие инфляции детерминирует поведение не только общественных масс, но и политических элит, которые в условиях нарастающего недовольства, вызванного ин-

фляцией, значительно сокращают кругозор своего политического планирования и, стремясь к выполнению краткосрочных целей, склонны прибегать к сиюминутным мерам снижения инфляции, которые стратегически могут привести к еще большему общественному напряжению и даже спровоцировать революцию [White 1995: 235; Aisen, Veiga 2008: 1381; Telatar 2010: 3840]. В социологических исследованиях отмечалось, что инфляция приводит к истончению дружеских отношений, усилению индивидуализма и одиночеству, что не способствует психологическому здоровью индивидов и может подтолкнуть их искать виноватых в своем бедственном положении «вовне», т. е. в лице политической системы [Afrasiabi, Baharluoei 2021].

Утверждается также, что другой психологический аспект инфляции, усиливающий вероятность революции, заключается в том, что инфляция создает панику на рынке и вывод капитала из государства, из-за чего оно может превратиться в *failed state*, становясь все более уязвимым для революции. Эта логика реализуется в духе «самосбывающегося пророчества» — если индивиды воспринимают инфляцию как проявление будущего краха государства — они своими действиями приводят к тому, чтобы этот крах в итоге состоялся [Voth 2001: 14–15].

119

Значительное неравенство, вызванное инфляцией, делает уязвимым для революций даже настолько защищенные режимы, как консолидированные демократии. Экономическое неравенство, конвертируемое в политическое влияние, приводит к феномену, который в политической науке называется «аннексией государственных институтов финансовыми рынками», т. е. эрозии институтов под влиянием лоббистской деятельности больших корпораций, вследствие чего они уже не способны служить амортизатором общественного недовольства, каналом коммуникации между обществом и элитами и инструментом разрешения назревших социально-политических проблем, что приводит к разочарованию широких слоев населения в существующей политической системе, поиску альтернативных политических систем и желанию их установления революционным путем [Besançon 2005; Streeck 2014: 161; Shaheen 2015: 73; Lawson 2019: 228–230]. Данному процессу, в частности, оказались подвержены и современные Соединенные Штаты Америки [Zhdanov, Korotayev 2022].

Согласно Джеку Голдстоуну, в государствах, где экономический рост настолько неравномерен, что беднейшие слои (и даже средний класс) отстают по уровню благосостояния от быстро обогащающейся элиты, подобная система будет восприниматься как несправедливая, вызывая народное недовольство и отчуждая общество и элиты друг от друга, что является предпосылкой для револю-

ции [Goldstone 2014: 22]. Данная точка зрения находила поддержку у многих других социологов, обосновывающих, что существование значительного неравенства или неравномерного распределения богатств вызывает общее чувство обиды на богатое меньшинство или правящий класс и подталкивает людей к радикальным формам выражения политического участия [Chenoweth, Ulfelder 2017: 303].

Инфляция также затрагивает интеллектуалов и интеллигенцию, которая, будучи верхушкой среднего класса и начав испытывать экономические трудности, становится «интеллектуально изношенной» и обнаруживает в себе стремление примкнуть к радикальным политическим силам в надежде улучшить свое материальное положение [Widdig 2001: 169].

Следующий аспект зависимости вероятности революции от уровня инфляции заключается в том, что, по мнению многих исследователей, высокая инфляция является прокси-переменной, показывающей в том числе степень коррумпированности государства. Так, оппортунистские политические партии могут эксплуатировать государственные институты в узкополитических целях, наращивая государственные расходы, чтобы в краткосрочной перспективе быть переизбранными и остаться у власти. На сегодняшний день существует множество количественных исследований, обосновывающих взаимосвязь между коррупцией и инфляцией, как в развитых, так и в развивающихся странах [Özşahin, Üçler 2017: 1-4]. Коррупция же, в свою очередь, многими социологами рассматривается как значимый предиктор революции, т.к. наиболее вопиющие проявления коррупции обостряют фрустрацию и чувство социальной несправедливости, подталкивая индивидов к участию в политических протестах и выступлениях, которые, при определенных условиях, могут вылиться в ту или иную форму революционного события, как правило, приобретающего форму городского гражданского революционного протеста [Медведев, Коротаев 2021; Медведев и др. 2022; Устюжанин и др. 2023b; Beissinger 2022].

Значимым компонентом влияния инфляции на политическую дестабилизацию является вред, наносимый инфляцией молодежи. Согласно некоторым исследованиям, инфляция может вызвать у молодежи кризис мотивации, отчаяние, отсутствие энтузиазма, раздражительность и дополнительную агрессивность. Из-за инфляции молодые поколения раньше вынуждены вступать во взрослую жизнь, отказываясь от продолжения образования, взваливая на себя бремя заботы о семье и отказываясь от жизненных приоритетов и стратегий, которые могут быть более эмоционально близкими, но менее экономически надеж-

ными. Среди молодежи главенствующим компонентом становится приоритизация денег, в т.ч. и посредством революционного грабежа [Afrasiabi, Baharluoei 2021: 6-12; Al-Shammari, Willoughby 2019: 201].

Молодежь, в свою очередь, как правило, находится на острие любого революционного движения, что позволило современным политическим ученым сформулировать концепцию «молодежного бугра», согласно которой государствам со значительной долей молодежи в общей численности взрослого населения (т.е. государствам, находящимся в юношеской фазе возрастного структурного перехода) свойственен повышенный риск политического насилия и возникновения внутренних конфликтов, независимо от того, какие политические акторы являются их инициаторами (см., например: [Коротаев и др. 2011, 2012, 2021b; Choukri 1974; Goldstone 2002; Korytayev et al. 2014; Urdal 2006]). В то же время ожидается, что общества, переживающие устойчивое снижение рождаемости и завершившие демографический переход, менее подвержены вооруженной революционной дестабилизации [Устюжанин и др. 2022b, 2023a; Mungo, Zeisberger 2011; Shaheen 2015; Cincotta, Weber 2021]. Влияние фактора «молодежного бугра» на вероятность революционной дестабилизации становится тем более явным, чем выше экономическая депрессия, испытываемая молодежью. Соответственно, инфляция может стать катализатором молодежного (и в том числе революционного) протеста.

121

Помимо описанных выше путей, посредством которых обесценивание денег может оказывать влияние на политическую нестабильность, инфляция также возникает на фоне войн и иных масштабных потрясений, повышающих уязвимость государств к революциям [Sargent, Velde 1995: 480], обостряет отношения между политическими акторами на фоне феномена «распределительных битв» [Cohen, Linton 2010: 13-14], разрушает атмосферу доверия между индивидами [Widdig 2001: 224-225], создает застой в экономике из-за снижения инвестиций [Kirikkaleli, Yorgucu 2021: 183-184], разоряет малый бизнес и ликвидирует функции государственной валюты [Dias 2022: 90-91], способствует росту безработицы [Tokic 2022: 10] и т.д.

Инфляция является своеобразным барометром качества государственного управления. Чаще всего она встречается в политических системах, характеризующихся вмешательством политических акторов в деятельность регулирующих институтов (в первую очередь Центрального банка), произволом административных и политических элит, непрозрачностью при принятии решений, коррупцией и отсутствием должных каналов коммуникации между обществом и государством (например, регулярных и открытых выборов), кото-

рые помогали бы своевременно корректировать государственную политику. Дисфункция политической системы является одним из главных факторов как инфляции, так и революционной дестабилизации. В результате чем выше инфляция, тем более неэффективным в тенденции является государственный механизм, что, в свою очередь, представляет собой одну из наиболее частых причин разворачивания революционных процессов [Chiraz, Frioui 2014: 247–248].

Слабая институциональная структура способствует большей зависимости Центрального банка от волюнтаристских решений правящих элит или сиюминутных запросов и ожиданий общества, что также приводит к повышению инфляции. Независимый Центральный банк, в свою очередь, свойственен, как правило, стабильным демократическим режимам с робастной институциональной структурой и значительным запасом прочности политической системы, которая способна проводить долгосрочную политику даже перед лицом серьезных социальных потрясений, в том числе в вопросах снижения инфляционного давления [Aisen, Veiga 2008: 213; Özşahin, Üçler 2017]. Как следствие, высокая инфляция говорит нам о слабости Центрального банка, которая является показателем неэффективности всего государственного механизма, уязвимого к революционной активности [Tulio, Ronci 1996]. Инфляция в итоге является прокси-переменной, показывающей, помимо прочего, низкое качество государственных институтов, что представляет собой один из главнейших предикторов революционной дестабилизации [Медведев и др. 2022; Устюжанин, Коротаев 2022].

С другой стороны, экономическая теоретическая мысль на протяжении всей своей истории крайне неоднозначно оценивала инфляцию как показатель благосостояния/неблагосостояния общества (см., например: [Sarel 1996; Paul et al. 1997; Eggoh, Khan 2014]). Так, классические теории утверждают, что повышение инфляции снижает прибыли производителей товаров и услуг, а также препятствует их дальнейшему производству, нанося ущерб экономическому росту. Соответственно, это классическое рассуждение подразумевает, что инфляция наносит ущерб благосостоянию общества. В то же время кейнсианцы предлагают точку зрения, противоречащую классической точке зрения. Эта школа мысли продвигает идею о том, что уровень производства и доходов улучшается только за счет интервенционистской политики управления спросом, в частности экспансионистской фискальной политики, а значит, за счет более высокой инфляции, вызванной более высокими расходами. Аналогичным образом между инфляцией и экономическим ростом может устанавливаться устойчивая долгосрочная положительная взаимосвязь [Mandeya, Но 2022].

С другой стороны, существует точка зрения, согласно которой очень низкая инфляция может быть индикатором неблагоприятного положения дел в экономике (см., например: [Grinin, Korotayev 2018]), а умеренно высокая инфляция может стимулировать ее развитие. Например, рост цен может позволить компаниям получать больше прибыли и вкладывать ее в расширение производства и повышение заработных плат сотрудников. В результате цены растут в абсолютных, а не относительных показателях. Способствуя развитию экономики, заметные (но не зашкаливающе высокие) темпы инфляции могут не только не повышать риски революционной дестабилизации, но даже снижать их.

Анализируя показатели инфляции, таким образом, мы можем предположить, что из-за неоднозначности влияния инфляции на благосостояние общества и, соответственно, на вероятность разворачивания революционных процессов — в эмпирических расчетах можно не ожидать наличия статистически значимой положительной взаимосвязи между инфляцией и вероятностью начала невооруженных выступлений. Данные теоретические соображения приводят нас к формулированию следующей гипотезы:

123

H1: Инфляция сама по себе не является значимым предиктором начала революционных выступлений.

Влияние продовольственной инфляции на революционную активность. В то же время многими исследователями отдельно выделяется продовольственная инфляция как наиболее значимый предиктор разворачивания революционных процессов, т.к. продуктовая инфляция — гораздо более чувствительный макроэкономический показатель, усугубляющий многие общественные невзгоды, такие как бедность, протестные настроения, фрустрацию, экономические шоки и т.п. [Bezanson et al. 1951: 20–21, 318; Badar 2011; Al-Shammari, Willoughby 2019]. Так, признается, что влияние продуктовой инфляции на риски разворачивания революционных процессов является более «однозначным» и находит подтверждение в концепции «продуктовых бунтов» [Koren, Winescoff 2022: 1433].

Важным аспектом повышения вероятности разворачивания революционных процессов под влиянием продовольственной инфляции является тот факт, что она, как правило, бьет по наименее защищенным слоям населения — беднейшим социальным группам [White 1995: 241]. Это связано с тем, что покупательная способность индивидов сокращается, и они могут позволить себе все меньше и меньше товаров, теряя тем самым былой социальный статус.

Наиболее болезненно данное понижение уровня потребления бьет по самым обездоленным слоям населения (в особенности населения городского), которые особо высокий процент своих доходов тратят на приобретение продуктов питания [Bagus et al. 2014: 498–504; Dessus et al. 2008; Donaldson 1976; Kidane, Woldemichael 2020; Obiora et al. 2023].

Исходя из этого, лица с низкими и средними доходами обычно несут большее бремя повышения цен (в особенности на продукты питания), чем высшие классы. Представители элит имеют информационные и организационные ресурсы для ухода от налогов, грамотных инвестиций, вывода капитала и т. д. Неимущие слои населения под влиянием инфляции сталкиваются с тем, что их и без того низкие доходы снижаются вплоть до уровня крайней нищеты, из-за чего те, испытывая гнев и депривацию, пополняют радикальные политические группировки и течения [Gurr 2016]. Революционные партии и движения получают усиленную поддержку относительно обнищавших общественных масс, получают возможность и шанс диктовать свою политическую волю государству, а также увеличивают шансы воплощения успешной революции. Именно по такому сценарию прошло свержение Веймарской республики [Bresciani-Turgoni 2013].

Особенно интенсивно негативному воздействию продовольственной инфляции подвержены городские бедные слои [Headey, Nigvonen 2023]. Радикализация горожан в результате значительно усиливает революционную активность и способствует развитию центробежных тенденций в рамках уже свершившегося свержения предыдущего правительства, как это было во время Французской революции [White 1995: 243].

Повышение рисков революционной дестабилизации вследствие радикализации горожан, вызванной продовольственной инфляцией, связано с тем, что урбанизация облегчает координацию усилий для разворачивания политических протестов, поскольку высокая концентрация населения облегчает коммуникацию между лидерами протестов и недовольными социальными группами. Поскольку политические кампании и революции тем успешнее, чем больше индивидов принимает в них участие, подобные события должны чаще возникать там, где выше доля городского населения [Устюжанин и др. 2022с]. Тем самым радикализация горожан под влиянием продуктовой инфляции облегчает коллективные действия (такие как забастовки, акции протеста, выступления и т.п.), позволяя различным социальным группам преодолевать прежние барьеры на пути к эффективной политической координации [Устюжанин и др. 2022с; Gleditsch 2007; Butcher, Svensson 2016; Chenoweth, Ulfelder 2017; Gleditsch, Rivera 2017].

Тем самым на основе вышесказанного мы можем утверждать, что продуктовая инфляция является более надежным предиктором революционных процессов, что позволяет нам сформулировать еще одну гипотезу:

H2: Высокая продовольственная инфляция является статистически значимым предиктором повышенной вероятности начала революционных выступлений.

Отметим, что к настоящему времени влияние продовольственной инфляции было выявлено применительно к вероятности начала городских протестов в развивающихся странах [Hendrix, Haggard 2015]. Предварительно выявить продовольственную инфляцию в качестве значимого фактора революционной дестабилизации удалось при помощи методов машинного обучения [Медведев, Коротаев 2021; Медведев и др. 2022]. При помощи регрессионного анализа было показано, что продовольственная инфляция является значимым фактором революционной дестабилизации для афразийской макрозоны нестабильности (см.: [Устюжанин, Коротаев 2022], об афразийской макрозоне нестабильности см.: [Коротаев и др. 2015, 2021a; Kogotayev et al. 2016; Medvedev et al. 2022]). В данной работе при помощи бинарного логистического регрессионного анализа мы проверим, является ли продовольственная инфляция статистически значимым фактором революционной дестабилизации и на глобальном уровне.

125

Количественный анализ влияния инфляции на вероятность революционной дестабилизации

Дизайн исследования. Авторы данной статьи предлагают следующий дизайн исследования — использование логистической регрессии для редких событий (*Rare Events Logistic Regression* [Firth 1993]), где зависимая переменная — начало революционного эпизода в стране (на панельных данных), а предиктор — уровень инфляции за год перед этим. Указанный подход позволяет выполнять статистические расчеты по таким зависимым переменным, как революционные выступления, которые происходят крайне редко, из-за чего суммарная выборка на панельных данных существенно смещается, так как в большинстве наблюдений революционных ситуаций не наблюдается [Kosmidis, Firth 2021].

Отметим, что мы опираемся на следующие определения революций: «революция — это коллективная мобилизация, направленная на быстрое и насильственное свержение действующего режима с целью трансформации политических, экономических

и символических отношений» [Lawson 2019: 5]; «революция — антиправительственные (очень часто противозаконные) массовые акции (массовая мобилизация) с целью: (1) свержения или замены в течение определенного времени существующего правительства; (2) захвата власти или обеспечения условий для прихода к власти определенных сил; (3) существенного изменения режима, социальных или политических институтов» [Голдстоун и др. 2022: 109]; или революция — это «попытка преобразовать политические институты и дать новое обоснование политической власти в обществе, сопровождаемая формальной или неформальной мобилизацией масс и такими неинституционализированными действиями, которые подрывают существующую власть» [Голдстоун 2006: 61].

Отметим, что ни одно из этих определений не предполагает, что все революции должны быть обязательно вооруженными или насильственными (более того, выясняется, что подавляющее большинство революционных эпизодов в XXI веке были невооруженными [Голдстоун и др. 2023; Beissinger 2022]); не предполагается, и что революции должны быть обязательно победоносными (более того, все подсчеты показывают, что число неудачных революционных выступлений значительно превышает число победоносных революций [Beissinger 2022; Chenoweth, Shay 2022]).

Для анализа мы используем информацию, предоставляемую базой данных *Nonviolent and Violent Campaigns and Outcomes* (NAVCO) 1.3 [Chenoweth, Shay 2020], которая идентифицирует 622 революционных выступления/«кампании», происходивших с 1900 по 2019 год¹. Она описывает революционные выступления

1 Отметим, что Э. Ченовет предпочитает называть невооруженные революционные выступления «ненасильственными максималистскими кампаниями». При этом, вслед за П. Акерманом и К. Крюглером [Ackerman, Krueger 1993], Э. Ченовет и М. Стивен определяют «кампанию» как «серию наблюдаемых, непрерывных, целенаправленных массовых тактик в преследовании политической цели» [Chenoweth, Stephan 2011: 14]. Более того, в базу данных NAVCO включены кампании «с целями, которые воспринимаются как максималистские [фундаментальное изменение политического порядка]; ...мы намеренно выбираем только кампании с целями, которые воспринимаются как максималистские по своей природе: смена режима или национальное самоопределение» [Chenoweth, Stephan 2011: 68]. Таким образом, в вышеупомянутых работах изучаются «серии наблюдаемых, непрерывных, целенаправленных массовых тактик, преследующих фундаментальные изменения политического порядка: смену режима или национальное самоопределение». Нетрудно видеть, что данное определение практически идентично вы-

по целям, продолжительности, успеху или неудачи, методам — вооруженным и невооруженным. Соответственно, зависимая переменная «начало революционного выступления» обозначается как «1», если в стране в соответствующий год началось революционное выступление, и как «0» — если нет. Дополнительная кросс-валидация проводилась по нашей собственной базе данных революционных событий [Коротаев и др. 2022; Голдстоун и др. 2023; Grinin et al. 2022; Korotayev et al. 2024] и UCDP Dyadic Dataset [Устюжанин, Коротаев 2022].

В качестве независимой переменной авторы используют уровень инфляции, операционализированный через годовой уровень инфляции V-DEM (*annual inflation rate*), рассчитываемый через динамику CPI (*Consumer Price Index*). CPI определяется через изменение цен на корзину товаров и услуг, которые обычно покупаются определенными группами домохозяйств. Данные представлены по годам Международным валютным фондом [IMF 2024], недостающие значения заполнены данными V-Dem [V-Dem Institute 2024]. В качестве второй независимой переменной мы также используем уровень продуктовой инфляции, выражающейся в ценах на еду и неалкогольные напитки (*Food and non-alcoholic beverages*), предоставляемых Международным валютным фондом [IMF 2024].

127

Отметим, что данные по продовольственной инфляции имеются за очень ограниченное число лет. В связи с этим мы не смогли провести раздельное исследование влияния продуктовой инфляции на риски вооруженной и невооруженной революционной дестабилизации, так как при подобном разделении размеры выборки падали ниже критического уровня (в особенности это относится к выборке вооруженных революционных эпизодов). Это вызывает большое сожаление, так как в рамках пятого поколения теорий революции было достаточно убедительно показано, что для вооруженных и невооруженных революционных событий характерны существенно разные факторы, структура и послед-

шеприведенным определениям революции Дж. Лоусона, Дж. Голдстоуна и др., на которые мы опираемся в настоящей работе. Сопоставление этих определений показывает, что «максималистские кампании» — это не что иное, как революции (в том числе национально-освободительные). В пользу этого говорит и тот факт, что в базе данных Э. Ченовет NAVCO: Nonviolent and Violent Campaigns and Outcomes «кампаниями» названы все бесспорные революции с 1900 года — включая российские революции 1905–1907 и 1917 годов, Конституционную революцию в Иране, Синьхайскую революцию в Китае, Мексиканскую революцию 1910–1917 годов и так далее [Chenoweth, Shay 2020].

ствия (см., например: [Жданов, Коротаев 2022; Коротаев, Жданов 2023a, 2023b; Устюжанин, Коротаев 2022a; Устюжанин и др. 2022a, 2023b, 2023c, 2023d; Butcher, Svensson 2016; Celestino, Gleditsch 2013; Ustyuzhanin, Korotayev 2023a, 2023b]).

Отметим также, что для получения более надежных результатов авторы добавляют контрольные переменные: ВВП на душу населения [World Bank 2024], натуральный логарифм численности населения, «молодежный бугор» — долю людей в возрасте от 15 до 29 лет в общей численности взрослого населения¹, урбанизацию, операционализированную как доля городского населения², уровень образования как среднее число лет обучения³, уровень демократии, измеренный на основе данных Polity5, и его квадратичный эффект [Polity5 2024] с лагом в один год, т.к. при демократической революции наблюдается значительная режимная динамика. Особенно важной контрольной переменной при изучении влияния инфляции является рост ВВП в процентном соотношении, который авторы также берут с лагом в один год из-за того, что в год революции практически всегда фиксируется падение экономики.

128

Кроме того, как говорилось выше, в научной литературе существует проблема обратной зависимости (*reverse causality*) между инфляцией и революцией. Например, иногда всплески инфляции случаются после уже свершившейся революции. Именно поэтому, для получения более надежного результата, авторы берут показатели инфляции с лагом (то есть за предыдущий год) при оценке ее влияния на революционную дестабилизацию. Также ряд зависимых переменных предварительно логарифмируется.

Результаты тестирования

Результаты логистической регрессии представлены ниже в таблице 1:

- 1 Рассчитано по: United Nations Population Division (2024) *Revision of World Population Prospects Database*. New York, NY: United Nations. Available at: <https://population.un.org/wpp/> (дата доступа: 23.05.2024)
- 2 United Nations Population Division (2023) *World Urbanization Prospects Database*. New York, NY: United Nations. Available at: <https://population.un.org/wup/> (дата доступа: 23.12.2023)
- 3 UNDP (2024) Human Development Reports. Available at: <http://hdr.undp.org/en/content/gender-inequality-index-gii> (дата доступа: 23.05.2024)

Таблица 1. Влияние инфляции на вероятность начала вооруженных революционных выступлений (логистическая регрессия для редких событий)

Table 1. The impact of inflation on the probability of the start of unarmed revolutionary uprisings (Rare Event Logistic Regression)

Rare Event Logistic Regression model		
	Революция	
Intercept	-5.96 (4.63)	-0.34 (5.45)
$\ln(\text{Инфляция})_{t-1}$	-0.16 (0.14)	
$\ln(\text{Продуктовая инфляция})_{t-1}$		0.01** (0.00)
$\ln(\text{ВВП на душу населения})$	-0.92 (0.59)	-0.27 (0.74)
$\ln(\text{Рост ВВП (\%)}_{t-1})$	-0.78*** (0.14)	-0.54** (0.21)
$\ln(\text{население})$	1.42*** (0.17)	0.89* (0.38)
Доля молодёжи	-11.64 (11.10)	-31.61* (15.20)
Урбанизация	-0.03 (0.03)	-0.01 (0.03)
Уровень образования	0.15 (0.13)	-0.11 (0.24)
Polity V_{t-1}	0.02 (0.06)	0.11 (0.15)
Polity V^2_{t-1}	-0.07*** (0.01)	-0.14*** (0.03)
AIC	1867.18	584.44
BIC	1933.14	640.17
Log Likelihood	-923.59	-282.22
Deviance	1847.18	564.44
Num. obs.	5410	1945
*** $p < 0.001$; ** $p < 0.01$; * $p < 0.05$		

Анализируя представленные расчеты, мы можем заключить, что инфляция сама по себе не является статистически значимым предиктором революционной дестабилизации. Данный факт свя-

зан с тем, что разные аспекты влияния инфляции на социально-политическую нестабильность накладываются друг на друга, что не позволяет судить об однозначно положительном или однозначно отрицательном влиянии инфляции на вероятность революционной дестабилизации. Так, с одной стороны, гиперинфляция (т.е. чрезмерно высокие показатели инфляции), действительно, может спровоцировать масштабные протестные акции, вызванные обнищанием населения и общим состоянием экономики, однако, с другой стороны, точно такая же социальная напряженность может сопровождать зашкаливающую дефляцию, т.к. масштабная дефляция является почти столь же губительной для благосостояния населения, как и гиперинфляция. Одновременно, как говорилось выше, умеренный рост инфляции благотворно влияет на экономику и тем самым является своего рода социально-политическим амортизатором.

По всей видимости, в результате наложения положительно влияющей на революционную активность высокой инфляции, снижающей вероятность революции умеренной инфляции, и вновь повышающих революционную активность отрицательных значений инфляции мы и наблюдаем полученную статистически незначимую отрицательную корреляцию между инфляцией и вероятностью начала революционных выступлений. Логично предположить, что влияние инфляционного давления на революционную дестабилизацию описывается достаточно сложной криволинейной зависимостью, однако это тема для будущих исследований.

Что касается влияния продуктовой инфляции на вероятность начала революционных выступлений — мы можем зафиксировать явно выраженную положительную статистически значимую зависимость. Данный факт объясняется, с одной стороны, особенной чувствительностью широких слоев населения к колебанию цен на продукты питания, а с другой, перераспределением благ из города в сельскую местность, которое происходит при росте цен на сельскохозяйственную продукцию, что приводит к размыванию городского среднего класса и его дальнейшей радикализации.

Выводы

Таким образом, мы можем заключить, что инфляция сама по себе является слабым предиктором революционной дестабилизации из-за неоднозначности воздействия разных «уровней» инфляции на благосостояние общества: сверхвысокая и отрицательная инфляция оказывают негативное воздействие на экономику, а умеренные показатели инфляции, наоборот, служат дополнительным стимулом ее развития. Тем самым, возможно, взаимосвязь инфляции

и революции носит достаточно сложный криволинейный характер, что является предметом будущих исследований. Однако что касается продуктовой инфляции, мы можем зафиксировать выраженную статистически значимую положительную зависимость — чем выше продуктовая инфляция, тем вероятнее разворачивание процессов революционной дестабилизации. Данный вывод подтверждает чувствительность общества к колебаниям цен на продовольствие и дает дополнительное подтверждение постулату о радикализации городских работников как одного из важнейших драйверов современных революций под влиянием продовольственной инфляции.

Отметим, что в дальнейшем, с накоплением данных по продовольственной инфляции крайне важным представляется провести раздельный анализ влияния этого типа инфляции на вероятность начала вооруженных и невооруженных революционных выступлений.

В заключение отметим, что, как уже упоминалось выше, продовольственная инфляция особенно сильно бьет по слоям с низкими доходами, поэтому она оказывается наиболее мощным дестабилизирующим фактором в наименее экономически развитых странах, а в региональном плане наиболее сильное дестабилизирующее влияние продовольственная инфляция может оказывать на страны Африки, в особенности на бедные городские слои этого континента (см., например: [Медведев и др. 2022; Устюжанин, Коротаев 2022b; Dessus et al. 2008; Donaldson 1976; Kidane, Woldemichael 2020; Obiora et al. 2023]), ведя к самым сильным политическим потрясениям.

131

Библиография / References

Голдстоун Д. (2006) К теории революции четвертого поколения, *Логос*, (5): 58–103. EDN: VOZILZ.

— Goldstone J. (2006) Towards a Fourth Generation of Revolutionary Theory, *Logos*, (5): 58–103. — in Russ.

Голдстоун Дж.А., Гринин Л.Е., Коротаев А.В. (2022) Волны революций XXI столетия. *Полис. Политические исследования*, (4): 108–119. EDN: DVNOBB. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.04.09>

— Goldstone J. A., Grinin L., Korotayev A. (2022) Waves of revolutions in the 21st century. *Polis. Political Studies*, (4): 108–119. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.04.09>

Голдстоун Дж. А., Гринин Л. Е., Устюжанин В. В., Коротаев А. В. (2023) Революционные события XXI века: предварительный количественный анализ. *Полис. Политические исследования*, (4): 54–71. EDN: FSMFMK. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.04.05>

— Goldstone J. A., Grinin L. E., Ustyuzhanin V. V., Korotayev A. V. (2023) Revolu-

tionary events of the 21st century: a preliminary quantitative analysis. *Polis. Political Studies*, (4): 54–71. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.04.05>

Жданов А. И., Коротаев А. В. (2022) Выборы, тип режима и риски революционной дестабилизации: опыт количественного анализа. *Социология власти*, 34 (3-4): 102–127. EDN: XGKJCL. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2022-4-102-127> — in Russ.

— Zhdanov A. I., Korotayev A. V. (2022) Elections, regime type and risks of revolutionary destabilization: quantitative experience. *Sociology of Power*, 34 (3-4): 102–127. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2022-4-102-127> — in Russ.

Коротаев А. В., Жданов А. И. (2023) Количественный анализ политических факторов революционной дестабилизации. Опыт систематического обзора. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики)*, (3): 149–171. EDN: NAZUCB. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2023-110-3-149-171>

— Korotayev A. V., Zhdanov A. I. (2023) Quantitative analysis of political factors of revolutionary destabilization. A systematic review. *The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia*, (3): 149–171. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2023-110-3-149-171> — in Russ.

Коротаев А. В., Жданов А. И. (2023) Количественный анализ экономических факторов революционной дестабилизации: результаты и перспективы. *Социология власти*, 35 (1): 118–159. EDN: VKRMWA. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2023-1-118-159>

— Korotayev A. V., Zhdanov A. I. (2023) A Quantitative Analysis of Economic Factors of Revolutionary Destabilization: Results and Prospects. *Sociology of Power*, 35 (1): 118–159. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2023-1-118-159> — in Russ.

Коротаев А. В., Божевольнов Ю. В., Гринин Л. Е., Зинькина Ю. В., Малков С. Ю. (2011) Ловушка на выходе из ловушки. Логические и математические модели. А. А. Акаев (ред.) *Проекты и риски будущего*. М.: Красанд/URSS: 138–164. EDN: RYSZNR

— Korotayev A. V., Bozhevolnov Y. V., Grinin L. E., Zinkina J. V., Malkov S. Y. (2011) A trap at the exit of a trap. Logical and mathematical models. A. A. Akaev (ed.) *Proekty i riski budushchego* [Future projects and risks]. Moscow: Krasand/URSS: 138–164. — in Russ.

Коротаев А. В., Малков А. С., Бурова А. Н., Зинькина Ю. В., Ходунов А. С. (2012) Ловушка на выходе из ловушки. Математическое моделирование социально-политической дестабилизации в странах мир-системной периферии и события «арабской весны» 2011 г. *Моделирование и прогнозирование глобального, регионального и национального развития*. А. А. Акаев (ред.). М.: Либроком/URSS: 210–276. EDN: REFLM

— Korotayev A. V., Malkov A. S., Burova A. N., Zinkina J. V., Khodunov A. C. (2012) A trap at the exit of a trap. Mathematical modeling of socio-political destabilization in countries of the world-system periphery and the events of the “Arab Spring” of 2011. *Modelirovanie i prognozirovaniye global'nogo, regional'nogo i nacional'nogo razvitiya* [Modeling and forecasting of global, regional and national development]. A. A. Akaev (ed.). Moscow: Librokom/URSS: 210–276. — in Russ.

Коротаев А. В., Исаев Л. М., Руденко М. А. (2015) Формирование афразийской зоны

нестабильности. *Восток. Афро-Азиатские общества: История и современность*, (2): 88–99. EDN: TQKXQP

— Korotayev A. V., Isayev L. M., Rudenko M. A. (2015) Formation of The Afrasian Zone of Instability. *Vostok (Oriens)*, (2): 88–99. — in Russ.

Коротаев А. В., Гринин Л. Е., Малков С. Ю., Исаев Л. М., Филин Н. А., Билюга С. Э., Зинькина Ю. В., Слинько Е. В., Шишкина А. Р., Шульгин С. Г., Мещерина К. В., Айсин М. Б., Иванов Е. А., Кокликов В. О., Медведев И. А., Романов Д. М., Слав М., Сойер П. (2021) *Социально-политическая дестабилизация в странах афразийской макрзоны нестабильности: количественный анализ и прогнозирование рисков*. М.: Ленанд/URSS. EDN: MUAQCE

— Korotayev A. V., Grinin L. E., Malkov S. Yu., Issaev L. M., Filin N. A., Bilyuga S. E., Zinkina J. V., Slinko E. V., Shishkina A. R., Shulgina S. G., Meshcherina K. V., Ajsin M. B., Ivanov E. A., Koklikov V. O., Medvedev I. A., Romanov D. M., Slav M., Sawyer P. (2021) *Social'no-politicheskaya destabilizatsiya v stranah afrazijskoj makrozony nestabil'nosti: kolichestvennyj analiz i prognozirovaniye riskov* [Socio-political destabilization in the countries of the Afro-Asian macrozone of instability: quantitative analysis and risk forecasting]. М.: Lenand. — in Russ.

Коротаев А., Со́йер П., Гладышев М., Романов Д., Шишкина А. (2021) О некоторых социально-демографических факторах интенсивности антиправительственных демонстраций: доля молодежи в населении, урбанизация и протесты. *Социологическое обозрение*, 20 (3): 98–128. EDN: WAXWYS. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2021-3-98-128>

— Korotayev A., Sawyer P., Gladyshev M., Romanov D., Shishkina A. (2021) Some Sociodemographic Factors of the Intensity of Anti-Government Demonstrations: Youth Bulges, Urbanization, and Protests. *Russian Sociological Review*, 20(3): 98–128. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2021-3-98-128> — in Russ.

Коротаев А. В., Гринин Л. Е., Медведев И. А., Слав М. (2022) Типы политических режимов и риски революционной дестабилизации в XXI веке. *Социологическое обозрение*, 21 (2): 9–65. EDN: OBXNAC. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2022-2-9-65>

— Korotayev A. V., Grinin L. E., Medvedev I. A., Slav M. (2022) Political Regime Types and Revolutionary Destabilization Risks in the Twenty-First Century. *Russian Sociological Review*, 21 (2): 9–65. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2022-2-9-65> — in Russ.

Медведев И. А., Коротаев А. В. (2021) Структурные факторы мирной и вооруженной революционной смены власти: опыт анализа методами машинного обучения. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*, 12: 145–189. EDN: AJZUGC

— Medvedev I. A., Korotayev A. V. (2021) Structural factors of peaceful and armed revolutionary change of power: experience of analysis using machine learning methods. *Sistemnyj monitoring globalnyh i regionalnyh riskov* [System monitoring of global and regional risks], 12: 145–189 — in Russ.

Медведев И. А., Устюжанин В. В., Жданов А. И., Коротаев А. В. (2022) Применение методов машинного обучения для ранжирования факторов и прогнозирования

невооруженной и вооруженной революционной дестабилизации в афразийской макроне нестабильности. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*, 13: 131–210. EDN: KMPHKO. https://doi.org/10.30884/978-5-7057-6184-5_06

— Medvedev I. A., Ustyuzhanin V. V., Zhdanov A. I., Korotayev A. V. (2022). Application of machine learning methods to rank factors and predict unarmed and armed revolutionary destabilization in the Afrasian macrozone of instability. *Sistemnyi Monitoring Globalnyh i Regionalnyh Riskov = Systemic Monitoring of Global and Regional Risks*, 13: 131–210. https://doi.org/10.30884/978-5-7057-6184-5_06 — in Russ.

Устюжанин В. В., Коротаев А. В. (2022) Революции и демократия. Почему революционные выступления принимают вооруженную или невооруженную форму? *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, (66): 98–210. EDN: RRJPJE. <https://doi.org/10.17223/1998863X/66/18>

— Ustyuzhanin V. V., Korotayev A. V. (2022) Revolutions and democracy. Why do revolutions take armed or unarmed form? *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, (66): 98–210. <https://doi.org/10.17223/1998863X/66/18> — in Russ.

Устюжанин В. В., Коротаев А. В. (2022) Регрессионное моделирование вооруженной и невооруженной революционной дестабилизации в афразийской макроне нестабильности. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*, 13: 211–244. EDN: ADTXLI. https://doi.org/10.30884/978-5-7057-6184-5_07

— Ustyuzhanin V. V., Korotayev A. V. (2022) Regression modeling of armed and unarmed revolutionary destabilization in the Afrasian macrozone of instability. *Sistemnyi Monitoring Globalnyh i Regionalnyh Riskov = Systemic Monitoring of Global and Regional Risks*, 13, 211–244. https://doi.org/10.30884/978-5-7057-6184-5_07 — in Russ.

Устюжанин В. В., Гринин Л. Е., Медведев И. А., Коротаев А. В. (2022) Образование и революции. (Почему революционные выступления принимают вооруженную или невооруженную форму?) *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики)*, (1): 50–71. EDN: TIZIXP. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2022-104-1-50-71>

— Ustyuzhanin V. V., Grinin L. E., Medvedev I. A., Korotayev A. V. (2022) Education and revolutions. Why do some revolutions take up arms while others do not? *The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia*, (1): 50–71. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2022-104-1-50-71> — in Russ.

Устюжанин В. В., Жодзишская П. А., Коротаев А. В. (2022) Демографические факторы как предикторы революционных ситуаций: опыт количественного анализа. *Социологический журнал*, 28 (4): 34–59. EDN: VEVEEC. <https://doi.org/10.19181/socjour.2022.28.4.9314>

— Ustyuzhanin V. V., Zhodzishskaya P. A., Korotayev A. V. (2022) Demographic Factors as Predictors of Revolutionary Situations: Experience in Quantitative Analysis. *Sotsiologicheskii Zhurnal*, 28 (4): 34–59. <https://doi.org/10.19181/socjour.2022.28.4.9314> — in Russ.

Устюжанин В. В., Сумерников И. А., Гринин Л. Е., Коротаев А. В. (2022) Урбанизация и революции: количественный анализ. *Социологические исследования*, (10): 85–95. EDN: WSMVJE. <https://doi.org/10.31857/S013216250018478-8>

- Ustyuzhanin V. V., Sumernikov E. A., Grinin L. E., Korotayev A. V. (2022) Urbanization and Revolutions: a Quantitative Analysis. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (10): 85–95. <https://doi.org/10.31857/S013216250018478-8> — in Russ.
- Устюжанин В.В., Зинькина Ю.В., Коротаев А.В. (2023) Опасная молодежь: почему в массовых политических выступлениях (не) применяют оружие? *Социологические исследования*, (5): 82–96. EDN: RMDVOT. <https://doi.org/10.31857/S013216250025805-8>
- Ustyuzhanin V. V., Zinkina J. V., Korotayev A. V. (2023) Dangerous youth: why do political uprisings take an unarmed form? *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (5): 82–96. <https://doi.org/10.31857/S013216250025805-8> — in Russ.
- Устюжанин В.В., Костин М.С., Гринин Л.Е., Коротаев А.В. (2023) Коррупция и революционная дестабилизация: опыт количественного анализа. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 26(3): 53–99. EDN: YTNMDC. <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.3.3>
- Ustyuzhanin V., Kostin M., Grinin L., Korotayev A. (2023) Corruption and revolutionary destabilization: quantitative research experience. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii [The Journal of Sociology and Social Anthropology]*, 26(3): 53–99. <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.3.3> — in Russ.
- Устюжанин В.В., Михеева В.А., Сумерников И.А., Коротаев А.В. (2023) Экономические истоки революций: связь между ВВП и риском революционных выступлений. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики)*, (1): 64–87. EDN: VRPOBO. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2023-108-1-64-87>
- Ustyuzhanin V., Mikhееva V., Sumernikov E., Korotayev A. (2023) Economic Origins of Revolutions: the link between GDP and revolutionary risks. *The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia*, (1): 64–87. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2023-108-1-64-87> — in Russ.
- Устюжанин В.В., Степанищева Я.В., Галлямова А.А., Гринин Л.Е., Коротаев А.В. (2023) Образование и риски революционной дестабилизации: опыт количественного анализа. *Социологическое обозрение*, 22 (1): 98–128. EDN: WSZVDJ. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2023-1-98-128>
- Ustyuzhanin V. V., Stepanishcheva Ya.V., Galliamova A. A., Grinin L. E., Korotayev A. V. (2023) Education and Revolutionary Destabilization Risks: A Quantitative Analysis. *Russian Sociological Review*, 22 (1): 98–128. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2023-1-98-128> — in Russ.
- Abdelhamid M., Farjallah N., Guetat I. (2016) Economic growth, government size and political instability. *International Journal of Economics & Strategic Management of Business Process (ESMB)*, 6(2): 19–31.
- Ackerman P., Kruegler C. (1993) *Strategic nonviolent conflict: The dynamics of people power in the twentieth century*. Westport, CT: Praeger.
- Afrasiabi H., Baharluoei M. (2021) The Consequences of the Inflation in Everyday Life of Low Class Youths. *Journal of Applied Sociology*, 31(4): 23–44.
- Aisen A., Veiga F. J. (2006) Does Political Instability Lead to Higher Inflation? A Panel Data Analysis. *Journal of Money, Credit, and Banking*, 38(5): 1379–1389. <https://doi.org/10.1111/j.1537-7047.2006.00500.x>

org/10.1353/mcb.2006.0064

Aisen A., Veiga F. J. (2008) Political instability and inflation volatility. *Public Choice*, 135(3-4): 207-223. <https://doi.org/10.1007/s11127-007-9254-x>

Al-Shammari N., & Willoughby J. (2017). Determinants of political instability across Arab Spring countries. *Mediterranean Politics*, 24(2), 196-217. <https://doi.org/10.1080/13629395.2017.1389349>

Badar A. I. (2011) Global food inflation: emerging trends. *Continental Journal of Food Science and Technology*, 5(1): 31-36.

Bagus P., Howden D., Gabriel A. (2014) Causes and Consequences of Inflation. *Business and Society Review*, 119(4): 497-517. <https://doi.org/10.1111/basr.12043>

Bahmani-Oskooee M. (1995). Source of Inflation in Post-Revolutionary Iran. *International Economic Journal*, 9(2), 61-72. <https://doi.org/10.1080/10168739500000012>

Beissinger M. R. (2022). *The Revolutionary City: Urbanization and the Global Transformation of Rebellion*. Princeton University Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctv2175r9q>

Berlemaun M., Markwardt G. (2007) Unemployment and Inflation Consequences of Unexpected Election Results. *Journal of Money, Credit and Banking*, 39(8): 1919-1945. <https://doi.org/10.1111/j.1538-4616.2007.00093.x>

Besançon M. L. (2005) Relative Resources: Inequality in Ethnic Wars, Revolutions, and Genocides. *Journal of Peace Research*, 42(4): 393-415. <http://dx.doi.org/10.1177/0022343305054086>

Bezanson A. (1951) *Prices and Inflation During the American Revolution, Pennsylvania, 1770-1790*. Philadelphia, PA: University of Pennsylvania Press.

Bresciani-Turroni C. (2013) *The Economics of Inflation*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203709634>

Butcher C., & Svensson I. (2016). Manufacturing Dissent: Modernization and the Onset of Major Nonviolent Resistance Campaigns. *Journal of Conflict Resolution*, 60(2), 311-339. <https://doi.org/10.1177/0022002714541843>

Cáardenas E., Manns C. (1987) Inflation and monetary stabilization in Mexico during the revolution. *Journal of Development Economics*, 27(1-2): 375-394. [https://doi.org/10.1016/0304-3878\(87\)90023-X](https://doi.org/10.1016/0304-3878(87)90023-X)

Celestino M. R., & Gleditsch K. S. (2013). Fresh carnations or all thorn, no rose? Non-violent campaigns and transitions in autocracies. *Journal of Peace Research*, 50(3), 385-400. <https://doi.org/10.1177/0022343312469979>

Chenoweth E., Shay C. W. (2020) *List of Campaigns in NAVCO 1.3*. Cambridge, MA: Harvard Dataverse. <https://doi.org/10.7910/DVN/ON9XND>

Chenoweth E., & Shay C. W. (2022). Updating nonviolent campaigns: Introducing NAVCO 2.1. *Journal of Peace Research*, 59(6), 876-889. <https://doi.org/10.1177/00223433221092938>

Chenoweth E., Stephan M. J. (2011). *Why civil resistance works: The strategic logic of non-violent conflict*. New York, NY: Columbia University Press.

Chenoweth E., & Ulfelder J. (2017). Can Structural Conditions Explain the Onset of Nonviolent Uprisings? *Journal of Conflict Resolution*, 61(2), 298-324. <https://doi.org/10.1177/0022002715576574>

- Chiraz R., Frioui M. (2014) The Impact of Inflation After the Revolution in Tunisia. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*, 109: 24.6–249. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2013.12.453>
- Choucri N. (1974) *Population dynamics and international violence: Propositions, insights, and evidence*. London: Lexington Books.
- Cincotta R., Weber H. (2021) Youthful Age Structures and the Risks of Revolutionary and Separatist Conflicts. *Global Political Demography* / A. Goerres, P. Vanhuysse (eds.) New York: Palgrave Macmillan: 57–92. https://doi.org/10.1007/978-3-030-73065-9_3
- Cohen J., Linton A. (2010) The historical relationship between inflation and political rebellion, and what it might teach us about neoliberalism. *MPRA*, 22522: 1–42. <http://mpra.ub.uni-muenchen.de/22522/>
- Dessus S., Herrera S., De Hoyos R. (2008) The impact of food inflation on urban poverty and its monetary cost: some back of the envelope calculations. *Agricultural Economics*, 39 (s1): 417–429. <https://doi.org/10.1111/j.1574-0862.2008.00348.x>
- Dias M. (2022) A inflação : causas, consequências e políticas. *Lusiada. Economia & Empresa*, 33: 85–96. <https://doi.org/10.34628/3779-ah33>
- Donaldson L. (1976) The Differential Impact of Food Inflation upon the Poor. *American Journal of Agricultural Economics*, 58(1): 71–75. <https://doi.org/10.2307/1238579>
- Eggoh J. C., Khan M. (2014) On the nonlinear relationship between inflation and economic growth. *Research in Economics*, 68(2): 133–143. <http://dx.doi.org/10.1016/j.rie.2014.01.001>
- Emery T. J., Kovac M., Spruk R. (2023) Estimating the Effects of Political Instability in Nascent Democracies. *Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik*, 243(6): 599–642. <https://doi.org/10.1515/jbnst-2022-0074>
- Ferguson N., Granville B. “Weimar on the Volga”: Causes and Consequences of Inflation in 1990s Russia Compared with 1920s Germany. *The Journal of Economic History*. 2000;60(4):1061–1087. <https://doi.org/10.1017/S0022050700026371>
- Firth D. (1993) Bias reduction of maximum likelihood estimates. *Biometrika*, 80(1): 27–38. <https://doi.org/10.1093/biomet/80.1.27>
- Gasiorowski M. J. (1998) Macroeconomic conditions and political instability: An empirical analysis. *Studies in Comparative International Development*, 33: 3–17. <https://doi.org/10.1007/BF02687489>
- Ghanayem A., Downing G., Sawalha M. (2023) The impact of political instability on inflation volatility: The case of the Middle East and North Africa region. *Cogent Economics & Finance*, 11(1): 1–32. <https://doi.org/10.1080/23322039.2023.2213016>
- Gleditsch K. S. (2007) Transnational Dimensions of Civil War. *Journal of Peace Research*, 44(3): 293–309. <https://doi.org/10.1177/0022343307076637>
- Gleditsch K. S., Rivera M. (2017) The Diffusion of Nonviolent Campaigns. *Journal of Conflict Resolution*, 61(5): 1120–1145. <https://doi.org/10.1177/0022002715603101>
- Goldstone J. A. (2002) Population and security: How demographic change can lead to violent conflict. *Journal of international affairs*, 56 (1): 3–21.
- Goldstone J. A. (2014) *Revolutions: a very short introduction*. Oxford: Oxford University Press.

Grammy A. (2013). The Inflation-Unemployment Trade-Off Under Stagflationary Conditions: The Case of Post-Revolution Iran. *Review of Middle East Economics and Finance*, 9(1), 37-50. <https://doi.org/10.1515/rmeef-2012-0045>

Grinin L., Grinin A., Korotayev A. (2022) 20th century revolutions: characteristics, types, and waves. *Humanities and Social Sciences Communications*, 9(1): 1-13. <https://doi.org/10.1057/s41599-022-01120-9>

Grinin L. E., Korotayev A. V. (2017). The Future of the Global Economy in the Light of Inflationary and Deflationary Trends and Long Cycles Theory. *World Futures*, 74(2), 84-103. <https://doi.org/10.1080/02604027.2017.1357934>

Grinin L., Korotayev A. (2022). The Arab Spring: Causes, Conditions, and Driving Forces. In: Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. (eds) *Handbook of Revolutions in the 21st Century. Societies and Political Orders in Transition*. Springer, Cham: 595-624 https://doi.org/10.1007/978-3-030-86468-2_23

Gurr T. R. (2016) *Why men rebel*. London: Routledge.

Headey D., Hirvonen K. (2023) Higher food prices can reduce poverty and stimulate growth in food production. *Nature Food*, 4(8): 699-706. <https://doi.org/10.1038/s43016-023-00816-8>

Hendrix C. S., Haggard S. (2015) Global food prices, regime type, and urban unrest in the developing world. *Journal of Peace Research*, 52(2), 143-157. <https://doi.org/10.1177/0022343314561599>

IMF (2024) IMF Data: Access to macroeconomic & financial data. Available at: <https://data.imf.org/> (Accessed: 15 January 2024).

Jannils L. (2021) The concept of political instability in economic research. *International Journal of Management and Economics*, 57(3): 268-284. <https://doi.org/10.2478/ijme-2021-0016>

Keller F. (2012) (Why) Do Revolutions Spread? Paper presented at the Annual Meeting of the American Political Science Association. August 2012. Available at: https://www.researchgate.net/publication/275954363_Why_Do_Revolutions_Spread. <http://dx.doi.org/10.13140/RG.2.1.1526.9284>

Kidane D., Woldemichael A. (2020) Does inflation kill? Exposure to food inflation and child mortality. *Food Policy*, 92, 101838. <http://dx.doi.org/10.1016/j.foodpol.2020.101838>

Kirikaleli D., Yorucu V. (2021) Nexus between Economic Stability and Political Stability in China and Japan. *Economic Research Guardian*, 11(2): 182-183.

Koren O., Winecoff W. K. (2022) U.S. Federal Reserve Policies can cause Political instability by raising bread prices. *Food Security*, 14(6): 1431-1434. <https://doi.org/10.1007/s12571-022-01300-0>

Korotayev A., Malkov S., Grinin L. (2014) A Trap at the Escape from the Trap? Some Demographic Structural Factors of Political Instability in Modernizing Social Systems. *History & Mathematics*, 4: 201-267.

Korotayev A., Issaev L., Shishkina A., Rudenko M., Ivanov E. (2016) Afrasian Instability Zone and Its Historical Background. *Social Evolution and History*, 15(2): 120-140.

Korotayev A., Zhdanov A., Grinin L., Ustyuzhanin V. (2024) Revolution and Democracy in the Twenty-First Century. *Cross-Cultural Research*. <https://doi.org/10.1177/10693971241245862>

- Kosmidis I., Firth D. (2021) Jeffreys-prior penalty, finiteness and shrinkage in binomial-response generalized linear models. *Biometrika*, 108(1): 71-82. <https://doi.org/10.1093/biomet/asaa052>
- Lawson G. (2019) *Anatomies of Revolution*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781108697385>
- Mandeya S., Ho S. (2022) Inflation, Inflation Uncertainty and the Economic Growth Nexus: A Review of the Literature. *Folia Oeconomica Stetinensia*, 22(1): 172-190. <https://doi.org/10.2478/fofi-2022-0009>
- Medvedev I., Ustyuzhanin V., Zinkina J., Korotayev A. (2022) Machine learning for ranking factors of global and regional protest destabilization with a special focus on Afrasian instability macrozone. *Comparative Sociology*, 21(5): 604-645. <https://doi.org/10.1163/15691330-bja10062>
- Munro D., Zeisberger C. (2011) Demographics: The Ratio of Revolution. *SSRN Electronic Journal* [Preprint]. <https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1799868>
- Obiora C. U., Ezech M. C., George C. I., Orjiakor S. N., Anigbogu C. B., Nwabude C. G., Omologbe F. (2023) The Impacts of Inflation on Food Security in Nigeria: A Review. *Asian Journal of Food Research and Nutrition*, 2(4), 476-495. Retrieved from <https://journalajfrn.com/index.php/AJFRN/article/view/71>
- Özşahin Ş., Üçler G. (2017) The Consequences of Corruption on Inflation in Developing Countries: Evidence from Panel Cointegration and Causality Tests. *Economies*, 5(4): 49. <https://doi.org/10.3390/economies5040049>
- Paldam M. (1987) Inflation and political instability in eight Latin American countries 1946-83. *Public Choice*, 52: 143-168. <https://doi.org/10.1007/BF00123874>
- Paul S., Kearney C., Chowdhury K. (1997). Inflation and economic growth: a multi-country empirical analysis. *Applied Economics*, 29(10): 1387-1401. <https://doi.org/10.1080/00036849700000029>
- Polity5 (2024) *Polity5: Regime Authority Characteristics and Transitions Datasets*. Available at: <http://www.systemicpeace.org/inscrdata.html> (дата доступа: 27.02.2024)
- Sarel M. (1996) Nonlinear effects of inflation on economic growth. *Staff Papers*, 43(1): 199-215. <https://doi.org/10.2307/3867357>
- Sargent T. J., Velde F. R. (1995) Macroeconomic Features of the French Revolution. *Journal of Political Economy*, 103(3): 474-518. <https://doi.org/10.1086/261992>
- Shaheen S. (2015) *Social Uprisings: Conceptualization, Measurement, Causes and Implications*. Philipps-Universität Marburg. <https://doi.org/10.17192/z2015.0216>
- Streeck W. (2014) *Buying time: the delayed crisis of democratic capitalism*. Brooklyn, NY: Verso.
- Tam L., Dholakia U. M. (2013) The Consequences and Correction of Inflation in Personal Savings Estimates in Specific Future Time Frames. *Journal of Behavioral Decision Making*, 26(2): 139-151. <https://doi.org/10.1002/bdm.1749>
- Telatar E., Telatar F., Cavusoglu T., Tosun U. (2009). Political instability, political freedom and inflation. *Applied Economics*, 42(30): 3839-3847. <https://doi.org/10.1080/00036840802360237>

Tokic D. (2022) The 2021 fed pivot and the macro consequences of non-transitory inflation. *Journal of Corporate Accounting & Finance*, 33(1): 7–10. <https://doi.org/10.1002/jcaf.22533>

Tulio G., Ronci M. (1996) Brazilian Inflation from 1980 to 1993: Causes, Consequences and Dynamics. *Journal of Latin American Studies*, 28(3): 635–666. <https://doi.org/10.1017/S0022216X00023919>

Urdal H. (2006) A clash of generations? Youth bulges and political violence. *International studies quarterly*, 50 (3): 607–629. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2478.2006.00416.x>

Ustyuzhanin V., Korotayev A. (2023) Education and revolutions. Why do revolutionary uprisings take violent or nonviolent forms? *Cross-Cultural Research*, 57(4): 352–390. <https://doi.org/10.1177/10693971231162231>

Ustyuzhanin V., Korotayev A. (2023) Revolutions and Democracy. Can Democracies Prevent Revolutionary Armed Violence? *Comparative Sociology*, (22) 1: 95–137. <https://doi.org/10.1163/15691330-bja10073>

V-Dem Institute (2024) V-Dem Dataset 2024. Available at: <https://www.v-dem.net/data/dataset-archive/> (дата доступа: 19.05.2024)

Voth H.-J. (2001) *Inflation, Political Instability and Stockmarket Volatility in Interwar Germany*. Cambridge: Cambridge University Press.

White E. N. (1995) The French Revolution and the Politics of Government Finance, 1770–1815. *The Journal of Economic History*, 55(2): 227–255. <https://doi.org/10.1017/S0022050700041048>

Widdig B. (2001) *Culture and inflation in Weimar Germany*. Berkeley, CA: University of California Press.

World Bank (2024) *World Development Indicators Online*. Washington, DC: World Bank. Available at: <http://data.worldbank.org/indicator/> (дата доступа: 27.02.2024)

Zhdanov A., Korotayev A. (2022) Factors of Deconsolidation of a Liberal Democratic Regime: The Case of the United States. *Cliodynamics*, 13. <https://doi.org/10.21237/C7clio13054207>

Жданов Андрей Игоревич — стажер-исследователь Центра изучения стабильности и рисков НИУ ВШЭ, аспирант РЭУ им Г. В. Плеханова. Научные интересы: режимные трансформации, революции, политическая нестабильность, теория революций, демократический транзит. ORCID: 0000-0002-4492-7903. E-mail: andreizhdanov998@gmail.com

Коротаев Андрей Витальевич — профессор, доктор исторических наук, директор Центра изучения стабильности и рисков НИУ ВШЭ, главный научный сотрудник, Институт Африки РАН. Научные интересы: социология революций, политические конфликты, причины восстаний, математическое моделирование, прогнозирование. ORCID: 0000-0003-3014-2037. E-mail: akorotayev@gmail.com

Andrew I. Zhdanov — Intern Researcher at the Centre for Stability and Risk Analysis, HSE University; Postgraduate Student of the Plekhanov Russian University of

Economics. Research interests: regime transformations, revolutions, political instability, theory of revolutions, democratic transition. ORCID: 0000-0002-4492-7903. E-mail: andreizhdanov998@gmail.com

Andrey V. Korotayev — Professor, Doctor of Historical Sciences, Director of the Centre for Stability and Risk Analysis, HSE University; Chief Researcher, Institute for African Studies RAS. Research interests: sociology of revolutions, political conflicts, causes of uprisings, mathematical modeling, forecasting. ORCID: 0000-0003-3014-2037. E-mail: akorotayev@gmail.com

Берегись его автомобиля: почему мужчины за рулем опаснее женщин?

МИХАИЛ Д. БЕЛОВ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация; Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе, Лос-Анджелес, США

ORCID: 0000-0001-8848-2726

АНТОН П. КАЗУН

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-0091-5388

142

Рекомендация для цитирования:

Белов М.Д., Казун А.П. (2024) Берегись его автомобиля: почему мужчины за рулем опаснее женщин? *Социология власти*, 36 (2): 142-163.
<https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-2-142-163>

For citations:

Belov M.D., Kazun A.P. (2024) Beware of His Car: Why Are Men More Dangerous than Women Behind the Wheel? *Sociology of Power*, 36 (2): 142-163.
<https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-2-142-163>

Поступила в редакцию: 12.06.2024; прошла рецензирование: 06.07.2024; принята в печать: 11.07.2024

Received: 12.06.2024; Revised: 06.07.2024; Accepted for publication: 11.07.2024

This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© 2024 by the author(s).

Резюме:

По статистике, мужчины в России и большинстве стран мира существенно чаще становятся виновниками ДТП, чем женщины. Понимание причин этого гендерного разрыва представляется важным для выработки мер, позволяющих снизить количество транспортных происшествий. В литературе о России этот вопрос остается малоизученным. Мы анализируем

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10073 «Разработка и апробация методики автоматизированного анализа текстов приговоров российских судов для социально-правовых исследований (на примере насильственных преступлений)», <https://rscf.ru/project/23-78-10073/>.

Acknowledgements: The research was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 23-78-10073 “Development and testing of a methodology for automated analysis of texts of sentences of Russian courts for social and legal research (using the example of violent crimes)”, <https://rscf.ru/project/23-78-10073/>. Авторы выражают признательность Вадиму Девятникову, внесшему большой вклад в сбор и обработку данных о судебных решениях, а также другим участникам команды проекта РНФ, вовлеченным в обсуждение различных аспектов правоприменения в России.

масштабы разрыва в шансах совершить серьезное ДТП водителями разного пола, а также обсуждаем возможные причины этого феномена. Для этого мы используем набор данных, в который вошли 158 тыс. опубликованных судебных решений по статье 264 УК РФ за период с 2010 по 2022 год. Мы показываем, что 91,7% всех случаев приходится на водителей-мужчин. Но даже после учета различий в количестве водителей разного пола и количестве километров, которые они в среднем проезжают, мужчины в 3,25 раза чаще совершают ДТП, по итогу которых возбуждаются уголовные дела. Одной из причин различий является безопасность езды. Мужчины чаще совершают ДТП с отягчающими обстоятельствами. Почти в четверти случаев мужчины-водители управляли транспортным средством в нетрезвом виде, в то время как для женщин этот показатель составляет лишь 10%. Судьи, в свою очередь, чаще выносят мужчинам наказание, связанное с реальным сроком заключения, если речь идет о преступлении, не повлекшем гибель пострадавших; в более серьезных случаях пол водителя менее значим. Также мы обнаружили сильную вариацию в шансах стать причиной серьезного ДТП для мужчин и женщин между регионами России. Это позволяет предположить, что причины гендерных различий сильно связаны с культурными и социально-экономическими особенностями регионов.

Ключевые слова: ДТП, пол, гендер, приговор, судебные тексты, судебные решения

143

Beware of His Car: Why Are Men More Dangerous than Women Behind the Wheel?

Mikael D. Belov

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation; The University of California, Los Angeles, USA

ORCID: 0000-0001-8848-2726

Anton P. Kazun

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-0091-5388

Abstract:

According to statistics, men in Russia and most countries of the world are significantly more likely to cause road accidents than women. Understanding the reasons for these differences may be important for developing measures to reduce the number of road accidents. In the literature on Russia, the issue of the causes of this gender gap remains understudied. We analyse the magnitude of the gap in the odds of committing a serious crash by drivers of different genders and discuss possible reasons for these differences. For this, we use a dataset of 158,000 published court decisions under Article 264 of the Russian Criminal Code for the period from 2010 to 2022. We show that 91.7% of all cases involve male drivers. But even after accounting for differences in the number of drivers of different genders and the number of

kilometers they drive on average, men are 3.25 times more likely to commit crashes resulting in criminal prosecutions. One reason for these differences is driving safety. Men are also more likely to commit aggravated road accidents. In almost a quarter of cases, male drivers were driving drunk, while for women the figure is only 10 percent. Judges in turn are more likely to give men a serious sentence if it is a non-fatal offence; in more serious cases, the gender of the driver is less important. We also found a very strong variation in the odds of causing a serious road accident for men and women between Russian regions, suggesting the influence of cultural and socio-economic differences.

Keywords: road accident, traffic accident, sex, gender, court sentence, court texts, court decisions

Введение

Ежегодно в результате ДТП во всем мире погибают более 1,2 млн человек¹. В 2023 году в России в ДТП погибло около 11,8 тыс. человек² и пострадало более 137 тыс. Однако до недавнего времени в стране в целом наблюдалось сокращение числа аварий и количества связанных с ними жертв [Pyankova, Fattakhov 2019]. Снижение смертности в результате ДТП рассматривается в России в качестве одного из КРІ, заложенного в стратегию безопасности дорожного движения³. Возможность решения данной проблемы напрямую связана с тем, насколько мы понимаем причины возникновения аварий на дорогах.

Причины ДТП разнообразны и связаны как с качеством автомобилей, инфраструктуры и регулирования, так и с особенностями самих водителей, их навыками и стилем вождения. Социально-демографические характеристики водителя, такие как пол и возраст, значимо скоррелированы с шансами стать причиной или жертвой ДТП. При этом за этими корреляциями могут стоять самые разные механизмы, объясняющие различия. В частности, есть немало стереотипов о том, что женщины водят машину хуже, чем мужчины. Их распространение типично не только для России, но и, например, для США [Berger 1986]. Справедливы ли эти стереотипы?

Как показывают исследования, гендерный разрыв среди водителей, попадающих в ДТП, действительно есть почти во всех странах

1 Статистика ВОЗ за 2019 г. <https://apps.who.int/gho/data/view.main.RoadTrafficDeathREG?lang=en>

2 <https://rg.ru/2023/11/18/ezhegodno-v-avtomobilnyh-avariiah-gibnet-bolee-miliona-chelovek-chto-mozhet-izmenit-pechalnuiu-statistiku.html>

3 <http://government.ru/docs/31102/>

мира, но вопреки стереотипам, чаще всего виновниками ДТП становятся не женщины, а мужчины. Однако с этими результатами все не так просто, как кажется на первый взгляд. Во-первых, невозможно сравнивать статистику для мужчин и женщин без нормирования данных, поскольку среди мужчин не только больше водителей, но и средняя продолжительность времени нахождения за рулем у них более высокая. Во-вторых, даже если после должного нормирования различия останутся значимыми, невыясненным остается вопрос о причинах таких различий. Связаны ли они с навыками вождения, стилем езды, различиями в реакции на стресс, восприятием рисков или толерантностью к нарушениям, включая распитие алкогольных напитков?

В данном исследовании мы попытаемся ответить на два вопроса. Во-первых, отличаются ли шансы попасть в ДТП со смертельным исходом, при прочих равных, для мужчин и женщин? Во-вторых, если такие различия есть, то с какими причинами они связаны? Мы фокусируемся только на авариях с жертвами, в рамках которых были возбуждены уголовные дела, т. е. рассматриваем ДТП с самыми тяжелыми исходами, в которых по меньшей мере один человек получил тяжкий вред здоровью или погиб. Для этих целей мы используем новый для анализа данной проблематики в России источник данных — размещенные в открытом доступе тексты судебных решений.

145

Статья структурирована следующим образом. В начале мы рассмотрим теоретические и эмпирические исследования, объясняющие шансы попадания в ДТП для водителей с разными характеристиками, включая гендерные паттерны и их возможные объяснения. Затем мы сформулируем гипотезы, опишем данные и способы их анализа. Далее мы рассмотрим основные результаты и сделаем выводы.

Теория

Согласно отчету European Road Safety Observatory, 76% всех погибших в ДТП — мужчины. Хотя для разных стран пропорция различается, во всех странах Европы, вошедших в отчет, мужчины доминировали в этом списке, составляя от 67 до 87%. Женщины чаще становятся жертвами в качестве пешеходов (32% от всех случаев по сравнению с 16% у мужчин) и пассажиров (25% против 8%), мужчины чаще погибают, будучи за рулем (34% против 26%). Исследование в Финляндии показало, что женщины реже попадают в ДТП, даже если учитывать нормировку на количество километров, проведенных в дороге [Sirkku Laapotti et al. 2003]. В Дании мужчины составляют 2/3 от всех участников ДТП, а также 61% от всех жертв ДТП [Visby, Lundholt 2018].

Частично данные различия объясняются разными пропорциями водителей по полу и разной интенсивностью езды. Более активное вовлечение женщин в вождение, а также рост уровня рискованного вождения среди молодых женщин сокращает этот разрыв [Kelley-Baker, Romano 2010; Romano et al. 2008]. Цай и др. [Tsai et al. 2010] показали, что в США число аварий со смертельным исходом, причиной которых были женщины в возрасте от 16 до 24 лет в состоянии алкогольного опьянения, выросло в период с 1995 по 2007 год на 3,1 процентных пункта, в то время как для мужчин того же возраста только на 1,2 процентных пункта. Таким образом, важный эмпирический вопрос состоит в следующем — является ли гендерный разрыв в шансах оказаться участником ДТП а) просто следствием различий в интенсивности вождения; б) следствием коррелятов, связанных с полом водителя и/или в) особенностью мужчин и женщин как водителей?

Рассмотрим ключевые факторы, скоррелированные с полом водителя. Эти факторы можно разделить на психологические и поведенческие, культурные и социально-экономические.

146 Во-первых, это отношение к риску и рискованное поведение. Исследования показывают [Granié et al. 2021], что мужчины во многих странах оценивают поведение, сопряженное с риском на дорогах, как более маскулинное. Кордельери и др. [Cordellieri et al. 2016] показали, что мужчины и женщины одинаково оценивают вероятности, сопряженные с рисками аварии, но мужчины придают этим рискам меньше значения (d Коэна = 0,42, что говорит о значимом и умеренном по размеру различии). Другая важная причина отличий между мужчинами и женщинами, которую можно отнести к поведенческим, — совершение ДТП в состоянии алкогольного опьянения, которое более свойственно мужчинам: 18,1% среди всех аварий без смертей у мужчин и 9,3% у женщин [Kelley-Baker, Romano 2010]. Пьянкова и др. [Pyankova et al. 2022] показали сильную корреляцию между потреблением алкоголя в России и смертностью в результате ДТП.

Во-вторых, можно найти объяснение через культурные нормы, связанные с полом и вождением. Оказан и Лаюнен [Özkan, Lajunen 2006] задались целью разделить влияние пола и гендерных ролей. Они обнаружили, что принятие мужской гендерной роли повышает моторные навыки вождения, а женской гендерной роли повышает навыки безопасного вождения. Гранье [Granié 2009] показывает, что возможный механизм действия стереотипов работает следующим образом — мужчины и женщины, обучаясь вождению, через стереотипы усваивают определенный стиль вождения, при котором для мужчин приемлем высокий уровень риска, а для женщин высокий уровень осторожности. Экспериментальные исследования показали [Moè et al. 2015], что женщины совершают на треть больше

ошибок при вождении, если им напоминают о существующих гендерных стереотипах: если в контрольной группе женщины совершили в среднем 4,8 ошибки на тест-драйве, то при упоминании стереотипов в экспериментальной группе это значение возросло до 6,5. Т.е. стереотипы могут работать в том числе как «самосбывающееся пророчество», если они широко транслируются.

В-третьих, значение имеют социально-экономические факторы. Висби и Лундхольт [Visby, Lundholt 2018] показали, что в ДТП чаще попадают более бедные и менее образованные водители, хотя не дают четких объяснений этому паттерну. Систематический обзор [Mannocci et al. 2018] также показал, что шансы на травмы или смертельные исходы в результате ДТП выше для людей с низким социально-экономическим статусом и жителей бедных районов. Исследование показало, что за этим различием может стоять несколько механизмов — разное отношение к ПДД, различия в потреблении алкоголя, особенности дорожного трафика в бедных районах и др.

Однако куда более важным фактором является возраст водителя, поскольку самыми частыми нарушителями ДТП во многих странах мира являются молодые мужчины [Mannocci et al. 2018]. Куллен и др. [Cullen et al. 2021] на лонгитюдном исследовании из Австралии показывают, что мужчины всех возрастных когорт имеют более высокие шансы, чем женщины, стать причиной аварии, однако у женщин выше вероятность стать причиной аварий, требующих госпитализации пострадавшего.

Таким образом, из литературы мы можем сделать два вывода. Во-первых, можно ожидать, что после нормировки данных — как по числу водителей, так и по интенсивности езды — существенный гендерный разрыв в шансах на совершение водителями ДТП сохранится. Во-вторых, гендерный разрыв, если он будет обнаружен, может объясняться самыми разными факторами, многие из которых являются следствием социальных различий и неравенства между мужчинами и женщинами. Женщины во многих странах и регионах реже, чем мужчины, водят машину и перемещаются на ней на более короткие расстояния, меньше зарабатывают, реже получают высшее образование, чаще становятся объектами для шуток и стереотипов о качестве вождения, но также меньше потребляют алкоголь. Если бы влияние оказывали только вышеперечисленные социальные различия, то в обществах с равенством полов по всем перечисленным параметрам, возможно, мы бы не нашли различий в шансах на совершение ДТП. Например, Висби и Лундхольт [Visby, Lundholt 2018] делают вывод, что в социальной группе с высоким доходом и образованием, а также средним возрастом различия в шансах на совершение ДТП между мужчинами и женщинами будут ниже.

Гипотезы

Из исследований об автомобильных авариях в России [Пьянкова, Фаттахов 2020] и отчетов ГИБДД¹ мы знаем, что в России мужчины чаще попадают в ДТП. На первом шаге нужно проверить, сохраняется ли данная тенденция, если мы будем анализировать только аварии, по которым возбуждаются уголовные дела. Можно предположить, что мы обнаружим схожий паттерн:

H1: Женщины-водители реже попадают в серьезные ДТП, по которым возбуждаются уголовные дела.

Однако важно понимать, что для его тестирования необходимо провести нормирование, поскольку женщины водят машины реже, чем мужчины.

На следующем этапе мы могли бы проверить несколько базовых социальных обстоятельств, которые могут стоять за гендерным разрывом. Первое такое обстоятельство — это социально-экономические и культурные различия. Поскольку Россия — это большая страна с высоким многообразием регионов, то можно ожидать, что мы обнаружим ту или иную вариацию между регионами в том, что касается шансов на попадание в серьезное ДТП для мужчин и для женщин.

H2: Между регионами России есть значимые различия в шансах попадания в ДТП для мужчин и женщин.

Если мы обнаружим серьезную вариацию между регионами, это будет означать, что не только факторы на индивидуальном уровне имеют значение, но и социально-экономический и культурный контекст. Безусловно, проверка влияния региональных факторов является отдельной сложной задачей, которую мы не ставим перед собой в этом исследовании. Однако эти различия вполне можно измерить, а их влияние на гендерный разрыв можно будет проверить в будущем.

Одним из социальных обстоятельств, которые мы можем протестировать на наших данных, является тяжесть совершенного ДТП или же наличиеотягчающих обстоятельств, которые сопутствуют его совершению. Можно ожидать, что не только количество ДТП отличается по гендеру водителя, но и их качественные характеристики, а именно:

1 Николаев В. Кто чаще попадает в аварии — мужчины или женщины: найден ответ на вечный вопрос. *Комсомольская правда*. 26 ноября 2022. <https://www.kp.ru/daily/27476.5/4683520/>

Н3: Женщины-водители реже попадают в аварии сотягчающими обстоятельствами (такими как превышение скорости, езда без прав, алкогольное опьянение).

Другой способ оценить тяжесть ДТП — посмотреть на суровость наказаний. Исходы уголовных дел о ДТП могут быть самыми разными — от закрытия дела в связи с примирением сторон до реального срока наказания (другие исходы — исправительные работы, штраф, условный срок наказания). Понимая комплексность и сложность вопроса о наказании, в данном случае мы выбрали один из самых простых и наглядных индикаторов — доля мужчин и женщин, приговоренных в результате ДТП к реальным срокам наказания.

Н4: Женщины-водители реже получают приговоры с реальными сроками заключения.

Данные

Качество официальной статистики о ДТП является одним из серьезных ограничений при анализе проблемы сокращения смертности в результате аварий в России [Yon et al. 2020; Пьянкова, Фаттахов 2020]. Одним из стандартных ограничений официальной статистики является отсутствие неагрегированной информации об отдельных случаях. Так, ГИБДД¹ фиксирует множество полезных индикаторов на уровне региона, включая возраст и пол водителей, а также обстоятельства совершения преступления. Однако эти открытые данные не позволяют, например, сопоставить пол водителя и обстоятельства, сопутствующие преступлению (такие как нахождение в состоянии алкогольного опьянения). Аналогичные ограничения имеет статистика Росстата.

Поскольку нас интересует не только агрегированная статистика, но и обстоятельства конкретного ДТП, мы используем новый источник данных, а именно статистику по статье 264 УК РФ «Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств». Эта статья уголовного кодекса предполагает наказание за нарушение ПДД для лица, управляющего автомобилем, в случае если был причинен тяжкий вред здоровью человека или же по неосторожности смерть одного или более людей. Статья включает в себя 6 частей. Нечетные части (1, 3, 5) отражают рост ущерба от ДТП для здоровья других людей (от тяжкого вреда здоровью одному человеку (1-я часть), до смерти одного человека (3-я часть) или смерти двух и более лиц (5-я часть). Четные части (2, 4, 6) включают соверше-

¹ <http://stat.gibdd.ru/>

ние преступления сотягающими обстоятельствами (в состоянии опьянения, оставление места ДТП или вождение без прав) и аналогичную градацию последствий: тяжкий вред, нанесенный одному человеку (2-я часть), смерть одного человека (4-я часть) или смерть двух и более лиц (6-я часть). Во всех случаях речь идет о нарушении ПДД, повлекшем данные последствия по неосторожности или ненамеренно, т. е. в выборку не попадают случаи намеренного наезда на пешехода или намеренного столкновения с другим автомобилем.

Используемые нами данные были получены с помощью веб-скреппинга сайта ГАС «Правосудие», на котором, согласно Федеральному закону от 22 декабря 2008 года № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации», суды обязаны публиковать тексты своих решений, обеспечивая таким образом публичность правоприменения. Были собраны тексты приговоров, вынесенных за тринадцатилетний период с 2010 по 2022 год включительно. Данные позже 2022 года не собирались, так как они могут быть неполными в силу задержки в публикации приговоров, характерной для некоторых судов [Поздняков 2011; Поздняков 2012] — их включение в анализ могло бы вызвать дополнительные смещения. В дополнение к текстам приговоров с сайта ГАС «Правосудие» мы также собрали данные с сайта Мосгорсуда, так как тексты уголовных дел, которые рассматриваются в Москве, публикуются именно на этом сайте. Таким образом, у нас получилась база данных, состоящая из 158 197 наблюдений, однако некоторые из них содержали не тексты приговоров, а другие документы, или вовсе были категоризированы в ГАС «Правосудие» как дела по 264-й статье УК РФ ошибочно; после удаления неподходящих дел, а также пустых наблюдений, в базе данных осталось 154 320 уголовных дел, подходящих для анализа. Используя метод регулярных выражений (regex) и rule-based approach [Goyvaerts 2006; Chapman, Stolee 2016], мы достали различные признаки из текстов приговоров, создав новые переменные, необходимые для нашего анализа.

Нормировка

Для расчета разницы шансов попасть под уголовное дело в результате ДТП для мужчин и женщин необходимо создать коэффициент нормировки.

По данным Росстата [2022], в России на 1000 мужчин приходится 1151 женщина. По данным опроса ФОМ за 2022 год¹, в России 68% мужчин водит автомобиль, среди женщин этот показатель состав-

1 <https://fom.ru/Obraz-zhizni/14768>

ляет гораздо меньше — всего 22%. Так как женщин в России больше на 15,1%, соотношение мужчин-водителей к женщинам-водителям может быть рассчитано следующим образом:

Пусть N_m — общее число мужчин, а N_w — общее число женщин. Тогда

$$N_w = 1,151 \cdot N_m$$

Таким образом, количество мужчин-водителей будет равно $N_{m_drivers} = 0,68 \cdot N_m$, а количество женщин-водителей — $N_{w_drivers} = 0,22 \cdot N_w = 0,22 \cdot 1,151 \cdot N_m$. В итоге соотношение между водителями разных полов можно рассчитать следующим образом:

$$\frac{N_{m_drivers}}{N_{w_drivers}} = \frac{0,68 \cdot N_m}{0,22 \cdot 1,151 \cdot N_m} = \frac{0,68}{0,25322} \approx 2,685$$

Т. е. на одну женщину-водителя приходится 2,685 мужчин-водителей. Соответственно, коэффициент нормировки при расчетах будет составлять это число. Мы будем несколько упрощенно использовать один и тот же коэффициент для всех лет наблюдения, предполагая, что пропорция водителей-мужчин и женщин не сильно менялась во времени. Безусловно, за тринадцатилетний период пропорция женщин увеличилась¹, но это означает, что полученный нами гендерный разрыв с этой нормировкой будет консервативным, т. е. несколько занижает реальный размер различий.

151

Второй фактор, который требуется учитывать, — это различная продолжительность времени нахождения за рулем или же разница в расстоянии, которое проделали водители-мужчины и водители-женщины. Согласно исследованию Лаборатории умного вождения [2019], специализирующейся на коммерческих исследованиях в этой области, в России мужчина проезжают в среднем за день 58 километров, в то время как женщины — 46; при этом мужчина в среднем за рулем проводит 2 часа 6 минут, а женщина — 1 час 54 минуты. Таким образом, мужчины проезжают в день расстояние в среднем на 26% большее, чем проезжают женщины, но при этом проводят за рулем всего на 10,5% больше времени. С одной стороны, это может быть объяснено факторами поведения на дороге: мужчины чаще превышают скорость и чаще попадают в ДТП с участием одного транспортного средства [Kelley-Baker, Romano 2010; Cullen et al. 2021], то есть нарушают правила и ездят с более высокой скоростью так, что становятся одновременно и виновниками, и жертвами ДТП. Также

1 <https://iz.ru/983806/ekaterina-iasakova/damy-ruliat-chislo-zhenshchin-voditelei-vyroslo-v-65-raz>

структурные различия играют свою роль: мужчины чаще заняты в сферах, требующих долгого пребывания за рулем, например, в грузоперевозках или такси. С учетом установленной корреляции между скоростью и аварийностью [Elvik et al. 2019], можно предположить, что мужчины, работающие в сфере грузоперевозок или часто совершающие длительные поездки по делам, используют скоростные трассы и проезжают большие расстояния, что и приводит к увеличению среднего дневного километража.

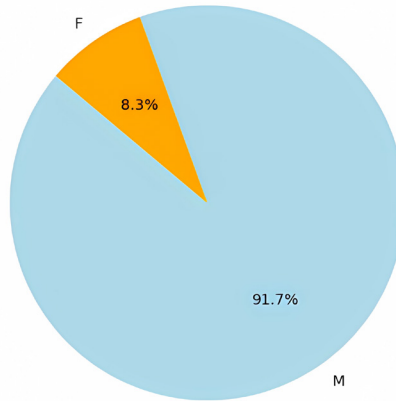
Так или иначе, исходя из этих данных, нам требуется второй нормализующий фактор для более точного анализа. Этим фактором могут быть либо время, либо пробег. В данной ситуации проблема заключается в том, как оценивать риски — вероятность попадания в аварию на определенное количество километров или за определенное время. В некоторых исследованиях рисков вождения учитывают время, однако вместе с другими факторами [Ayuso 2014; Kim et al. 2017]. Этот подход, по сути, также используется страховыми компаниями при оформлении страховки, хотя пробег может также быть учтен при расчете стоимости страховки, страховой премии и рискованности клиента. Однако чаще всего для оценки рисков используют именно пробег [Tefft 2017; Elvik 2022]. Не смотря на то, что некоторые исследования показывают, что связь между пробегом и авариями нелинейна, нормировка по пробегу является более предпочтительным методом, так как пройденное расстояние напрямую влияет на вероятность попадания в аварию: чем больше километров проезжает водитель, тем выше риск ДТП. Этот метод также точно отражает интенсивность использования транспортного средства и избегает проблемы двойного учета, которая могла бы возникнуть при одновременном учете и времени, и расстояния. В отличие от пробега, нормировка по времени за рулем может быть менее точной из-за сложности учета всех факторов, меньшей связи с вероятностью аварии и непостоянства условий вождения. Время за рулем не всегда отражает активное вождение и его интенсивность, а его учет может привести к искажению данных, особенно в условиях городского трафика или пробок. Второй нормализующий фактор, таким образом, будет составлять $\frac{58 \text{ км}}{46 \text{ км}} = 1,261$. Если бы мы считали по времени, то множитель составил бы $\frac{126 \text{ мин}}{114 \text{ мин}} = 1,105$. Итоговый коэффициент для нормировки (включающий и разницу долей водителей, и интенсивность вождения) составляет 3,386 для расчета по километрам, и составлял бы 2,967, если бы мы считали по времени.

Результаты

Проверка гипотезы 1 показала (График 1), что в России присутствует существенный и значимый разрыв между мужчинами и женщинами относительно количества уголовных дел, заведенных вслед-

ствие нарушения ПДД. Без нормировки водители-мужчины попадают в ДТП, по которому заводится уголовное дело, в 11 раз чаще. При введении нормировки (нижняя диаграмма) мы получаем разницу в 3,25 раза, что тем не менее является серьезным различием.

Распределение обвиняемых по полу (без нормировки)

Распределение обвиняемых по полу (с нормировкой)

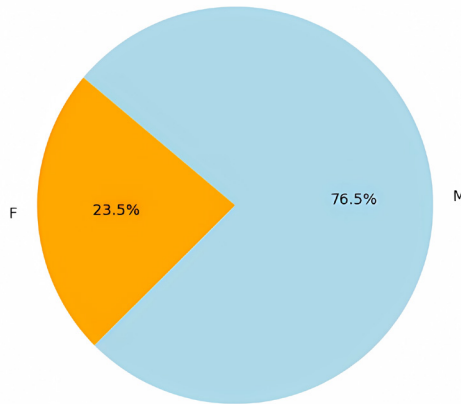
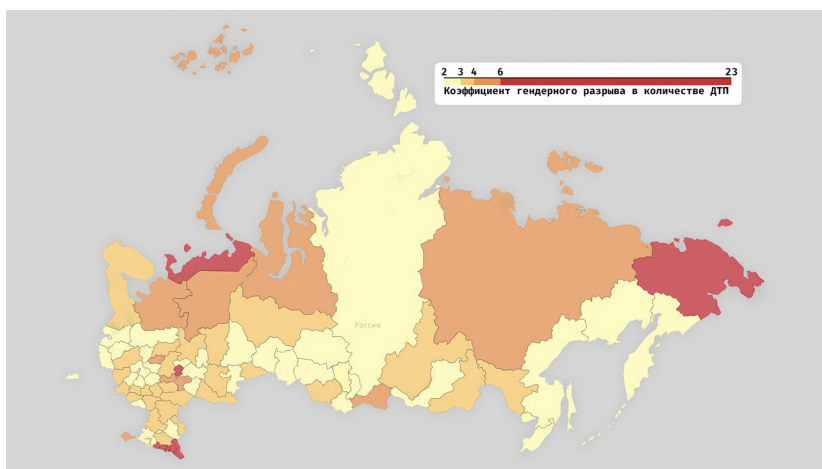

График 1. Соотношение уголовных дел по ст. 264 УК РФ для водителей-мужчин и водителей-женщин (без нормировки и с нормировкой)

Figure 1. The ratio of criminal cases under Article 264 of the Criminal Code of the Russian Federation for male and female drivers (unadjusted and adjusted).

Если мы рассмотрим данные различия в разрезе регионов, то увидим, что во всех без исключения регионах женщины-водители попадают в серьезные ДТП существенно реже, чем мужчины. Однако если по России средний уровень различий составляет 3,25 раза, то в некоторых регионах (например, Камчатка, Приморье, Санкт-Петербург) они ниже или около 2 раз, а в других они превышают 6 раз (с несколькими регионами-рекордсменами, где различия превышают 10 раз). Хотя отчасти эти различия могут объясняться разной вовлеченностью женщин в вождение автомобилей (к сожалению, у нас нет данных по регионам, чтобы сделать такую нормировку), десятикратный уровень вариации позволяет предположить, что различия кроются в чем-то еще, в том числе в культурных нормах, гендерном неравенстве, потреблении алкоголя и других социально-экономических факторах. Данный вопрос требует дополнительного изучения.

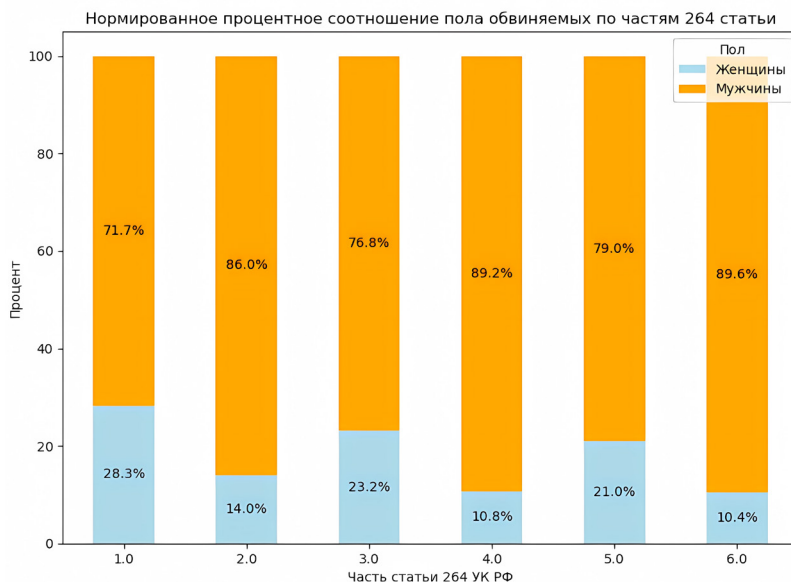
Карта 1. Различия в среднем количестве уголовных дел по ДТП между мужчинами и женщинами по регионам России (раз).

Map 1. Differences in the average number of traffic-related criminal cases between men and women by regions of Russia (times).

На следующем этапе мы проверяем, отличаются ли по гендеру обстоятельства совершения ДТП. Прежде всего, мы можем сравнить пропорции мужчин и женщин, привлеченных к ответственности по разным частям УК РФ.

По графику 2 видно, что доля женщин снижается как по нечетным статьям (тяжесть последствий), так и по четным статьям (тяжесть последствий в сочетании с отягчающими обстоятельствами). Например, женщины в 6 раз реже причиняют тяжкий вред здоровью человека и 8,25 раза реже сбивают кого-то насмерть, если анализи-

ровать только случаи, когда нарушение сопряжено сотягчающими обстоятельствами.

155

График 2. Пропорции мужчин и женщин, привлеченных к ответственности в рамках различных частей ст. 264 УК РФ (с нормировкой).

Figure 2. Proportions of men and women held accountable under different parts of Article 264 of the Criminal Code of the Russian Federation (adjusted).

Напомним, что части 2, 4 и 6 предполагают наличие хотя бы одного из трех отягчающих обстоятельств — езда без прав, оставление места происшествия или нахождение в состоянии алкогольного опьянения. По графику 3 видно, что мужчины совершают каждое четвертое ДТП из-за нахождения за рулем в нетрезвом виде, для женщин это происходит только в каждом десятом случае.

Наконец, рассмотрим такой показатель, как реальный срок тюремного заключения, который также отражает тяжесть совершенного преступления. На графике 4 мы видим, что в половине случаев женщин приговаривают к реальным срокам заключения по статье 264 УК РФ, мужчин же существенно чаще — в двух случаях из трех. Это показывает, что нарушения, совершенные мужчинами, трактуются судьями как более тяжкие или более общественно опасные. Однако это обстоятельство может объясняться разными факторами — как объективными различиями в обстоятельствах совершения

ДТП, так и гендером подсудимого как экстралегальным фактором принятия судебных решений [Zhuchkova, Kazun 2023]. Последнее обстоятельство нуждается в проверке.

График 3. Доля ДТП с привлечением по ст. 264 УК РФ, совершенных мужчинами и женщинами в состоянии алкогольного опьянения.

Figure 3. The share of traffic accidents prosecuted under Article 264 of the Criminal Code of the Russian Federation committed by men and women in a state of alcohol intoxication.

Если посмотреть распределение доли реальных приговоров по частям статьи, то можно увидеть возможные причины данных различий (график 5). Женщины почти вдвое реже получают реальный срок по части 1, где нет отягчающих обстоятельств и смерти другого человека. Есть определенные различия и для части 2. Однако при более серьезных составах приговор за ДТП будет реальным вне зависимости от пола водителя. Поскольку мужчины в целом чаще совершают аварии с более серьезными составами преступления, то доля реальных сроков для них оказывается более высокой. Возможны различия в сроках приговоров для мужчин и женщин по этим статьям, однако это требует дополнительного анализа.

Резюмируя результаты анализа, можно сделать вывод, что различия между мужчинами и женщинами существенны и сформулированные нами гипотезы были подтверждены.

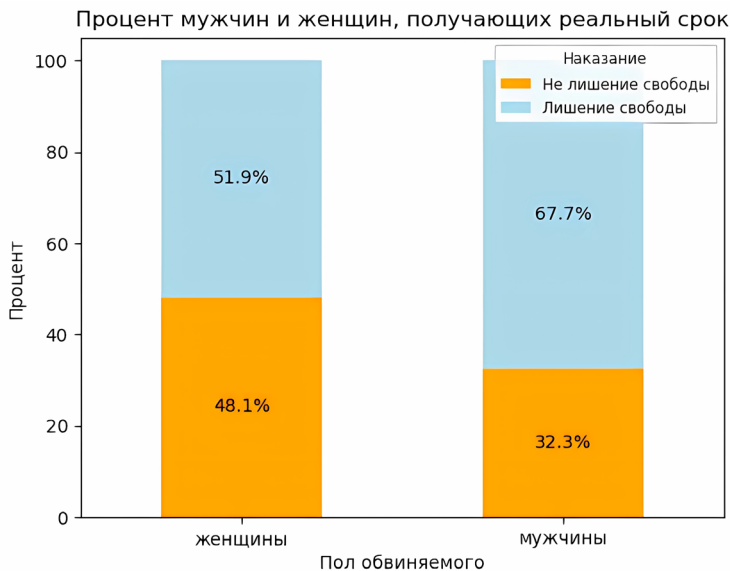

График 4. Процент мужчин и женщин, приговоренных к реальным срокам заключения по ст. 264 УК РФ (от числа приговоров).

Figure 4. Percentage of men and women sentenced to actual imprisonment under Article 264 of the Criminal Code of the Russian Federation (out of the total number of sentences).

157

Примечание: категория «Другое» включает штраф, условный срок, исправительные работы

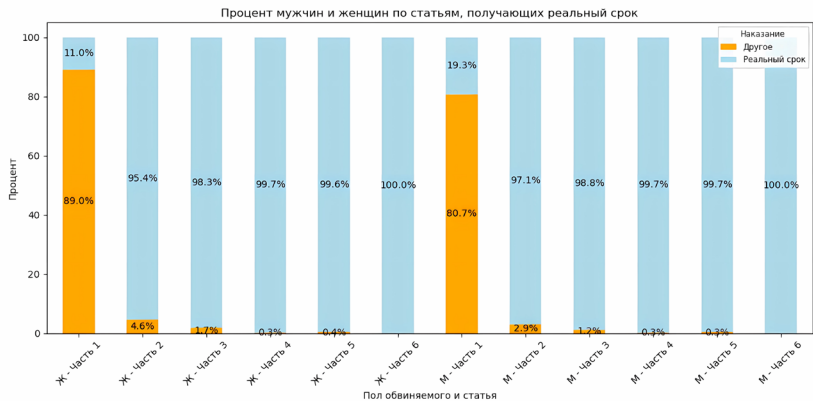

График 5. Процент мужчин и женщин, приговоренных к реальным срокам заключения по ст. 264 УК РФ по различным составам.

Figure 5. Percentage of men and women sentenced to actual imprisonment under Article 264 of the Criminal Code of the Russian Federation by different elements of the offense.

Дискуссия

В настоящем исследовании мы показали, что мужчины-водители действительно существенно чаще женщин становятся причиной серьезных ДТП, по итогу которых возбуждаются уголовные дела: это происходит в 11 раз чаще. Этот результат устойчив к нормировке на долю женщин-водителей и разную интенсивность езды за рулем, шансы для мужчин-водителей стать причиной ДТП в 3,25 раза выше. Кроме того, мужчины-водители чаще женщин совершают более жесткие ДТП с большим числом жертв и с отягчающими обстоятельствами (включая езду в пьяном виде — 23% против 10,2%) и чаще получают реальные сроки заключения в качестве наказания (67,7% против 51,9%). Обнаруженные нами региональные различия (в диапазоне от 2 до 20 раз) дают основания предполагать, что разрыв между мужчинами и женщинами в шансах на совершение ДТП существенно зависит от культурных особенностей и различий между регионами России. Впервые в литературе мы не только показываем, что различия между мужчинами и женщинами есть, но и намечаем контуры возможных объяснительных механизмов, которые, вероятно, лежат в области культурных и социально-экономических различий.

Факт наличия столь высоких (в десятки раз) гендерных различий в уровне ДТП внутри одной страны позволяет предположить, что полученные нами результаты не следствие одних лишь гендерных различий, но сочетание этого фактора с локальными культурными нормами и социальными обстоятельствами (поскольку, имея различия исключительно биологическую природу, вариации между регионами не были бы столь высоки). Если смотреть на карту России, то можно увидеть, что наиболее выражены гендерные различия в шансах на совершение ДТП, например, в южных регионах России, где в целом езда на автомобиле является прерогативой мужчин. В таких крупных городах, как Москва и Санкт-Петербург, гендерные различия, наоборот, ниже среднего. Эти наблюдения позволяют предположить, что при сокращении неравенства между мужчинами и женщинами в части управления автомобилем (в сочетании с другими формами активности, такими как работа или учеба в университете) может происходить увеличение доли женщин, попадающих в серьезные ДТП. Иными словами, гендерный разрыв в шансах на совершение ДТП мы можем рассматривать в том числе как прокси для гендерных различий в других аспектах социальной жизни.

Вместе с этим следует отметить, что мы сделали лишь первый шаг в анализе, предложив ряд описательных проверок для гипотез. Дальнейшие шаги предполагают построение многофактор-

ных моделей, позволяющих значительно точнее оценить гендерные различия и проконтролировать влияние на них множества факторов. Текущая версия анализа имеет то ограничение, что мы не учитываем культурное многообразие регионов, региональные различия в качестве дорог, более точные данные о соотношении мужчин и женщин среди водителей по годам и по регионам, различные сопутствующие обстоятельства совершения ДТП (качество и состояние машин, скорость движения, признание вины, статус жертвы и т.п.). Совершенствования требует показатель нормировки, который на текущий момент (из-за отсутствия хороших статистических данных) одинаков для всех регионов и для всех лет и потому не отражает в достаточной степени индивидуальную динамику разных субъектов России по этому показателю. Важно также учитывать влияние факта наказания на уровень ДТП в будущем, ведь более строгое наказание нарушителей согласно теории сдерживания должно приводить к снижению числа подобных преступлений. Если мужчин при прочих равных наказывают строже, чем женщин, то это гипотетически может сокращать число нарушений со стороны мужчин, сокращая гендерный разрыв. Также в крупных городах важным фактором является установка камер дорожного наблюдения, которые снижают число нарушений ПДД и, как следствие, количество ДТП. Влияние камер на ДТП, совершенные по разным причинам, может различаться. Например, если мужчины чаще превышают скорость, а камеры наблюдения сокращают прежде всего ДТП, вызванные этим фактором, то видеонаблюдение будет способствовать снижению гендерного разрыва. Все эти аспекты будут включены в анализ на будущем этапе.

159

Гораздо сложнее учесть другие типы факторов, важность которых оценивалась в литературе, например, склонность и толерантность к риску [Cordellieri et al. 2016], которые невозможно оценить на основе судебных решений. Для оценки таких факторов требуется сбор данных другими методами, например, проведение опросов и психологических тестов.

Однако, несмотря на данные ограничения, в этом исследовании нам удалось показать, что гендерные различия в управлении автомобилем влияют на статистику серьезных ДТП и что они, вероятно, связаны с комплексом культурных и социально-экономических обстоятельств, которые требуют изучения.

Заключение

В исследовании мы показали, что мужчины существенно чаще, чем женщины, становятся причиной серьезных ДТП, по итогу которых

возбуждаются уголовные дела (в 11 раз в абсолютных значениях и в 3,25 раза в относительных). Более того, эти ДТП более общественно опасны и имеют более тяжкие последствия для жертв. Кроме того, обнаружена высокая вариация между регионами, которая позволяет предположить, что гендерный разрыв в шансах совершения ДТП является следствием множества культурных и социально-экономических причин, а не только различной частоты пользования автомобилем или биологическими особенностями мужчин и женщин. Полученные нами результаты позволяют сделать вывод, что мужчины (вопреки стереотипам) являются более опасными водителями, чем женщины, что может учитываться, например, страховыми компаниями или судьями, принимающими решения по более мягким случаям нарушений ПДД.

В целом вопрос о причинах гендерного разрыва в шансах совершения ДТП в качестве водителя является весьма перспективной темой для исследования. Мы видим, что стоящие за гендерным разрывом причины могут быть связаны со множеством культурных и социально-экономических факторов. Политика по сокращению числа аварий в России должна учитывать факторы, создающие этот гендерный разрыв. Но задача, конечно, состоит не в том, чтобы женщины попадали в ДТП чаще, что, как показывает мировой опыт, может происходить при условии сокращения неравенства в других сферах [Kelley-Baker, Romano 2010; Romano et al. 2008], а в том, чтобы мужчины-водители становились причиной ДТП столь же редко, как женщины.

Библиография / References

Поздняков М. Л. (2011) *Мониторинг открытости правосудия*. СПб.: ИПП ЕУ СПб. EDN: SAZMUX.

— Pozdnyakov M. L. (2011) *Monitoring otkrytosti pravosudiya* [Monitoring The Openness Of Justice]. St. Petersburg: EUSP Press. — In Russ.

Поздняков М. Л. (2012) *Организационные и структурные ограничения при доступе к судебным актам судов общей юрисдикции*. СПб.: ИПП ЕУ СПб. EDN: YTBOSA.

— Pozdnyakov M. L. (2012) *Organizatsionnye i strukturnye ogranicheniya pri dostupe k sudebnym aktam sudov obshchei yurisdiksi* [Organizational And Structural Restrictions On Access To Judicial Acts Of Courts Of General Jurisdiction]. St. Petersburg: EUSP Press. — In Russ.

Пьянкова А. И., Фаттахов Т. А. (2020) Смертность пешеходов в России: Устойчивое снижение в течение 25 лет? *Демографическое обозрение*, 7(4): 62–81. EDN: BZWUSM. <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i4.12044>

— Pyankova A. I., Fattakhov T. A. (2020) Pedestrian mortality in Russia: a continuous decline over the last 25 years? *Demographic Review*, 7(4): 62–81. — In Russ. <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i4.12044>

Федеральная служба государственной статистики (Росстат). (2022) *Женщины и мужчины России: Статистический сборник 2022*. Москва: Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Demogr_ejegod_2023.pdf

— Federal State Statistics Service (Rosstat). (2022) *Women and Men of Russia: Statistical Collection 2022*. Moscow: Rosstat. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Demogr_ejegod_2023.pdf — In Russ.

Ayuso M., Guillén M., Pérez-Marín A. (2014) Time and distance to first accident and driving patterns of young drivers with pay-as-you-drive insurance. *Accident; analysis and prevention*, 73: 125-31. <https://doi.org/10.1016/j.aap.2014.08.017>

Berger M. (1986) Women drivers!: The emergence of folklore and stereotypic opinions concerning feminine automotive behavior. *Women's Studies International Forum*, 9(3): 257-263. [https://doi.org/10.1016/0277-5395\(86\)90061-0](https://doi.org/10.1016/0277-5395(86)90061-0)

Cordellieri P., Baralla F., Ferlazzo F., Sgalla R., Piccardi L., Giannini A. M. (2016) Gender Effects in Young Road Users on Road Safety Attitudes, Behaviors and Risk Perception. *Frontiers in Psychology*, 7: 1412-1412. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2016.01412>

Cullen P., Möller H., Woodward M., Senserrick T., Boufous S., Rogers K., Brown J., Ivers R. (2021) Are there sex differences in crash and crash-related injury between men and women? A 13-year cohort study of young drivers in Australia. *SSM — Population Health*, 14: 100816. <https://doi.org/10.1016/j.ssmph.2021.100816>

Elvik R. (2022) Driver mileage and accident involvement: A synthesis of evidence. *Accident; analysis and prevention*, 179: 106899. <https://doi.org/10.2139/ssrn.4201853>

Elvik R., Vadeby A., Hels T., Schagen I. (2019) Updated estimates of the relationship between speed and road safety at the aggregate and individual levels. *Accident; analysis and prevention*, 123: 114-122. <https://doi.org/10.1016/j.aap.2018.11.014>

Granié M.-A. (2009) Effects of Gender, Sex-Stereotype Conformity, Age and Internalization on Risk-Taking among Adolescent Pedestrians. *Safety Science*, 47(9): 1277-1283. <https://doi.org/10.1016/j.ssci.2009.03.010>

Granié M.-A., Thévenet C., Varet F., Evennou M., Oulid-Azouz N., Lyon C., Meesmann U., Robertson R., Torfs K., Vanlaar W., Woods-Fry H., Van den Bergh W. (2021) Effect of Culture on Gender Differences in Risky Driver Behavior through Comparative Analysis of 32 Countries. *Transportation Research Record*, 2675(3): 274-287. <https://doi.org/10.1177/0361198120970525>

Kelley-Baker T., Romano E. (2010) Female involvement in U.S. nonfatal crashes under a three-level hierarchical crash model. *Accident Analysis & Prevention*, 42(6): 2007-2012. <https://doi.org/10.1016/j.aap.2010.06.010>

Laapotti S., Keskinen E., Rajalin, S. (2003) Comparison of young male and female drivers' attitude and self-reported traffic behaviour in Finland in 1978 and 2001. *Journal of Safety Research*, 34(5): 579-587. <https://doi.org/10.1016/j.jsr.2003.05.007>

Mannocci A., Rosella S., Villari P., La Torre G. (2019) Male Gender, Age and Low Income Are Risk Factors for Road Traffic Injuries among Adolescents: An Umbrella Review of Systematic Reviews and Meta-Analyses. *Journal of Public Health*, 27(2): 263-272. <https://doi.org/10.1007/s10389-018-0932-6>

Moè A., Cadinu M., Maass A. (2015) Women drive better if not stereotyped. *Accident Analysis & Prevention*, (85): 199–206. <https://doi.org/10.1016/j.aap.2015.09.021>

Özkan T., Lajunen T. (2006) What causes the differences in driving between young men and women? The effects of gender roles and sex on young drivers' driving behaviour and self-assessment of skills. *Transportation Research Part F-Traffic Psychology and Behaviour*, 9(4): 269–277. <https://doi.org/10.1016/j.trf.2006.01.005>

Pyankova A., Fattakhov T., Kozlov V. (2022) The association between beverage-specific alcohol consumption and mortality among road users in Russia 1965–2019. *Accident Analysis & Prevention*, 178: 106859. <https://doi.org/10.1016/j.aap.2022.106859>

Romano E., Kelley-Baker T., Voas R. B. (2008) Female involvement in fatal crashes: Increasingly riskier or increasingly exposed? *Accident Analysis & Prevention*, 40(5): 1781–1788. <https://doi.org/10.1016/j.aap.2008.06.016>

Santamariña-Rubio E., Pérez K., Olabarria M., Novoa A. M. (2014) Gender differences in road traffic injury rate using time travelled as a measure of exposure. *Accident Analysis & Prevention*, (65): 1–7. <https://doi.org/10.1016/j.aap.2013.11.015>

Tefft B. C. (2017) *Rates of Motor Vehicle Crashes, Injuries and Deaths in Relation to Driver Age, United States, 2014–2015* (Research Brief). Washington, D. C.: AAA Foundation for Traffic Safety.

Tsai V. W., Anderson C. L., Vaca F. E. (2010) Alcohol involvement among young female drivers in US fatal crashes: Unfavourable trends. *Injury Prevention*, 16(1): 17–20. <https://doi.org/10.1136/ip.2009.022301>

Visby R. H., Lundholt K. (2018) Gender Differences in Danish Road Accidents. *Transportation Research Record*, 2672(3): 166–174. <https://doi.org/10.1177/0361198118795005>

Yon Y., Passmore J., Rakovac I., Iaych K., Ma Fat D., Yurasova E., Vujnovic M., Pyankova A., Fattakhov T., Mikkelsen B. (2020) Monitoring road safety progress in Europe requires the best data. *The Lancet Public Health*, 5(8): e421. [https://doi.org/10.1016/S2468-2667\(20\)30056-6](https://doi.org/10.1016/S2468-2667(20)30056-6)

Белов Михаил Дмитриевич — стажер-исследователь МЦИИР НИУ ВШЭ (Международный центр изучения институтов и развития, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»), стажер-исследователь; аспирант Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, США. Научные интересы: политическая коммуникация, конверсационный анализ, лингвистическая антропология, социология права, социология медиа. ORCID: 0000-0001-8848-2726. E-mail: mikaelbelov@gmail.com

Казун Антон Павлович — кандидат социологических наук, директор Института анализа предприятий и рынков, доцент факультета экономических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Научные интересы: социология права, институциональная экономика. ORCID: 0000-0002-0091-5388. E-Mail: akazun@hse.ru

Mikael D. Belov — Research Intern at International Center for the Study of Institutions and Development, National Research University Higher School of Economics,

research intern; graduate student at UCLA. Research interests: political communication, conversation analysis, linguistic anthropology, sociology of law, media sociology. ORCID: 0000-0001-8848-2726. E-mail: mikaelbelov@gmail.com

Anton P. Kazun — PhD in Sociology, Director of the Institute for Industrial and Market Studies, Associate Professor, Faculty of Economic Sciences, National Research University Higher School of Economics. Research interests: sociology of law, institutional economics. ORCID: 0000-0002-0091-5388. E-mail: akazun@hse.ru

(Не)возможности перевода: о любви к жестким материалам и твердым объектам

НАТАЛИЯ А. ВОЛКОВА

BISAM Central Asia, Алматы, Казахстан

ORCID: 0000-0002-6798-963X

Рекомендация для цитирования:

Волкова Н. А. (2024) (Не)возможности перевода: о любви к жестким материалам и твердым объектам. *Социология власти*, 36 (2): 164-169. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-2-164-169>

For citations:

Volkova N. A. (2024) (Im)Possibility of Translation: On the Love of Hard Materials and Solid Objects. *Sociology of Power*, 36 (2): 164-169. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-2-164-169>

Поступила в редакцию: 01.06.2024; прошла рецензирование: 06.06.2024; принята в печать: 07.06.2024

Received: 01.06.2024; Revised: 06.06.2024; Accepted for publication: 07.06.2024

This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© 2024 by the author(s).

В конце 2022 года вышел специальный выпуск журнала *Adaptive Behaviour*, который работает на стыке философии и нейробиологии. Приглашенным редактором выпуска стал философ-феноменолог Юлиан Киверстейн, а ключевой текст написал его давний соавтор и коллега Эрик Ритвельд. Участие в этом выпуске приняли по меньшей мере два известных исследователя — феноменолог Тим Ингольд и работающая в русле акторно-сетевой теории и социальной топологии Аннмари Мол. Поводом для выпуска стала лекция, прочитанная Ритвельдом при вступлении в должность почетного сократовского профессора университетов Амстердама и Твента [Rietveld 2022]. Таким образом, номер стал знаком публичного признания заслуг Ритвельда, который в течение 14 лет развивал собственную концепцию социо-материальных практик и исследования возможностей физической среды с помощью игровых и экспериментальных подходов.

Профессиональная траектория Ритвельда необычна для академического исследователя — философа или когнитивиста, но типична для архитектора. Вместе с братом Рональдом он создал в 2006 году архитектурное бюро RAAAF, создающее проекты

на стыке философии, когнитивных наук, архитектуры и искусства, ориентированные на пространственные эксперименты. Архитектурная практика братьев Ритвельдов развивает теоретические концепции Эрика, связанные с ситуативным восприятием, нормативностью [2008] и возможностями среды — аффордансами. Переход от архитектурного описания взаимодействия со средой к описанию академическому маркирует совместная статья Эрика Ритвельда и Юлиана Киверстейна, опубликованная в этом номере [2014]. Этот текст комбинирует опыт практических экспериментов с экспериментальным подходом к теории. В одном из интервью Аннмари Мол сравнила подобную установку акторно-сетевых исследователей по отношению к теории с использованием «ящика с инструментами».

Экспериментальность не единственное, что сближает подход Ритвельда с поворотом к материальности в социологии и исследованиями науки и технологий (STS) [Shapin, Shaffer 2011], к которым Ритвельд отсылает в своей инаугурационной сократовской лекции. Комментируя его речь, Мол фокусируется не на философских аргументах, а на чувствах и отношениях с объектами. Мол сравнивает архитектурные объекты Ритвельдов со знаменитым зимбабвийским насосом, который описан в ее совместной статье с де Лаэт [2017]. С точки зрения Мол, объекты Ритвельдов также изменчивы, текучи и подвижны, что позволяет людям выстраивать с ними близкие отношения и даже любить их. Мол интересуется, как поменяется характер отношения к вещам или форма любви, если она будет направлена не на текучие объекты, а на жесткие конструкции из «бетона, металла и дерева». Сравнивая позиции двух социо-материальных философов Серра и Ритвельда, Мол указывает, насколько различаются их концепции материальности. Если Серр говорит о материальных объектах на примере «облаков, болот и разливающихся рек», к которым проникаешься чувствами и симпатией, то в случае с жесткими объектами, спрашивает Мол, «будет ли она [любовь к ним] жесткой и маскулинной?» [Mol 2022: 518].

И вопрос, который задает Мол, и ее ответ на него встраивают исследования Ритвельда в длинный спор между позитивистским подходом к исследованиям и методами социальной антропологии. Ответ, который предлагает Мол, наделяет сами жесткие объекты Ритвельдов изменчивостью и построен в логике STS. В зависимости от масштаба рассмотрения объект можно представить как цельную форму или как сеть элементов. Однако кажется, что точно поставив вопрос, Мол дает на него не очень точный ответ, поскольку она обращает внимание лишь на социоматериальные аспекты философии Ритвельда и Киверстейна, но игнорирует ее феноменологическое измерение. С точки зрения феноменологического понятия

аффордансов явная активность объектов связана с их изменением, а скрытым образом они лишь предлагают возможность взаимодействия или определенный тип отношений. Задачей взаимодействующего человека тогда становится умение распознать эти возможности и использовать их. Именно поэтому ответ Ритвельда на вопрос о любви существенно отличается от ответа, который дает Мол.

Отправной точкой спора между позитивизмом и социальной антропологией можно считать доклад «Логика социальных наук», прочитанный Карлом Поппером на конференции Германского социологического общества в Тюбингене в 1961 году. Два основных пункта критики Поппера связаны с тем, что антропология как полевая наука стала преобладать в западных обществах над социальной теорией. По мнению Поппера это приводит социологию к глубокому философскому релятивизму и абсурду, в котором «нет объективной истины, ... а есть только истины или науки для того или иного клана, или группы, или профессии» [Поппер 2000: 305]. Поппер противопоставляет хаосу социальных наук естественнонаучный позитивизм, который основывается на взаимных «дружеско-вражеских отношениях» и позволяет достигнуть объективности как результата социального взаимодействия. Возникает ощущение, что Поппер предлагает социологам определиться: опираются ли они на научный способ познания или их сфера деятельности относится к миру идей, ценностей и культуры.

166

Есть две возможности ответить на критику Поппера. Можно прямо выступить с опровержением аргументов Поппера, как это делали Адорно и Хабермас. Это игра по правилам Поппера: так же как Поппер, Адорно и Хабермас пытаются построить социальную теорию, не выходя из кабинета. Однако можно согласиться с критикой Поппера, но сместить при этом акценты и сделать шаг от позитивизма к скептицизму и тестированию реальности. Путем скептицизма идут сторонники акторно-сетевой теории и материального поворота, когда ставят под сомнение объективность познания, которую отстаивает Поппер.

Да, утверждают последователи материального поворота, социальный исследователь (социолог или антрополог) идет в поле и рассматривает полевой и повседневный опыт как базовый и необходимый. Да, социальные исследования говорят о крайней изменчивости социальных отношений, поэтому нет смысла говорить об объективности, надо обсуждать объектность, то есть материальную составляющую мира как основу разговора о реальности. Да, социальные науки будут казаться абсурдными, пока не будут поняты пределы возможного. Чтобы преодолеть абсурдность, надо смотреть не на ограничения действия, а на ограничения условий истинности: до каких пределов описания исследователей имеют основания в реальном мире

и являются результатом рационального суждения. Обсуждение условий истинности необходимо, поскольку социология, ориентированная на объектность, оказывается субъективной: ограниченная объективность возможна, но только как формальное описание взаимодействия и ее предельной субъективной формы — любви.

Следуя скептическому подходу поворота к материальности, Харауэй противопоставляет естественные науки (hard sciences) и гуманитарные исследования (soft sciences). Однако и Харауэй, и Мол считают, что социология должна занимать позицию «мягких исследований» и тем самым подрывать объективность «жестких». Это отношение отражается и в вопросе Мол о характере любви к твердым материалам: рискованно слишком резко отказываться от своих оснований и идти навстречу их противоположности, поскольку тогда вместо желаемого ты можешь получить искаженную версию того, к чему стремишься. Ритвельд и Киверстейн предлагают другой подход. Они показывают, что социальное взаимодействие со средой включает и материальные аспекты (способ организации среды и ее отдельных объектов), и социальные — возможности использования объектов, которые определяются формой их организации. Тогда познание возможно, только если оно сочетает методы естественных и гуманитарных наук, любовь и строгую отстраненность, поскольку, исследуя, мы экспериментируем с возможностями описывать и познавать социоматериальные отношения и изменчивость.

167

Чтобы экспериментировать, пространство, или «ландшафт возможностей» должно быть богатым, или, пользуясь выражением Гирца, насыщенным. Именно к этому аспекту исследования аффордансов обращена статья Ритвельда и Киверстейна. В их логике насыщенность среды возникает в результате особого рода наблюдения, которое опирается на накопленный опыт и позволяет делать предположения о скрытых и неявных возможностях среды и особенностях ее организации («формы жизни»). В результате аффордансы позволяют экспериментировать с возможностью познания за счет расширения уже имеющихся навыков в новых ситуациях и их стабилизации в виде материальных объектов, инструментов и техник. Таким образом, неотрефлексированный неявный опыт приобретает явную материальную форму, становятся видимыми его структура и способ действия. Отрефлексированное действие может быть не только практическим, но и теоретическим, выводя неявное знание на новый уровень обобщения. Возникает своеобразная сеть навыков, экспертиз, практик и теоретического знания, которая позволяет структурировать опыт и делать видимой степень его насыщенности.

Форма любви или нежного отношения, которое Ритвельды испытывают к своим архитектурным объектам, не связана с хрупкостью

или ранимостью объектов, что делает их слабыми и придает отношениям «маскулинный» характер. Наоборот, Ритвельды своими проектами показывают скрытые возможности использования объектов, потенциал их различных интерпретаций и использования, тем самым организуя интерпретативный релятивизм в структуру возможностей разной степени доступности. Если перенести эту же логику на слова и применить ее к переводу, то переводчик всегда имеет дело со множеством скрытых смыслов и интерпретаций. Это делает «полный» перевод абсолютно невозможным, однако нельзя утверждать, что скрытые возможности текста при переводе утрачиваются. Скорее можно предположить, что они изменяют форму и становятся иными, тем самым невозможность полного перевода уравнивается его практической стабилизацией.

Идею перевести статью Эрика Ритвельда и Юлиана Киверстейна поддержали пять лет назад Виктор Вахштайн (признан властями РФ иноагентом) и затем Мария Ерофеева, однако проект осуществился лишь благодаря обсуждению и редакции статьи большим составом редколлегии «Российского журнала когнитивной науки», который, к сожалению, перестал выходить. В результате переводчик этой статьи в меньшей степени имеет право на единоличное авторство и скорее выполнял роль координатора в обсуждении текста, следуя его нелегкой судьбе.

168

Библиография / References

Лаэт М., Мол А. (2017) Зимбабвийский втулочный насос: механика текучей технологии. *Логос*. 27(2): 171-232. EDN: YMICDF.

— Laet M., Mol A. (2017) Zimbabwean bush pump: mechanics of fluid technology. *Logos*. 27(2): 171-232. — in Russ.

Поппер К. (2000). Логика социальных наук. В Лахути Д. Г., Садовский В. Н., Финн В. К. (ред.) *Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики* (р. 298-314). М.: Эдиториал URSS.

— Popper K. (2000). The logic of the social sciences. In Lahuti D. G., Sadovsky, V. N., Finn, W. K. (eds.) *Evolutionary Epistemology and the logic of the social sciences: Karl Popper and his critics* (p. 298-314). Moscow: URSS Editorial. — in Russ.

Mol A. (2022). Material philosophy and the adaptability of materials. *Adaptive Behavior*, 30(6), 517-519. <https://doi.org/10.1177/1059712320984510>

Rietveld E. (2008). Situated normativity: The normative aspect of embodied cognition in unreflective action. *Mind*, 117(468), 973-1001. <https://doi.org/10.1093/mind/fzn050>

Rietveld E. (2022). The affordances of art for making technologies. *Adaptive Behavior*, 30(6), 489-503. <https://doi.org/10.1177/10597123221132898>

Rietveld E., & Kiverstein, J. (2014). A rich landscape of affordances. *Ecological psychology*, 26(4), 325-352. <https://doi.org/10.1080/10407413.2014.958035>

Shapin S., & Schaffer S. (2011). *Leviathan and the air-pump: Hobbes, Boyle, and the experimental life*. Princeton University Press.

Волкова Наталья Алексеевна — MA in Sociology (University of Manchester), магистр градостроительства (ВШУ НИУ ВШЭ), руководитель проектов компании BISAM Central Asia, Алматы, Казахстан. Научные интересы: социальная топология, социология права, социология города. ORCID: 0000-0002-6798-963X. E-mail: chestrek@gmail.com

Nataliya A. Volkova — MA in Sociology (University of Manchester), Master of Urban Development (Vysokovsky Graduate School of Urbanism, Higher School of Economics), Project Lead, BISAM Central Asia, Almaty, Kazakhstan. Research interests: social topology, sociology of law, urban sociology. ORCID: 0000-0002-6798-963X. E-mail: chestrek@gmail.com

Богатый ландшафт аффордансов

ЭРИК РИТВЕЛЬД

ORCID: 0000-0001-5197-142X

ЮЛИАН КИВЕРСТЕЙН

ORCID: 0000-0003-3428-8367

Рекомендация для цитирования:
Ритвельд Э., Киверстейн Ю. (2024)
Богатый ландшафт аффордансов.
Социология власти, 36 (2): 170-206.
<https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-2-170-206>

For citations:
Rietveld E., Kiverstein J. (2024) A Rich
Landscape of Affordances. *Sociology of
Power*, 36 (2): 170-206.
<https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-2-170-206>

Поступила в редакцию: 10.01.2024;
прошла рецензирование: 14.04.2024;
принята в печать: 25.04.2024
Received: 10.01.2024; Revised:
14.04.2024; Accepted for publication:
25.04.2024

This article is an open access article
distributed under the terms and con-
ditions of the Creative Commons
Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© 2024 by the author(s).

Насколько широкий класс аффордансов¹ мы можем воспринимать? Аффордансы [Gibson 1979/1986; Гибсон 1988] — это возможности действовать, определенные для животного средой его обитания через окружающие его вещества, поверхности, объекты и других живых существ. Согласно широко распространенному предположению, аффордансы связаны прежде всего с движением — с перемещением в пространстве и с движениями рук, то есть с возможностью до чего-либо дотянуться и схватить. Мы предлагаем новое представ-

Перевод с англ. выполнен Н. Волковой по: Rietveld E. & Kiverstein J. (2014) A Rich Landscape of Affordances. *Ecological Psychology*, 26(4): 325-352. 10.1080/10407413.2014.958035. Редакторы перевода Екатерина Абрамова, Екатерина Печенкова и Анна Шварц. Перевод согласован с авторами, разрешение на перевод получено от издательства в 2019 году. Переводчик выражает глубокую признательность редакции «Российского журнала когнитивной науки», без комментариев и корректировок которых в переводе были бы упущены многие важные детали.

1 В переводе книги Джеймса Гибсона «Экологический подход к зрительному восприятию» (Москва, 1989) слово affordance переведено как возможность, однако оговаривается, что это возможность особого рода, как на это указывает сам автор. В данном переводе, в силу наличия более устоявшегося перевода affordance как аффордансы, это будет основным переводом (здесь и далее примечания переводчика и редакторов).

ление об аффордансах, согласно которому концепция аффордансов может применяться гораздо шире, чем это допускалось ранее. Мы покажем, что аффордансы, которые среда обитания предлагает животному, зависят от навыков, которыми это животное обладает. Благодаря развитию многочисленных способностей для человека ландшафт аффордансов оказывается очень богатым и насыщенным.

Предлагаемый подход расширяет традиционное понимание аффордансов. До сих пор аффордансы рассматривались как моторные возможности животного или человека, предоставляемые ему внешней средой, например, сидеть, ходить, возможность дотягиваться до предметов или схватывать их и т.п. Основной целью статьи будет создание новой концепции аффордансов (возможностей). Предлагаемое понимание аффордансов показывает, что их использование животными включает реализацию тех или иных способностей в определенном контексте. Мы считаем, что аффордансы, предлагаемые средой обитания, зависят от способностей, доступных в каждой конкретной экологической нише. Предшествующие философские исследования аффордансов отрицали их зависимость от соответствующего развития навыков в каждой конкретной ситуации. Для ученого отрицание этой связи особенно проблематично, поскольку люди вовлечены в различные социокультурные практики. Экологическую нишу человека создает и формирует то богатое разнообразие социальных практик, в которые люди вовлечены. Поэтому далее мы будем развивать подход к аффордансам для людей, который выводит на первый план контекст социокультурных практик. В этом случае обнаруживается, что понятие аффордансов, определяемых средой обитания, значительно шире, чем предполагалось ранее (несколько важных исключений, уже существующих в экологической психологии, представлены в работах [Costall 1999; Neft 2001]). Более того, используя такую расширенную философскую концептуализацию аффордансов, можно лучше оценивать насыщенность среды, в том числе той, которую мы строим сами (городской).

171

В каждой конкретной ситуации способности могут применяться хуже или лучше, адекватно или неадекватно, правильно или неправильно с точки зрения ситуации; таким образом, существует нормативный уровень для использования аффордансов, который также был пока мало изучен. Понятие нормативности обычно рассматривается применительно к сложным речевым практикам, в ходе которых люди обмениваются доводами, но мы утверждаем, что в самом общем смысле оно применимо и к использованию аффордансов в конкретных ситуациях. Предлагаемая статья ограничивается рассмотрением исключительно человеческого поведения, хотя это несколько не преуменьшает значимости типов поведения, которые можно наблюдать как среди людей, так и у животных. Рас-

сматриваемые в статье специфически человеческие умения и опыт, например, используемые при проектировании зданий, традиционно относятся к специфически человеческим или «высшим формам» познания¹. Однако это широкоупотребительное различие между «низшими» и «высшими» формами познания представляется непродуктивным. Нам кажется более подходящим различие, основанное на *уровне развития навыков или опыта* в использовании аффордансов, определяемых средой обитания.

После того как было дано определение связи аффордансов с условиями их использования, становится ясно, как это понятие может стать центральным для объяснения того, что Гибсон называет «целой областью социальных значимостей»² [Gibson 1979/1986: 127-128; Гибсон 1988: 190]. Такой подход открывает новые способы решения вопросов, которые «высшие» формы познания ставят перед исследованиями воплощенного познания³ в когнитивной науке. Мы предлагаем рассматривать «высшие» психические способности через призму умелого участия человека в социокультурных практиках и их материальной реализации. Развитые умения, относящиеся к сфере «высшего» познания, могут быть рассмотрены как избирательное взаимодействие с богатым ландшафтом аффордансов, присутствующих в конкретной ситуации.

Предлагаемая концептуальная система включает несколько полезных различий: аффордансов как таковых и релевантных аффордансов или «требований»⁴, а также аффордансов, доступных в экологической нише человека и экологических нишах животных. Она также позволяет разрешить спор между теоретиками, которые рассматривают аффордансы как доступный ресурс [Reed 1996; Silva, Garganta, Araújo, Davids & Agular 2013], и теми, кто рассматривает

1 Ритвельд и Киверстейн не пользуются словарем Выготского, однако с его текстами работают другие авторы, на которых он ссылается, например Рид. Поэтому, хотя использован перевод, согласующийся с концепциями Выготского, не стоит считать это прямой отсылкой к его работам в данном тексте.

2 В оригинале данного издания Гибсона не “spectrum”, а “whole realm of social significance for human beings”. Это относится ко всем ссылкам на данную цитату в тексте.

3 Embodied cognition: существуют различные варианты перевода данного термина: телесная когнитивная психология/наука, когнитивная наука второго поколения и т. д.

4 Англ. solicitations. Понятие «требований» Ритвельд вводит в статье 2008 года, заимствуя выражение из феноменологии аффордансов Дрейфуса и Келли, где «требования» означают требование среды, которому человек может отвечать, даже не осознавая этого (“experience in which the world solicits a certain kind of activity” [Dreyfus & Kelly 2007: 52]).

их как отношения [Chemero 2003, 2009], поскольку авторы статьи демонстрируют, что аффордансы могут быть определены и как отношение, и как ресурс.

Наконец, развитие теоретического понимания природы аффордансов как отношений оказывается важным для творческих профессий, поскольку оно может сделать человека более открытым использованию доступных ресурсов. Обращение к опыту, накопленному в социокультурных традициях, отличных от своей собственной, позволяет человеку увидеть новые возможности для действия в материальной среде.

Включенность аффордансов в формы жизни

Гибсоновское (1979/1986) понятие аффордансов сложно и неоднократно подвергалось критике, но, согласно общему мнению, аффордансы следует понимать как возможности действия, которые предоставляются животному его средой обитания — окружающими его веществами, поверхностями, объектами или другими живыми существами [Chemero 2003, 2009; Heft 2001; Michaels 2003; Reed 1996]. Гибсон [Gibson 1979/1986; Гибсон 1988] вводит понятие аффорданса¹ следующим образом:

173

«Возможности (affordances) окружающего мира — это то, что он предоставляет животному, чем он его обеспечивает и что он ему предлагает — неважно, полезное или вредное» [p. 127; с. 188].

Упавший древесный лист, например, предоставляет возможность (*afford*) червю утащить его в норку [Darwin 1881; Дарвин 1936; Reed 1996], человеку, который знает, как пользоваться воздуходувкой, — убрать его с дорожки, а ребенку — собрать его в свой гербарий. В целом можно сказать, что поверхности дают возможность (*afford*) передвижения и опоры, вещества — возможности питания и обработки, объекты — возможности манипуляции, животные вовлекаются во взаимодействия, а люди — в «целую область социальных значимостей» одного человека для другого [Gibson 1979/1986: 127-128; Гибсон 1988: 190].

Удобное и четкое определение аффордансов как возможностей действия заслуживает многогранность и богатство значений этого понятия, которые можно найти в работах самого Гибсона [Gibson 1979/1986; Гибсон 1988]. В частности, возникает риск утратить представление о том, как аффордансы, определяемые средой обитания,

¹ В русском дословном переводе «аффордансы» — это «возможности».

связаны со способом жизни животных, а также о нормативности, которая входит в понятие аффордансов в случае человека (см. раздел «Нормативность аффордансов»).

Гибсон, вводя понятие ниши [Gibson 1979/1986; Гибсон 1988]¹, утверждает, что для каждого вида животных характерен особый образ жизни. Экологическая ниша строится и изменяется отдельными особями за счет видоспецифических действий. Все животные активно преобразуют характерные для них экологические ниши, чтобы сделать их более пригодными для проживания. Лаланд, Одлинг-Сми и Фельдман [2000] приводят примеры создания «гнезд, нор, убежищ, тропинок, паутин, плотин и среды с определенным химическим составом» [с. 133]. Важно еще раз подчеркнуть материальный характер среды, которая определяет аффордансы. Во всех приведенных примерах организмы переделывают материальную среду таким образом, чтобы она создавала возможности для действий, которые бы улучшали их жизнь.

Гибсон [Gibson 1979/1986; Гибсон 1988] связывает нишу животных и их образ жизни следующим образом:

174

«В экологии есть понятие *ниши*. Считается, что животные одного вида пользуются определенной нишей в окружающем мире или занимают ее — это совсем не то же самое, что *ареал обитания* вида; ниша скорее указывает на то, как живет животное, чем на то, где оно живет. Я считаю, что ниша — это набор возможностей.

Естественное окружение предлагает много способов существования, и образ жизни различных животных различен. Ниша подразумевает определенный тип животного, а конкретное животное подразумевает определенный тип ниши. Обратите внимание на взаимодополняемость того и другого» [р. 128; с. 190]

Мы развиваем идею Гибсона (Gibson 1979/1986) о том, что одна и та же материальная среда предполагает «много способов существования», а каждый тип или вид животных ведет уникальный образ жизни. Мы считаем, что отправной точкой для создания теории аффордансов должна быть идея Гибсона об «образе жизни» животных. Он ясно дает понять, что аффордансы, которые для конкретного вида животных определяет среда обитания, зависят от образа жизни этого вида. Тем не менее в случае человека, понятие «образа жизни» будет допускать различные толкования, оно может подразумевать как «образ жизни» человечества в целом, так и различные практики, характерные для конкретных культур. Мы считаем, что концепция аффордансов в отношении людей должна охватывать

1 Гл. 8, первый раздел «Ниши окружающего мира».

различия в их «образе жизни» и учитывать богатство и разнообразие социокультурных практик, которые реализуются в экологической нише человека. Рассматривая отношения людей, необходимо будет ввести понятие нормативности социокультурных практик. Предложенное Гибсоном понятие образа жизни поможет нам в описании многообразия аффордансов, доступных различным животным в соответствии с их «образом жизни», но чтобы исследовать разнообразные практики, характерные для человеческого образа жизни, нам понадобится другое понятие. Чтобы справиться с этим теоретическим затруднением, мы заимствуем из работ Витгенштейна понятие «форма жизни».

Форма жизни животного включает характер поведения, то есть относительно постоянные и регулярные способы совершения действий. В случае человека такой повторяющийся характер действий будет определяться нормативным поведением и обычаями человеческих сообществ. Людей объединяют не только биологические характеристики, но и укорененность в социокультурных практиках: разделяемые людьми относительно стабильные способы взаимодействий в ходе совместной жизни с другими (ср. “*feste Lebensformen*”) [Wittgenstein 1993: 397]. Конечно, человеческие практики могут существенно различаться, соответственно, есть много разных форм жизни. Сравните, например, практики академического сообщества и ремесленников. Хотя у них будет много общих способов совершения действий, расхождения также будут существенными. Тим Ингольд [2000/2011] утверждал, что основным различием между этими формами жизни можно считать телесные (*embodied*) навыки действующего субъекта, включенного в структурированное окружение:

175

Многое, если не все, что мы относим к культурному разнообразию, в реальности связано с различиями в навыках. Под навыками я понимаю не работу тела, а способности к действию и восприятию живого существа в целом (неразрывного единства тела и разума, в контексте богатой и насыщенной среды (*richly structured environment*) [с. 5].

Характерное историческое свидетельство и визуализацию «постоянно происходящих процессов», свойственных определенной форме жизни, можно найти в документальном фильме «Социальная жизнь малых городских пространств» [Уайт 1980], в котором Уильям Уайт использует замедленную съемку (*time-lapse camera*), чтобы зафиксировать и проанализировать, когда и где люди сидят или не сидят на площадях Нью-Йорка. В одном из эпизодов (начиная с 19'20) можно увидеть суету в общественном пространстве, в Пейли-парке, с различных точек зрения: с высоты птичьего полета и с высоты роста человека, проходящего через пространство, где сидят другие

люди. Для нас в этой сцене представляет особый интерес метод, которым Уайт варьирует различные способы анализа одних и тех же закономерностей поведения. Описывая, как люди сидят, он делает следующие наблюдения:

«Заметьте... есть тенденция у мужчин занимать передний ряд, а у женщин — задний. И в течение дня эти линии поведения остаются достаточно устойчивыми. И так день за днем. Но этот взгляд олимпийца (*Olympian perspective*) может вводить в заблуждение. С высоты будет ясна логика. Это ближе к правде, но только отчасти. Опуститесь ниже, на уровень человеческих глаз, с которого люди обычно видят пространство, и вы уже не увидите регулярности. Вместо этого будет своеобразная очаровательная пестрота. Люди располагаются так или иначе... Всегда есть возможность выбора».

Обе описанные точки зрения раскрывают различные, но дополняющие друг друга аспекты поведения людей в этом месте. С высоты птичьего полета (например, при замедленной съемке) можно увидеть общий рисунок поведения или социокультурной практики в этом месте, но когда используется крупный план, видно множество способов, которыми люди вовлекаются в реализацию предполагаемых парковым пространством возможностей для действия.

Гибкость, которой обладает понятие «форма жизни», позволяет выделить разнообразие практик в рамках образа жизни человека. Эти практики можно анализировать на трех разных уровнях: как человеческую форму жизни в целом (противопоставленную форме жизни других животных); как конкретную социокультурную практику (например, регулярности, которые видны в способах рассаживания ньюйоркцев); и, наконец, как использование аффордансов отдельными индивидами, что можно увидеть, сфокусировавшись на более детальном рассмотрении этой конкретной практики. Благодаря такому сведению воедино различных уровней анализа понятие формы жизни очень хорошо подходит для определения аффордансов. Понятие формы жизни относится не только к человеку, но и к животным. Витгенштейн [Wittgenstein 1953, para. 223, Витгенштейн 1994, п. 223] не ограничивал применение этого понятия только социокультурными практиками, например, он говорил о форме жизни львов. Концепция формы жизни может быть в равной степени применена к котам, дождевым червям, птицам-ткачам и людям [Hanfling 2002]. Поэтому вместо того, чтобы говорить о тех или иных животных или конкретных видах, как это делает Гибсон, в данной работе мы будем использовать понятие *форма жизни*. При этом форма жизни человека включает многообразие социокультурных практик, как, например, практики, характерные для строите-

лей и архитекторов, о которых пишет Витгенштейн [Wittgenstein 1953, 1978; Витгенштейн 1994, 1999].

Таким образом, первое дополнение, которое мы предлагаем для традиционного определения аффордансов, помещает их в контекст форм жизни. Аффордансы — это возможности для действий, которые среда обитания предлагает форме жизни. Тогда экологическая ниша — это переплетение взаимодействующих аффордансов, доступных для конкретной формы жизни в соответствии со способностями, которые проявляются в ее практиках, устойчивых способах совершения действий. Каждый отдельный аффорданс будет зависеть от экологической ниши. В следующем разделе будет показано, что помещение аффордансов в контекст форм жизни позволяет также анализировать нормативность на уровне социокультурных практик в рамках человеческой формы жизни.

Нормативность аффордансов

Чемеро [2003] предлагает полезную идею: рассматривать аффордансы как *отношения* между «признаками» (*features*) среды и способностями организмов. В этом подходе многое правильно, но нам необходимо развить отдельные положения, которые он не раскрывает. Линия рассуждения, предложенная в предыдущем разделе, показывает, что увязывание аффордансов со «способностями организма» не позволяет перейти к различным уровням анализа, в соответствии с которыми деятельность организма может быть описана. Более корректно будет рассматривать способности в контексте форм жизни. Для людей эти формы жизни будут социокультурными, поэтому способности, которые приобретаются в процессе умелого участия в различных практиках, — это способности адекватно действовать в соответствии со сложившимися нормами. Более того, если сфера способностей, доступных в данной форме жизни, включает способности выполнять действия, требующие квалификации и опыта, тогда становится очевидно, что ландшафт аффордансов гораздо богаче и разнообразнее, чем можно было бы предположить, опираясь на концепцию Чемеро [2003, 2009]. Расширится и спектр человеческого поведения, которое мы можем трактовать как использование аффордансов. Наконец, понятие формы жизни дает дополнительное преимущество, подчеркивая нормативный аспект использования человеком аффордансов, что и будет обсуждаться в данном разделе. Как уже должно быть понятно, в данной работе отстаивается утверждение о том, что люди и другие животные имеют способности, которые проявляются через навыки и умения. Чтобы лучше понять, что представляют собой навыки и как они приобретаются, необходимы наблюдения за различными видами

животных. Ингольд [2000/2011] разработал детальную концепцию навыка и научения, которая может быть применена как к людям, так и к другим животным:

«Так же, как и у человека, который плетет веревочные авоськи, способности птицы-ткача развиваются за счет активного исследования предлагаемых средой обитания возможностей выбора материалов и конструктивных элементов, а также возможностей тела двигаться, занимать определенную позицию или хватать. Кроме того, ключ к успешному строительству гнезда скрыт не столько в самих движениях, сколько в способности птицы добавить движениям изящной точности в соответствии с развитием формы гнезда в процессе его строительства» [р. 358].

И птица-ткач, и человек гибко соотносят свои движения с материальными аспектами доступных аффордансов. В ходе формирования навыка мы узнаем, в каких точках в нашей среде обитания можно найти аффордансы, соответствующие нашим целям, и на какие свойства среды обращать внимание. Формирование навыка у новичка включает в себя, как это называет Гибсон, «воспитание внимания»¹ [Gibson 1979/1986: 254; Гибсон 1988: 361, цит. по: Ingold 2000/2011: 354]. Важным элементом в процессе воспитания внимания будет вовлечение в него уже опытных практиков, которые могут избирательно показывать новичку нужные аспекты среды обитания и их аффордансы.

Важная роль социального и материального скаффолдинга² в процессе приобретения новых навыков подтверждается эмпирическими данными Патрисии Зуков-Голдринг [2012], которая подчеркивает важность «поддерживаемого подражания» (*assisted imitation*) и связи «организм–среда» при овладении речью. Воспитатели помогают младенцам «научиться, на что обращать внимание и что делать» [р. 571]. Они «помогают младенцам понять динамику взаимодействия аффордансов с физическими возможностями тела» [р. 571]. «[Они] вызывают/поддерживают действия, направляя внимание младенцев и позволяя им заметить определенные эле-

1 В русском переводе 1989 года используется выражение «роль внимания в этом процессе» [Гибсон 1989: 361]. Это можно перевести как обучение внимания, а можно как воспитание внимания. — Прим. ред.

2 Англ. scaffolding — буквально «строительные леса»; термин, близкий к понятию зоны ближайшего развития по Л. С. Выготскому. Лежащая в основе понятия скаффолдинга метафора строительных лесов описывает процесс обучения как постепенное выстраивание временных вспомогательных средств, с помощью которых учащийся овладевает новыми знаниями и умениями. — Прим. ред.

менты, отношения и события среди мириад других доступных возможностей» [p. 574].

Таким образом, в процессе воспитания внимания новичка знакомят с некоторой частью мира, которая имеет значение для определенной практики, и указывают ориентиры для деятельности. В результате новичок узнает, какие возможности для действий открывает этот аспект его среды обитания. Рассмотрим описание практики охотников, которое приводит Ингольд [2000/2011]:

«Новые охотники учились, сопровождая в лесу более опытных. В начале новичка инструктировали, на что надо смотреть, и его внимание было сосредоточено на деталях, которые в ином случае он, возможно бы, не заметил: другими словами, предполагалось, что он разовьет сложное перцептивное осознание свойств окружающей среды и возможностей, которые они предоставляют для действия. Например, новичок учился отмечать такие качества поверхностей, которые позволяли сказать, только прикоснувшись, как давно животное оставило этот след и как быстро оно передвигалось... Наставления, которые новичок получал — посмотреть на это, обратить внимание на то и так далее, — становились осмысленными только в условиях его взаимодействия со средой» [p. 37].

179

Когда новички вступают во взаимодействие с определенными аспектами среды обитания, их действия становятся предметом *нормативной* оценки: будут ли их действия хорошими или плохими, корректными или нет, с точки зрения конкретной ситуации. Представьте себе ребенка, который учит названия цветов: в значительной степени обучение детей происходит неявным образом и незаметно через подражание окружающим. В таких ситуациях ребенок учится проявлять интерес к тому, что нужно, с точки зрения того сообщества, в котором он живет. Социальная реакция играет ключевую роль: когда дети правильно называют цвет, их хвалят; если они используют слово не так, как это делается обычно, их поправляют. Когда дети приобретают опыт в назывании цветов, у них появляется интуитивное ощущение, какие употребления слов допустимы, а какие нет. Все свободнее ориентируясь в названиях цветов, они достигают момента, когда сразу непосредственно понимают, какое слово использовать в данном контексте.

Понятие нормативности, которое применяется в данной статье, когда речь идет о вовлечении умелого индивида во взаимодействие с аффордансами, связано с его способностью различать правильные и неправильные, хорошие и плохие, оптимальные и неоптимальные, адекватные и неадекватные действия в специфическом, конкретном материальном окружении. Этот тип нормативности мы

называем *ситуативной нормативностью*¹ [Rietveld 2008], поскольку именно гибкая интерпретация конкретной ситуации позволяет оценить, адекватны действия индивида или нет. Адекватность действий зависит в том числе от общих представлений о том, как должна реализовываться данная социокультурная практика. Тем не менее структуры поведения, которые могут быть выделены в рамках таких практик, в свою очередь появляются благодаря долгому процессу регулирования и адаптации поведения к аффордансам, которые предоставляют вещи как часть конкретного *материального окружения*.

Чтобы действия были адекватными, требуется не только участвовать в «разговоре» (*correspondence*) [Ingold 2013: 7]² или согласовывать свои действия с другими людьми, реализующими данную практику, но *также* сонастраивать свои действия с материальным окружением. Когда я попадаю мимо ступеньки, поднимаясь по крутой лестнице в амстердамскую квартиру, мое поведение при подъеме по лестнице не адекватно, потому что мое взаимодействие с *этой* лестницей не оптимально. Крутые лестницы Амстердама могут быть незнакомы мне, поскольку я недавно переехал в Голландию. То есть мои привычные действия не подстроены под эти специфические лестницы и то, какой характер действия при подъеме по ним они предполагают. Недостаток должного понимания физической формы (*materiality*) данной лестницы делает мое поведение при подъеме неадекватным.

В целом можно говорить о том, что опытные люди лучше знакомы со своим социальным и материальным окружением и способны «сотрудничать» [Ingold 2013: 128]³ с ним; они развивают свои способности, учась, как использовать специфические свойства физической среды, в которой происходит обучение. Результатом обучения становятся способности, укорененные в матери-

1 Англ. термин “situated normativity” близок с выражением “situated cognition”, которое иногда переводится на русский как контекстно-обусловленное. В данном случае контекстом, согласно которому сонастраиваются действия, выступает материальное окружение (ср. оригинал: “the actions being well attuned to material things”).

2 Термин Ингольда *correspondence* можно перевести двумя способами: «состоять в переписке» или «поддерживать разговор». Поскольку понятие «корреспонденций» уже зарезервировано транспортными исследованиями, в данном случае это выражение переведено как «поддержание разговора».

3 Ритвельд ссылается на Ингольда, но цитата, которую приводит Ингольд, из книги Юхани Палласмаа «Мыслящая рука: архитектура и экзистенциальная мудрость бытия». Перевод “collaborations” приведен в соответствии с переводом, данным в этой книге [Палласмаа Ю. (2013) *Мыслящая рука: архитектура и экзистенциальная мудрость бытия*. М.: Классика: 124-125].

альной среде и вплетенные в физическое пространство [Ноё 2009: 51], накладывающие отпечаток на конкретную форму жизни. Можно было бы задаться вопросом, как определяется правильность действий опытного практика или эксперта. Согласно представлению о нормативности у Витгенштейна [Wittgenstein 1953; Витгенштейн 1994], она определяется на уровне конкретных практик, в которые встроены действия индивида. Другими словами, Витгенштейн соотносит нормативность с формами жизни, которые могут быть описаны с разным уровнем детализации при анализе, как это было показано выше на примере наблюдения Уайта [1980] за способами рассаживания людей в Пейли-парке. Следуя логике Витгенштейна, философ Джон МакДауэлл также предполагает, что нерелексивные действия людей существуют даже в рамках коллективных практик [McDowell 1998; Rietveld 2008]:

Как действие может быть одновременно всего лишь «слепой» реакцией на ситуацию, а не попыткой действия в соответствии с интерпретацией... и примером следования правилу...? Ответ: если она принадлежит к определенному типу обычаев (*custom*) (PI 198) [Wittgenstein 1953, para. 198; Витгенштейн 1994, п. 198], определенному типу практик (*practice*) (PI 202) [Wittgenstein 1953, para. 202; Витгенштейн 1994, п. 202]¹ или определенной системе установлений (*institution*) (RFM VI-31)² [Wittgenstein 1956/1983; Витгенштейн 2007; McDowell 1998: 242].

181

Когда человек действует, умело отвечая на предоставленные аффордансы, его действия подвергаются оценке с точки зрения нормативности, поскольку он вовлекается в то, что Витгенштейн называет «слепым следованием правилу» [McDowell 1998; Rietveld 2008; Stein 1997]. То, как понимается нормативность (даже «слепого») следования правилу по Витгенштейну, не связано с тем, как следующий правилу субъект может его описать или как он может оценить условия его применения [Wittgenstein 1953, 1956/1983; Витгенштейн 1994, 2007]. В действительности эксперты сразу ощущают необходимость действовать в соответствии с умениями, приобретенными ими в ходе участия в традициях или практиках. Предполагается, что для успешной координации своей деятельности с активностью других им нужно *действовать в надежном соответствии с социокультурными практиками* или коллективными обычаями, но также *с учетом специфических деталей, характерных*

1 В русском переводе [Витгенштейн 1994] в обоих случаях используется слово «практика», в данном случае оно было заменено в соответствии со значением исходного текста.

2 В оригинале ошибка в ссылке, цитата из RFM VI-32.

для конкретной ситуации, в которой эта деятельность разворачивается. Понимание того, как нужно действовать в конкретной ситуации, будет общим с другими участниками, реализующими данную практику [Stein 1997: 211; Wittgenstein 1953, para. 241; Витгенштейн 1994, п. 241; Wittgenstein 1956/1983: VII-40]. Если опытный индивид делает что-то неверно, его действия будут расценены как отклоняющиеся от того, что должны делать опытные индивиды, относящиеся к его форме жизни. Но важна не согласованность мнений, а согласованность на уровне формы жизни: в том, как совершаются действия (например, в использовании языка), как люди совместно работают и как упорядочивают свои взаимодействия с другими людьми и с материальными элементами среды [Ingold 2000/2011: 163]. Согласно Витгенштейну [Wittgenstein 1953; Витгенштейн 1994: 170]:

«Итак, ты говоришь, что согласием людей решается, что верно, а что неверно? Правильным или неправильным является то, что люди говорят; и согласие людей относится к языку. Это согласие не мнений, а формы жизни» [para. 241; п. 241].

182

Индивидуальная деятельность может быть нерerefлексивной, но тем не менее она не будет не-нормативной благодаря сложному контексту практик, в котором она протекает [Rietveld 2008]. Кавелл [1969: 52] пишет об обучении и преподавании: «Мы говорим слово, и ребенок повторяет его. Что он повторяет? Все, что мы знаем, это то, что ребенок произносит звук, который мы одобряем». Когда опытный человек совершает неправильное действие, он или она мгновенно чувствует отклонение от требований ситуации или от того, что считается приемлемым в данной практике.

Как эти выводы, касающиеся ситуативной нормативности и понятия формы жизни, могут помочь улучшить понимание аффордансов? В начале этого раздела было введено определение, предложенное Чемеро [2003, 2009], согласно которому аффордансы — это отношения между признаками среды и способностями организмов. Чемеро справедливо подчеркивает различие между (по сути, нормативными) способностями и грубыми поведенческими предрасположенностями. «Предрасположенности (*dispositions*), — утверждает Чемеро, — не могут не оправдать надежд. Условия либо подходят, либо не подходят для их проявления» [Chemero 2009: 145]. Он также пишет:

«Даже когда я нахожусь на твердой поверхности, без ветра, будучи трезвым и в идеальном здравии, моя попытка подняться на ступеньку, которая предлагает мне такую возможность, может оказаться неудачной. Это немыслимо в случае предрасположенностей, которые необходимым образом всегда проявляются, если наличествуют условия для их актуализации» [Chemero 2009: 190].

Можно также добавить, что когда индивид адекватно взаимодействует с аффордансом, это чаще всего будет реализацией *навыка*. В процессе его формирования индивиды становятся экспертами по части адекватных реакций и действий, предполагаемых в данной ситуации. Они приобретают все большую способность действовать одновременно умело и неререфлексивно, не раздумывая над тем, как следует поступить. Адекватность действий становится их второй природой. Более того, понимание, как и когда им следует действовать, становится очень точным. Они все больше и больше совершенствуют способность дифференцировать ситуации и распознавать, каких действий требуют обстоятельства каждой конкретной ситуации.

В том, что в основе концепции аффордансов должно лежать понятие способностей, мы согласны с Чемеро [2003, 2009]. Но Чемеро упускает из виду то, что в случае человека эти способности являются способностями индивида, который знает принципы реализации социокультурных практик и которому нужно, чтобы его действия были понятны в соответствии с достигнутым ранее общим согласием о характере действий в рамках этих практик. Нормативные стандарты, в соответствии с которыми взаимодействие действующего субъекта с аффордансами оценивается как более или менее удачное, основываются на практиках или обычаях (*customs*), связанных с определенными формами жизни. Тогда можно предложить альтернативу определению, введенному Чемеро: *Аффордансы — это отношения между аспектами материальной среды и способностями, доступными для данной формы жизни*. Заметьте, что для человека физическая среда будет слепком наших социокультурных практик в социокультурном пространстве. Таким образом, с нашей точки зрения, предпочтительнее говорить об аффордансах как об аспектах (*aspect*) среды, чем использовать термин Чемеро «признаки» среды (*features*)¹. В процессе воспитания внимания новичок научается избирательно выхватывать одни аспекты среды и игнорировать другие.

Реальность аффордансов

Можно возразить, что, понимая аффордансы как отношения между аспектами материальной среды и доступными для опре-

1 В данном случае *aspects* — это именно аспект, а *feature* — как раз свойство, характеристика. Авторы текста не согласны со структурой мира как набором свойств (характеристик, как это бы предполагалось в структуралистских моделях) и подчеркивают аспекты, которые могут потенциально быть замеченными и только тогда становятся свойствами (за это замечание переводчик благодарен АШ).

деленной формы жизни возможностями, мы оставляем под вопросом объективную реальность аффордансов. Разнообразие способностей предполагает, что в рамках одной формы жизни то, что одному агенту (действующему субъекту), обладающему необходимыми умениями, будет представляться как аффорданс, для другого, принадлежащего к этой же форме жизни, аффордансом являться не будет из-за недостатка соответствующих способностей. Таким образом, казалось бы, получается, что существование аффордансов зависит от индивидуальных способностей. Косталл [1999] высказывает похожее сомнение, когда говорит о том, что для человека аффордансы часто представляют собой результат социокультурных практик [Heft 2001: 134]. Каким образом аффордансы для человеческой формы жизни могут быть, с одной стороны, продуктом социокультурных практик, а с другой — существовать независимо от индивидуальных черт? Подобные вопросы могут подорвать убедительность реализма, которого придерживается в отношении аффордансов Гибсон [Gibson 1979/1986; Гибсон 1988; см.: Chemero 2003; ср.: Chemero 2009; см.: Heft 2001]. Целью данного раздела будет отстоять позицию реализма аффордансов, которая основывается как на отношениях с материальной средой, так и на наличии способностей, характерных для конкретной формы жизни.

Вначале разграничим два уровня описания:

1. Форма жизни и составляющие ее структуры поведения (форма жизни, в рамках которой индивиды *потенциально* могут быть вовлечены во взаимодействие с аффордансами за счет имеющегося у них опыта).
2. Конкретная ситуация индивидуального вовлечения во взаимодействие с аффордансами через наработанные умения.

Основным тезисом раздела будет положение о существовании аффордансов, которые не зависят от вовлечения во взаимодействие с ними *конкретного* индивида в конкретной ситуации, но тем не менее существование аффордансов связано с формой жизни. Рид описывает это так [1996]:

«Экологическая ниша доступна для *популяции* организмов, даже если она не в полной мере используется каждым ее членом. Большая часть листьев допускает затыкание ими входов в норки, независимо от того, использует эту возможность или нет *конкретный* дождевой червь» [р. 26,; курсив. — *Авт. статьи*]¹.

1 В тексте Рида содержится отсылка ко второй главе работы: [Дарвин 1936: 139-140].

Вернемся снова к предложенному Чемеро [2003] определению аффордансов как отношений между особенностями среды и способностями организмов. Под «организмом», по-видимому, имеется в виду конкретный организм здесь и сейчас. Представляется, что Чемеро понимает организмы именно в таком индивидуализированном ключе в рамках своей концепции «аффордансов 2.0» [2009]:

«Рассмотрим взаимодействие во времени сенсомоторных способностей *животного* [курсив. — *Авт. статьи*]... и его ниши, которая представляет собой набор аффордансов, доступных животному... Ключевым будет то, что аффордансы и способности не просто определяются в терминах друг друга... но связаны причинно-следственными взаимодействиями в реальном времени и таким же образом зависят от друг друга» [р. 150-151; курсив. — *Авт. статьи*].

Заметим, что любой подход, который будет рассматривать аффордансы чего-либо, например, древесного листа в его отношениях с организмом здесь и сейчас (так, как, кажется, это делает Чемеро [2009] в случае с аффордансами 2.0), в результате приведет к невозможности считать характеристики аффордансов независимыми от воспринимающих их индивидов, или судить о потенциальных возможностях данной среды в том значении, в котором это описывает Рид [1996]. Это не невинная теоретическая ошибка, поскольку ее последствия будут заметны и в общественной жизни. Например, подразумевается, что незанятые школьные здания, аэропорты или принадлежащие государству и закрытые для посетителей дворцы не предлагают никаких возможностей для действий (аффордансов). Для нас это звучит абсурдно, различные способы использования этого пространства очевидны. Более того, подобная позиция способствует тому, что ресурсы этих пространств игнорируются и пускаются на ветер. Мы не приписываем эту ошибку Чемеро [2009]. В другом месте в своей книге он описывает реальность аффордансов как независимую от любого конкретного животного, которое их воспринимает и пользуется их преимуществами [р. 150]. Но тем не менее в его концепция аффордансов 2.0 этот момент остается нечетким.

Предлагаемую нами идею аффордансов, характерных для конкретной формы жизни, можно также найти у Гибсона [Gibson 1979/1986; Гибсон 1988]:

«Понятие возможности ведет свое происхождение от понятий валентности, приглашения, навязывания, но у него есть одно решающее отличие. Возможности, которые сулит наблюдателю тот или иной объект, *не изменяются* при изменении потребностей наблюдателя. Наблюдатель может воспринять, а может и не воспринять воз-

возможность, может обратить или не обратить на нее внимание — это зависит от его потребностей, но возможность... всегда существует и всегда доступна для восприятия. Возможность не присваивается объекту потребностями наблюдателя и актом его восприятия этого объекта. Объект предоставляет только те возможности, которые он предоставляет, будучи таким, каков он есть. Конечно, *то, что объект из себя представляет*, мы определяем в терминах экологической, а не «физической» физики, и поэтому для нас он в первую очередь несет смысловую нагрузку и имеет конкретное значение. Но это значение и смысл нового типа.

Для Коффки ящик, который приглашает отправить письмо, был *феноменальным*, а не *физическим* почтовым ящиком. Однако такая двойственность пагубна. Я предпочитаю говорить о *единственном* реальном почтовом ящике (в системе почтовой связи), который дает возможность человеку, пишущему письмо, отправить его по почте... То, что человек испытывает особое влечение к нему, когда у него есть неотправленное письмо, неудивительно, однако главное то, что почтовый ящик воспринимается как часть окружающего мира — как элемент окружения, в котором мы живем» [р. 138-139; с. 205-206].

186

Как может какой-либо объект «в первую очередь нести смысловую нагрузку», так сказать, объективно, независимо от индивида? Согласно Витгенштейну [Wittgenstein 1953; Витгенштейн 1999], такой тип объективного значения можно понять через форму жизни. Не так важно, как мы что-то делаем. Примечательно, как в приведенной выше цитате Гибсон [Gibson 1979/1986; Гибсон 1988] сходным образом подчеркивает, что, если мы пытаемся понять реальную объективность аффордансов, значение имеет только *практика* (т. е. «система почтовой связи» в сообществе людей), в которой закрепляется способность («написание писем»).

Хотя существование аффордансов не зависит от того, что делает какой-то конкретный индивид, аффордансы не могут существовать независимо от формы жизни. Ниши и формы жизни взаимозависимы, таким образом, если животные, принадлежащие к определенной форме жизни, вымрут, ниша этого вида также перестанет существовать.

Аффордансы составляют лишь аспект ниши, поэтому, если ниша, к которой принадлежат аффордансы, исчезнет, также исчезнут и аффордансы. Тем не менее аспекты материальной среды могут создавать возможности и для других форм жизни, где есть соответствующие способности. Палка, например, может использоваться как грабли для приближения объектов, расположенных вне зоны досягаемости. Для любого животного, обладающего способностью использовать грабли таким образом, они предоставляют аффор-

данс заполучить недоступные до этого объекты. Соответствующая способность предполагает, что грабли можно держать за ручку, а не за зубцы¹.

Если мы согласны с Гибсоном [Gibson 1979/1986; Гибсон 1988] и Ридом [1996] и признаем первичность экологической ниши, рассматривая аффордансы в контексте *форм жизни*, аффордансы приобретают реальность, независимо от того, взаимодействует ли с ними какое-либо конкретное животное здесь и сейчас [ср.: Neft 2001: 132-135]. Стулья в вашем офисе допускают возможность сидения на них, даже когда никто на них не садится или никого нет в здании. Отчасти это материальная структура стульев позволяет кому-либо, кто обладает соответствующей способностью, сидеть на них, независимо от того, использует ли кто-либо эту возможность в данный конкретный момент или нет [ср.: Chemero 2009: 149-150]².

Тогда можно предположить, что аффордансы не связаны со способностями отдельных индивидов, которые их воспринимают и обнаруживают. Существование аффордансов зависит от умений, доступных в рамках определенной практики, или, как мы предпочитаем это формулировать, от способностей, доступных для данной формы жизни в целом. Другими словами можно сказать, что аффордансы связаны с определенной формой жизни, если принадлежащие к ней организмы *потенциально* способны выявить эти аффордансы [Chemero 2009: 149-150; Neft 2001: 132]. Именно отдельные организмы *qua mobile*³, относящиеся к определенной форме жизни, могут выявить аффорданс.

Сравнение с подходом Витгенштейна к пониманию цвета будет полезным, чтобы разобраться, в каком смысле можно считать аффордансы объективно реальными. Относительная независимость от индивидуального восприятия сходна для цветов и аффордансов: окраска объекта не зависит от того, как она представлена в опыте какого-либо конкретного воспринимающего ее индивида. Тем не менее воспринимаемая окраска объектов не является в прин-

1 Здесь есть неявная отсылка к опыту Келера с шимпанзе, когда шимпанзе должны были достать банан с помощью двух палок, каждая из которых по отдельности не позволяла сбить фрукт. Султан (самая умная шимпанзе Келера) смогла соединить две палки, сделав инструмент наподобие «граблей», и тем самым решила поставленную задачу. Опыт был описан в книге 1917 года Келера “Intelligenzprüfungen an Anthropoiden” [«Разум у шимпанзе»].

2 Приведенный пример со стульями описывает проект бюро RAAAF (Rietveld-Architecture-Art-Affordance) Эрика и Рональда Ритвельдов и художницы Барбары Виссер «Хватит сидеть» (“The End of Sitting”) 2014 года.

3 Будучи мобильными (лат.)

ципе независимой от наших практик, например, в определенных ситуациях она может быть связана с практикой использования образцов для различения цветов. Один и тот же окрашенный объект может выглядеть совершенно по-разному в зависимости от условий освещения и восприятия. В рамках социокультурных практик мы вырабатываем способность видеть цвет объекта, несмотря на вариации, связанные с различными условиями восприятия [ср.: Ноё 2012].

Этот вдохновленный работами Витгенштейна подход можно найти и у Джона МакДауэлла [1998], когда он пишет, что хотя цвета не существуют независимо от нашей практики их названия и категоризации, они тем не менее *«присутствуют независимо от конкретного визуального опыта их восприятия»* [р. 146; курсив. — *Авт. статьи*]. Такой вывод поддерживается так называемыми «метаметрическими совпадениями», где физически различные стимулы (т. е. стимулы с различными отражающими свойствами) категоризируются как совпадающие по цвету [Hardin 1988; Thompson 1995]. Аффордансы реальны в том же смысле, как реальны цвета. И те, и другие не зависят от действий конкретного индивида, но зависят от *практик и способностей*, которые характеризуют форму жизни в целом.

188

Аффордансы, доступные в рамках формы жизни, обладают преимуществом перед теми, которые доступны только конкретным индивидам, еще и с другой точки зрения. Рассмотрим изобретения, которые расширяют зону возможных действий, доступных для данной формы жизни. Обычно эти изобретения выстраиваются на основе способностей и аффордансов, уже доступных в рамках различных практик. Они используют уже существующий богатый потенциал, которым обладает среда, например, создавая новые комбинации. Это можно проиллюстрировать примером из истории искусств. Практика масляной живописи стала возможной благодаря изобретению масляной краски, которая была создана путем нового сочетания уже имеющихся материалов: смешивания пигмента и высыхающих масел¹ [BoI 2012]. До изобретения масляной краски высыхающие масла использовались для других целей, а пигмент смешивался с другими веществами — яичным желтком или водорастворимым клеем. Принятое нами определение аффордансов предполагает, что если в существующих практиках уже был отработан навык смешивания пигментов с жидкими связующими, например, с яичным желтком, то *высыхающие масла уже представляли аффорданс создания масляной краски*. С учетом уже существовавших навыков подмешивание высыхающего масла для создания масля-

1 Речь идет именно о растительных маслах, которые выступают в качестве связывающего элемента.

ной краски *существовало как возможное действие в рамках данной формы жизни*, еще когда масляная живопись не существовала, то есть аффорданс или ресурс был доступен еще до того, как кто-либо его использовал. И хотя вопрос соотношения инноваций и аффордансов требует серьезных исследований, приведенный пример показывает, что наше понимание аффордансов позволяет объяснить, как открываются новые аффордансы, и даже строить предположения, как этот тип креативности можно развивать именно за счет применения уже существующих умений к новым аспектам среды.

Как было отмечено во введении, для творческих профессий важно более глубокое понимание природы аффордансов как отношений, поскольку оно предлагает новые способы увеличить нашу открытость для доступных ресурсов. Мы проверили эту идею на практике, включив ее как часть курса по адаптации пустующих зданий в известной школе искусств, Институте Сандберга, Академии Геррита Ритвельда [Rietveld и др. 2014]. Мы предложили студентам провести часть времени, работая в совершенно другой области, далекой от искусства или архитектуры, например, в биологических науках, поиске натуры [для съемок] или контейнерных перевозках. В зависимости от степени погружения в практики, далекие от их области деятельности, студенты выработали новые умения, которые позволили им предложить непривычные и часто неожиданные подходы к адаптации зданий.

189

Таким образом, речь идет о создании новых аффордансов или нетрадиционном использовании существующих. Это требует «прилежной» работы и импорта способностей из традиционно считающихся далекими сфер деятельности [Sennett 2008: 128; Сеннет 2018: 141]. Таким образом, можно говорить о том, что в рамках формы жизни бережного отношения заслуживает не только богатство материальной среды (которую обычно защищают агентства по охране наследия), но и разнообразие ремесел и в целом различных умений. Эти умения и практики также вносят свой вклад в создание богатого ландшафта аффордансов.

Что можно вынести с точки зрения реальности аффордансов из обсуждения, приведенного в этом разделе? В нем утверждалось, что существование аффордансов зависит и от материальной среды, и от способностей, характерных для той или иной формы жизни. Некоторые люди могут играть на пианино, но если люди навсегда утратят знание о том, как играть, пианино перестанут создавать аффорданс исполнения музыки. Тем не менее практики существуют только потому, что материальная среда создает условия для действий, в которых они реализуются. Практики не существуют независимо от материальной среды. Материалы, из которых сделано пианино, обладают порождающими свойствами, благодаря которым они могут быть использованы, чтобы играть музыку. Чтобы до конца понять реальность аффордансов, причинно-следственные связи между

вещами, которыми мы пользуемся в рамках различных практик, не менее важны, чем сами практики и способности. Хотя реальность аффордансов зависит от практик, которые можно найти в рамках формы жизни, это никоим образом не ставит ее под сомнение. Коротко говоря, если бы материальная среда не создавала благоприятные условия для определенных действий, наша форма жизни не включала бы связанные с ними практики. Посмотрите на то, как изобретение нового инструмента, например, водолазного снаряжения, может привести к возникновению новой практики, в данном случае подводного плавания. Точно так же физическая структура высыхающего масла и пигментов сделала возможным создание нового типа краски, использование которой привело к развитию практики масляной живописи. Такое понимание аффордансов, как и социальных, и экологических ресурсов, предполагает, что нестандартное использование навыков может лежать в основе открытия новых аффордансов, связанных с уже известными аспектами среды.

190

Обобщая вышесказанное, можно утверждать, что аффордансы реальны как минимум в двух смыслах. Во-первых, существование аффордансов не зависит от того, пользуются ли ими в данный момент индивиды, представляющие конкретную форму жизни. Будучи свойствами отношения, аффордансы зависят и от аспектов материальной среды, и от способностей, доступных для конкретной формы жизни. Во-вторых, наши практики сами по себе зависят от благоприятных условий, созданных материальной средой, в частности, от причинно-следственных связей между вещами, которые мы ставим на службу нашим целям и используем в своих проектах, например, когда создаем инструменты или используем высыхающие масла, чтобы сделать масляную краску. Конкретные действия, в которые мы вовлечены как участники отдельных практик, адаптируются к (изменяющимся) деталям каждой отдельной ситуации, реализованной в физическом пространстве [Zukow-Goldring 1997, 2012].

Аффордансы представляют собой не просто свойства среды обитания животного, которая рассматривается как физическая или материальная. Аффордансы составляют экологическую нишу конкретной формы жизни, и каждый аффорданс должен быть понят в связи со способностями, присущими данной форме жизни. В случае людей эти способности, как правило, приобретаются в ходе обучения и получения опыта в социокультурных практиках.

Взаимодействие: индивид и аффордансы

Мы показали различие между аффордансами в рамках формы жизни и в том виде, как они представлены для отдельного действующего индивида. Данный раздел будет посвящен второму из этих

уровней анализа. Аффордансы общедоступны и в принципе могут быть обнаружены любым индивидом с соответствующим опытом и тренировкой. На этом уровне действующего индивида аффордансы могут рассматриваться как полезные *ресурсы*, уже доступные в среде обитания, которые могут быть использованы при наличии соответствующих способностей [Reed 1996; ср.: Chemero 2009: 136-140]. Среда предлагает отдельному животному условия для действия независимо от его меняющихся способностей (играют свою роль не только умения, но также усталость или болезнь) и текущих забот.

Что делает один аффорданс более предпочтительным, чем другой, с точки зрения забот индивида в той или иной ситуации? Это одна из нерешенных и острых научных проблем. В недавней работе, посвященной аффордансам и применимости этого понятия, например, к архитектуре, Роб Витаген и его коллеги пришли к выводу, что можно наблюдать «явный прогресс» в понимании связи между телом и аффордансами. Но несмотря на это понимание:

«...приглашающий характер среды все еще требует исследований. В каких случаях аффордансы *настойчиво требуют* движения? В течение следующих нескольких лет мы надеемся сотрудничать с артистами, архитекторами и... дизайнерами, чтобы лучше понять приглашающий характер аффордансов. Такое понимание может стать важным для создания более здоровой городской среды, в которой люди активно перемещаются» (перевод авторов статьи) [Jongeneel, Withagen, Caljouw & Smith 2014: 8]; см. также; [Withagen, de Poel, Araújo & Pepping 2012] (курсив. — *Авт. статьи*).

191

Эксперты могут использовать наработанные умения при любом столкновении с внешней средой [Dreyfus 2002; Thompson 2007; Varela, Thompson & Rosch 1991]. Они встречаются со средой, переполненной аффордансами, и вычлениают из всех доступных аффордансов именно те, что соответствуют их интересам, предпочтениям и потребностям (т. е. тому, что далее будет называться «заботами») в данной ситуации. Им не нужно осознанно выбирать из всех действий, которые они могут совершить, именно ту последовательность действий, которая будет адекватна текущей ситуации. Они воспринимают, какое действие в данной конкретной ситуации требуется. В целом, по мере того как индивиды нарабатывают навыки, возрастает их способность адаптировать свои действия под специфические требования ситуации, в которой они оказываются. То, что опытные люди учатся делать годами, возвращается к ним в виде осмысленного восприятия мира. Мерло-Понти [Merleau-Ponty 1945/2002: 138; Мерло-Понти 1999: 183] называл этот отклик «интенциональной дугой» [ср.: Dreyfus 2002]. По мере того как агенты (действующие субъекты) становятся чувствительнее к различиям

между ситуациями, они также становятся все более чувствительными к отклику на свои действия. Они развивают очень детальный и критический взгляд на степень адекватности своих действий и их последствия, учась воспринимать, что адекватно, а что нет. Более того, развитие такой критической способности происходит неосознанно. Точные действия, адекватные требованиям конкретной ситуации, становятся второй природой агентов. Если продолжить метафору ощущений, эксперты обладают «нюхом», который позволяет им моментально «учуять», какие возможности для действий окажутся лучше или хуже в заданной ситуации.

Уже отмечалось, что в любой ситуации среда предлагает множество возможностей для действия. Некоторые аффордансы, предоставляемые средой, будут неактуальны для агента, поскольку они не соотносятся с его текущими заботами. Другие аффордансы сохраняются в периферийной зоне, как потенциально актуальные для него. Так, стакан воды, который стоит на моем столе, приготовлен, чтобы я смог попить, когда мне это понадобится. Аффорданс (стакан с водой, чтобы пить из него) становится требованием, когда он соответствует нашим динамично изменяющимся потребностям (например, возникает жажда) или, точнее, когда он способствует лучшему контролю (*one's grip*) над изменяющейся ситуацией [см.: Bruineberg & Rietveld 2014: 2-4]. Наконец, есть аффордансы, которые требуют от субъекта сделать что-то здесь и сейчас, как, например, дверная ручка, которая приглашает потянуть за нее, когда мы хотим войти в закрытую комнату. Каждый аффорданс может стать актуальным, когда он настойчиво приглашает (требует) или мотивирует индивида к действию, адекватному для текущей ситуации.

Способность действовать адекватно в соответствии с аффордансами в конкретной ситуации зависит от быстро меняющихся умений и забот каждого животного. Конкретные аффордансы, которыми можно воспользоваться в заданной ситуации, будут варьировать в зависимости от текущей деятельности и забот индивида. Один аффорданс может побуждать нас к действию сильнее, чем другой. Например, можно «испытывать особое влечение» к почтовому ящику, когда собираешься послать письмо [Gibson 1979/1986: 139; Гибсон 1988: 206]. Таким образом, то, что можно назвать «характером требования» (*“demand character”*) или «настойчивым требованием» (*“solicitation”*) [Dreyfus & Kelly 2007: 52] аффорданса, действительно связано с текущими заботами индивида (в отличие от существования самого аффорданса). Обычно только те аффордансы, которые улучшают контроль индивида над ситуацией [Bruineberg & Rietveld 2014: 2-4; Rietveld 2012a], будут приглашать его к действию и обладать свойством настойчивости.

Требования аффордансов проявляются в телесном состоянии «готовности к действию» [Frijda 1986, 2007]. Обнаружение аффорданса,

который соответствует тому, что заботит индивида в данной ситуации, способствует появлению телесно воплощенной «готовности к действиям» [Rietveld 2012a, 2014]. Во множестве реальных ситуаций многочисленные состояния готовности к действию взаимодействуют между собой, формируя динамику и направление действия.

Различие между аффордансами и требованиями важно, поскольку из множества аффордансов, доступных представителю данной формы жизни в конкретном месте в данный момент, большинство будет неактуально для индивида. Аффордансы, которые заставляют нас действовать, — это лишь те, которые актуальны с точки зрения наших забот. Без этого различения логично возникает вопрос, почему наш взгляд выбирает определенные актуальные аффордансы из ландшафта, включающего множества других (*landscape of affordances*). Более того, без этого различения архитекторы и исследователи человеческого движения [см.: Withagen et al. 2012], заинтересованные в создании более здоровой жилой среды, не смогут понять, почему некоторые аффордансы побуждают к движению, а другие не несут в себе такого настойчивого требования.

Мы предполагаем, что причиной того, что мы в большей степени готовы уступить требованиям одних аффордансов, нежели других, выступают уже имеющиеся у нас способности и заботы. Кроме того, когда введено понятие требования, можно также понять, как иногда мир может *мотивировать* нас действовать определенным образом. Когда мы испытываем склонность к конкретному действию, это происходит потому, что от нас этого требует одна из многих возможностей действия, доступных в данной ситуации.

193

Аффордансы для «высших» форм познания

В предыдущем разделе было показано, что гибсоновское понятие аффордансов [Gibson 1979/1986; Гибсон 1988] может трактоваться очень широко, включая большой набор явлений, которые могут быть найдены в рамках конкретной формы жизни. Нет никакой нужды ограничивать взаимодействие с аффордансами узким кругом двигательных навыков (например, брать чашку, забираться по лестнице, сидеть на стуле). Доступное людям разнообразие аффордансов так же богато, как способности и социокультурные практики, в ходе которых мы социализируемся, «усваивая навыки» [Ingold 2000/2011: 36]¹. Такое «усвоение навыков» может быть реализовано только в уже

1 Понятие Ингольда *enskilment* введено им как противопоставление *enculturation*, этим он противопоставляет следование общественным нормам следования за поведением более опытных людей.

упорядоченном материальном пространстве. Некоторые человеческие способности разделяются всеми, некоторые нет, из-за того, что все участвуют в различных социокультурных практиках. Гибсон справедливо отметил, что аффордансы включают «целую область социальных значимостей» [р. 128; с. 190], и поскольку на высшем уровне развития, когда вокализация становится речью, а рукотворные объекты для показа — картинами и письменами, человеку открываются поистине *ошеломляющие возможности* [р. 137; с. 203; курсив. — *Авт. статьи*].

Уникальная способность человека использовать речь создает несравнимую по насыщенности и многообразию (*complexity*) предоставляемых для действий возможностей [экологическую] нишу. Язык открывает нам возможность отвечать за свои слова и действия перед другими людьми. Мы считаем, что практики объяснения и выяснения мотивов поступков также можно объяснить в терминах умелого взаимодействия с аффордансами. Такие способности и практики обычно не рассматриваются в рамках экологической психологии. В этом преимущество предлагаемого подхода к исследованию аффордансов — он может быть применен и к так называемым «высшим» способностям человека. Например, к таким функциям будет относиться умение строить *адекватные* перцептивные суждения — базовая способность, лежащая в основе пропозиционально артикулируемых форм знания. Так, когда мы выходим поискать листья мяты, чтобы сделать чай, а кто-то из друзей тянется за крапивой, мы можем остановить его или ее, сказав: «Это не лист мяты, это крапива». Поступая так, мы как опытные пользователи используем аффордансы, которые листья крапивы имеют в нашей форме жизни: этот лист предоставляет возможность сделать корректный вывод, что для нашей формы жизни это крапива.

Вернемся к ранее поднятому вопросу, как можно определить, насколько правильно поступает умелый пользователь. Когда мы судим о среде определенным образом (например, что данный лист — лист крапивы), мы отвечаем перед другими людьми за то, что мы сказали. Суждения, которые допускает среда, частично зависят от способностей, которые реализуются в социокультурных практиках, и то, правильно мы отвечаем или нет, начинает зависеть от степени согласованности с этими практиками. Приемлемость действия будет определять то, как мы реализуем конкретную практику. Соответствие действия коллективным практикам показывает, правилен ли ответ на аффорданс. Но если это так, не теряем ли мы связь с объективной реальностью? Может возникнуть ощущение, что основа нашего суждения больше не связана с объективной реальностью. Кажется, что вместо этого пра-

вильность суждения зависит от того, согласуется ли оно с тем, что другие члены сообщества будут говорить или, если взять шире, делать. Когда аффордансы оказываются сведены к способностям, доступным в рамках определенной формы жизни, возникает риск потерять сцепление с эмпирической реальностью, на которой основывается объективность наших эмпирических суждений. Как можно решить эту проблему?

Мы предложили считать аффордансами только те аспекты среды, которые связаны со способностями, доступными в определенной форме жизни. Таким образом, правильность суждений будет зависеть и от материальной среды, и от социокультурной практики. Простой пример: красная ручка не допускает заполнения таможенной формы, которая должна быть заполнена синей. Красная ручка не предполагает возможности действия отчасти из-за чернил — физический факт о ручке, который может рассматриваться как ограничивающее условие среды, — но также из-за норм, которые регулируют заполнение таможенных форм, это требования, связанные с практикой их заполнения. Эмпирические ограничения нашего перцептивного суждения в этом случае имеют источником не чей-либо личный внутренний опыт, но аффордансы среды, присутствующие в нашей нише.

195

С учетом вышесказанного можно обратиться к примеру с восприятием обрыва, который приводит Гибсон [Gibson 1979/1986: 157-158; Гибсон 1988: 203-204]. Гибсон отмечает, что у восприятия аффордансов края обрыва есть определенный приоритет. Он пишет: «...животные нуждаются не в восприятии компоновки как таковой, а в восприятии *аффордансов* этой компоновки» [р. 158-159, с. 203-204]. Описываемые возможности данной формы жизни, компоновка (или, если рассматривать ее шире, структура) среды обитания допускает множество вариантов действий: ее можно наблюдать, можно ее адекватно описать как обрыв, можно лечь на землю и посмотреть за край обрыва, можно утверждать или выносить суждение о том, что этот обрыв небезопасен для проведения детского футбольного матча, можно взять частицу вертикальной стены обрыва и проанализировать ее в химической лаборатории и так далее. Важно также заметить, что есть определенные вещи, делать которые обрыв не допускает. Это не тот случай, когда возможно все. Есть определенные *ограничения*, которые накладывает на нас материальность и компоновка среды или ее поверхностей, так же как практики, в которых мы участвуем, и способности, которыми мы обладаем: например, край обрыва не предполагает возможности передвигаться по нему, назвать его плоскостью или полететь на нем в Нью-Йорк.

Возможность правильно назвать эту часть ландшафта обрывом — очевидный пример аффорданса, в основе которого лежит

нормативность. Этот тип аффордансов важен для философов, поскольку умение правильно видеть и определять вещи как они есть является фундаментальным для получения знаний. Для последователей Гибсона такой подход тоже должен быть важен, поскольку когда Гибсон [Gibson 1979/1986; Гибсон 1988] описывает аффордансы как «целую область [курсив. — Авт. статьи] социальных значимостей» [р. 127-128; с. 190], это очевидным образом связано с поиском знаний.

Таким образом, можно предположить, что аффордансы в правильном их понимании уже накладывают необходимые ограничения со стороны эмпирической реальности на наши эмпирические суждения. Похожие рассуждения можно найти и у Гибсона [Gibson 1979/1986; Гибсон 1988]:

«Если возможности вещей воспринимаются правильно, мы говорим, что они выглядят такими, каковы они *есть*. Но мы, конечно, должны *уметь* видеть, чем является вещь на самом деле. Например, лист, который выглядит вполне невинно, может оказаться крапивой, а раздающий обещания политик — демагогом. И научиться этому порой бывает очень трудно» [р. 142; с. 211].

196

Можно сказать, что вещи позволяют понять, каковы они есть. Например, буквы, которые появляются на экране ноутбука, на котором мы готовим презентацию в PowerPoint, дают возможность правильно распознать, что они красного цвета, как и было задумано. Когда мы покупаем галстук в магазине, галстук позволяет оценить, какого он в реальности цвета, если отнести его в ту часть магазина, где есть естественное освещение. Галстук предполагает возможность такого действия только потому, что мы приобрели способность правильно судить о цветах, то есть практическое понимание, как может изменяться цвет объекта в зависимости от различных условий освещения. Более того, обычно, когда мы используем аффорданс, мы совершаем точные действия, которые подстроены и гибко калибруются под то, чем являются вещи в данной конкретной ситуации, например, в работе архитектора [см.: Rietveld 2008]. Конкретная деятельность, в которую мы вовлечены как участники определенных практик, адаптируется под (изменяющиеся) условия данной материальной ситуации. Сходные наблюдения сделали исследователи, занимающиеся распределенными когнитивными процессами (*distributed cognition*), хотя они и описывают их, используя принципиально иной концептуальный подход [Hutchins 1995; Pettu 2010].

Именно внешний мир, настойчиво предлагающий актуальные аффордансы, с которыми индивид сталкивается в конкретной ситуа-

ции, побуждает его предпочесть одно действие другому. Пока я печатаю этот текст, сам того не замечая, вовлекаюсь и пью кофе из чашки, которая стоит рядом с моим ноутбуком. Тем самым я использую один из множества аффордансов чашки. Моя чашка с кофе приглашает меня выпить кофе из нее, но также предлагает возможность воспользоваться речью и сказать, что на чашке, которую я беру, написано «1369 COFFEE HOUSE».

Проведенный анализ аффордансов позволяет создать структуру для понимания различий и сходства между животными и людьми:

«Люди — это животные, развивающиеся на нашей планете, так же как все остальные животные. Мы уникальны тем, что мы имеем особый образ жизни — свою собственную экологическую нишу, если угодно, — но каждый вид животных также ведет уникальный образ жизни» [Reed 1996: 96-97].

Любые различия, которые можно провести между людьми и другими животными, связаны со *способностями*, развитыми в рамках различных [экологических] ниш и практик. В нашей нише — нише формы жизни, которая характеризуется способностью к речи, — от умелого пользователя языка может требоваться множество вещей, которые люди могут делать с помощью слов [Austin 1962; Н. Н. Clark 1996].

197

Заключение: значение подхода к аффордансам с точки зрения умений и практик для эмпирических исследований, философии и общества

Проведенный в статье анализ аффордансов имеет не только философское и теоретическое значение, как мы показывали до сих пор, но также может способствовать решению ряда проблем, давно существующих в когнитивной науке (в сфере воплощенного и ситуативного познания). Возьмем, например, чувствительность к контексту, характерную для интуиции эксперта, или умелое взаимодействие с повседневной средой обитания. Проблема, как охарактеризовать и выделить *контекст* ситуации, до сих пор остается нерешенной в когнитивной науке [Barrett, Mesquita & Smith, 2010; Dreyfus 2008; Haselager & Van Rappard 1998; Wheeler 2005]. Как можно научно обосновать способность агента выбрать подходящий поступок в конкретной ситуации с учетом того, что всегда есть неисчислимое количество возможных действий? То, как мы определяем аффордансы, может помочь ученым в постановке правильных вопросов для решения этой проблемы. Интересно, что в рамках нашего подхода

«контекст» следует понимать как богатый ландшафт аффордансов, в котором разворачивается умелое действие. Как видно из предыдущей части, аффордансы для «высших» форм познания — просто еще один набор аспектов, которые могут быть найдены в ландшафте аффордансов. Когда мы начнем лучше понимать характер умелого взаимодействия с этим ландшафтом, мы начнем лучше понимать и чувствительность к контексту [см.: Bruineberg & Rietveld 2014; Kiverstein & Rietveld 2012; Rietveld 2008, 2012b; Rietveld, De Haan & Denys 2013]. Таким образом, контекст возвращается в когнитивную науку.

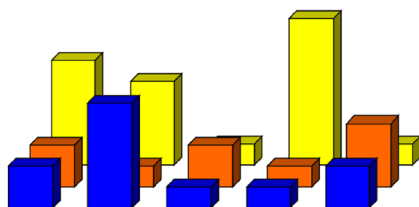
Исследования воплощенного познания [Chemero 2009; Thompson 2007; Varela et al. 1991] с самого начала сталкиваются с упреком, что, хотя объяснительные модели, которые они предлагают, хорошо работают для сенсомоторного поведения, они оказываются неприменимы к ситуациям, связанным с так называемыми «высшими» формами познания [Kirsh 1991]. Примеры «высших» форм, которые обычно приводят, включают умение рассуждать на отвлеченные темы, об отсутствующих или несуществующих вещах, понимание речи, решение математических и логических задач. Все это представляет собой примеры познания, «нуждающегося в репрезентациях» (*representation-hungry*) [A. Clark & Toribio 1994]. Исходя из того, что эти формы познания зависят от действий с разными типами репрезентаций, можно предположить, что они не могут быть объяснены в терминах использования аффордансов. Но если тем не менее всерьез признать, что аффордансы зависят от способностей, доступных для данной формы жизни, то открываются новые возможности решения проблемы, которую представляют собой «высшие» формы познания для теории воплощенного познания. Тогда становится возможным рассматривать «высшие» познавательные способности в терминах умелых действий в рамках реализации практик и в терминах используемых в этих практиках материальных ресурсов.

С этой точки зрения предполагаемый разрыв между «низшими» и «высшими» формами познания представляет собой в значительной степени искусственную и проблематичную дихотомию. Так же как и развитая «низшая» познавательная деятельность, «высшие» функции познания могут быть представлены как избирательно вовлеченные в конкретных ситуациях во взаимодействие с богатым ландшафтом аффордансов. Это требует исследования «высших» форм познавательной деятельности в контексте тех конкретных ситуаций реальной жизни, в которых они разворачиваются. Как, например, архитекторы используют аффордансы для решения проблем, возникающих в процессе проектирования [Rietveld et al. 2014]?

На самом примитивном уровне, общем для нас и других животных, восприятие можно понимать как открытость к аффордансам. Как было показано, этот вывод важен для философии. Открытость к аффордансам может быть описана как готовность индивида использовать релевантные возможности для действия. Если точнее, открытость к аффордансам включает готовность действовать в соответствии с данной конкретной ситуацией, к которой мы готовы и в которой знаем, как действовать, за счет обучения, полученного в ходе наработки навыка [ср.: McDowell 1998: 64].

Последняя область, в которой мы начали применять идеи, изложенные в этой статье, — это психиатрия. Эти идеи позволяют понять, какие изменения переживают пациенты с обсессивно-компульсивным расстройством (ОКР), которые проходят лечение с помощью глубокой стимуляции мозга (ГСМ) [DBS; De Haan, Rietveld, Stokhof & Denys 2013; Rietveld et al. 2013]. В этих работах мы предполагаем, что некоторые психиатрические расстройства могут в целом влиять на взаимодействие с аффордансами, нарушая способность личности отвечать на социальные аффордансы, пространственные аффордансы, познавательные аффордансы и способность рефлексировать. Данная гипотеза успешно помогла нам проинтерпретировать изменения в субъективных отчетах пациентов с ОКР, которым провели ГСМ. Пациенты испытали быструю и глобальную смену способности ориентироваться в окружающем мире, которую не удастся адекватно зафиксировать с помощью привычных психиатрических шкал «Диагностического и статистического руководства по психическим расстройствам» [DSM-5, Американская психиатрическая ассоциация 2013]. Руководство традиционно делает акцент только на симптомах и игнорирует глобальные эффекты расстройств: в сфере социальных взаимодействий, степени открытости личности окружающему миру и использования аффордансов, которые предлагает среда обитания. Если ставить целью понять влияние ГСМ на пациента и его благополучие, необходимо обратить внимание на изменения во взаимодействии пациентов с аффордансами и в субъективном опыте пациентов (first-person experience). Благополучие пациентов является важным фактором, который учитывается при подборе параметров ГСМ и проведении лечения в целом.

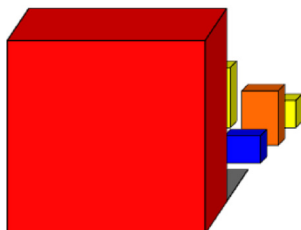
Благодаря сочетанию методов количественных исследований и феноменологического анализа опыта пациентов с опорой на анализ аффордансов, проведенный ранее, мы обнаружили, что весь характер жизни пациентов в реальном мире, по-видимому, изменился после ГСМ [De Haan et al. 2013] (см. рис. 1).

(а) Нормальное состояние

(б) Депрессия

(в) ОКР

Рисунок 1. Схема различных областей актуальных аффордансов¹. Из De Haan, Rietveld, Stokhof and Denys [2013: 7]. © De Haan, Rietveld, Stokhof and Denys. Creative Commons license applies.

Пояснения к иллюстрации из исходной публикации: «Высота указывает на степень значимости, в то время как цвета призваны показать доступность аффективной значимости. Аффорданс может быть очень актуальным, потому что он кажется опасным для жизни (например, красным), или потому что он связан с человеком, в которого мы влюблены (например, розовый)».

Предложенная нами концептуализация воплощенного познания, ключевыми понятиями которой стали готовность к аффордансам

1 Оригинальное название: Sketch of different fields of relevant affordances. From De Haan, Rietveld, Stokhof, and Denys (2013, p. 7). Цветные версии одной или нескольких иллюстраций можно найти онлайн на сайте tandfonline.com/heco.

и вовлеченность в их использование, позволила выделить и систематизировать значительное количество изменений в непосредственном опыте пациентов. Конкретнее, мы предположили, что изменения у пациентов с ОКР после лечения ГСМ происходят по трем измерениям их взаимодействия с полем актуальных аффордансов: (а) полнота спектра используемых аффордансов («ширина»); (б) временной горизонт/предвосхищение («глубина»); (в) актуальность или настойчивость требований (solicitation) воспринимаемых аффордансов («высота»). С учетом влияния ГСМ можно прийти к выводу, что после завершения курса лечения пространство актуальных аффордансов пациентов отражает их цели за пределами (доминировавшего до этого) постоянного стремления снизить напряжение и беспокойство, характерное для ОКР. После того как сняты накладываемые тревогой искажения, пространство аффордансов пациентов отражает то, что на самом деле важно для них. Другими словами, благодаря курсу ГСМ восстанавливается более разнообразное и сбалансированное поле актуальных аффордансов.

Идея того, что множество аффордансов, доступных человеку как виду, находятся в публичном доступе, имеет огромное социальное, культурное и экономическое значение. Например, в такой перспективе необычайно богатым сосредоточием ресурсов представляются пустующие здания. Огромный потенциал этих ресурсов был исследован в рамках экспозиции *Vacant NL* на Венецианской архитектурной биеннале в 2010 году и представлен в «Голландском атласе пустых пространств» (*Dutch Atlas of Vacancy*). В Нидерландах сегодня сотни зданий, находящихся в государственной собственности, простаивают незанятыми. Эти здания представляют огромное разнообразие пространств, так как они были построены для различных целей: маяки, больницы, водонапорные башни, фабрики, аэропорты, ангары, офисы, оздоровительные центры, крепости, бункеры, школы, бассейны и многие другие. Эти уникальные здания построены в разные времена в соответствии с функциями, технологиями и использованием материалов, характерным для каждого отдельного периода. Поэтому эти здания *неповторимы* (*nonreproducible*). Благодаря их разнообразию незанятая собственность предоставляет бесчисленное количество аффордансов [Rietveld et al. 2014]. Незаменимые возможности для действия, предлагаемые пустующими пространствами, будут провоцировать всевозможные эксперименты со стороны предпринимателей (или даже шире, организаторов), обладающих оригинальными идеями, когда будет открыт доступ к этому резервуару ресурсов. Например, пустующая школа, если ее открыть, будет продуктивным местом в ландшафте аффордансов, которое может быть использовано для различных целей: для показа кино, как галерея или рабочее пространство для молодых разработчиков приложений.

Наша экологическая ниша гораздо богаче, чем можно было бы предположить. Частично ее потенциал зависит от множества физических структур (например, зданий различных эпох и культур), а частично он связан с набором разнообразных человеческих способностей. Каждая конкретная ситуация предлагает огромное количество ценных возможностей для действия, которые могут мотивировать человека (некоторые аффордансы делают это уже тысячами, например, возможности для социальных взаимодействий, связанные с очагом, костром и красителями). Поскольку эти действия могут быть полезны и для нас, наша открытость аффордансам и их исследование приобретают смысл.

«Восприятие возможностей... это процесс восприятия экологических объектов, насыщенных значениями. Любое вещество, любая поверхность, любая компоновка обязательно кому-нибудь предоставляют какие-то возможности (полезные или вредные). Физика может обойтись без значений, а экология — нет» [Gibson 1979/1986: 140; Гибсон 1988: с. 207].

Учитывая, что все эти ценные аффордансы находятся в публичном доступе, можно ли утверждать, что только наши невежество и неумение ограничивают обращение к этим потенциально ценным ресурсам в ходе наших практик? Если да, то такой вывод может потребовать пересмотра образовательных практик [Rietveld et al. 2014]. Должны ли мы уделять больше внимания развитию умений находить нетрадиционные, но актуальные аффордансы? Должны ли мы сами, как российский император Петр Великий, расширять свой горизонт за счет знакомства с практиками других (суб)культур, чтобы перенять их умения и научиться воспринимать ценные аффордансы, которыми они пользуются? То, что полезно для них, может представлять интерес и для нас.¹

1 *Благодарности.* Мы благодарим Дуарто Араухо, Маржولين Бол, Анн Брауверс, Майкла Браунштейна, Леона де Бруин, Йелле Брюйненберга, Алана Косталла, Дамиана Дэниса, Ами Дики, Гуса Дикса, Добри Дотова, Саннеке де Хаан, Нико Фрейда (Фриджа), Геррита Гласа, Яну ван Грюнсен, Сару Хейниямаа, Фреда Кейзера, Шона Келли, Пима Классена, Джоэла Крюгера, Доротею Легран, Марека МакГанна, Клэр Михаэлс, Дэрмота Морана, Яна Слаби, Марка Слорса, Мартина Стохова, Дерекка Страйбоса, Расмуса Тибо Йенсена, Пауля Возстерманса, Мартена ван Вестена и Робба Витагена за комментарии, предложения, критику и обсуждение более ранних версий этой статьи. Мы также плодотворно обсуждали ее со многими другими коллегами, в том числе в рамках семинаров, организованных в Ирландской королевской академии (Дублин), Университете Питтсбурга, Университете Эдинбурга, Университете Амстердама (Департамент философии и Центр когнитивных наук (CSCA)), Университете Антверпена, Свободном университете (Берлин), Университете Неймегена имени святого Радбода Утрехт-

Библиография / References

- American Psychiatric Association (2013) *Diagnostic and statistical manual of mental disorders* (5th ed.). Arlington, VA.
- Austin L. (1962) *How to do things with words: The William James Lectures delivered at Harvard University in 1955*. Oxford, UK: Clarendon Press.
- Barrett L. F., Mesquita B., & Smith E. R. (2010) The context principle. In B. Mesquita, L. F. Barrett, & E. R. Smith (Eds.), *The mind in context*, 1–24. London, UK: Guilford Press.
- Bol M. (2012) *Oil and the translucent: Varnishing and glazing in practice, recipes and historiography*, 1100–1600.
- Bruineberg J., Rietveld E. (2014) Self-organization, free energy minimization, and optimal grip on a field of affordances. *Frontiers in Human Neuroscience*, 8(599). <https://doi.org/10.3389/fnhum.2014.00599>
- Cavell S. (1969) *Must we mean what we say?* New York, NY: Scribner's Sons.
- Chemero A. (2003) An outline of a theory of affordances. *Ecological Psychology*, 15(2): 181–195. https://doi.org/10.1207/S15326969ECO1502_5
- Chemero A. (2009) *Radical embodied cognitive science*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Clark A., & Toribio P. (1994) Doing without representing. *Synthese*, 101(3): 401–431. <https://doi.org/10.1007/BF01063896>
- Clark H. H. (1996) *Using language*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Costall A. (1999) An iconoclast's triptych: Edward Reed's ecological philosophy. *Theory & Psychology*, 9: 411–416.
- Darwin C. R. (1881) *The formation of vegetable mould, through the actions of worms, with observations on their habits*. London, UK: John Murray¹.
- De Haan S., Rietveld E., Stokhof M., & Denys D. (2013) The phenomenology of deep brain stimulation-induced changes in OCD: An enactive affordance-based model. *Frontiers in Human Neuroscience*, 7(653), 1–14. <http://dx.doi.org/10.3389/fnhum.2013.00653>

203

ского, Университете Гронингена, Центре исследований субъективности (Копенгаген), в рамках Европейского воркшопа по экологической психологии и конференции Международной ассоциации тюрем и колоний в Лиссабоне. Особая благодарность Тони Чемеро, Гарри Гефту, Хуберту Дрейфусу и Алву Ноз за консультации, касающиеся Гибсона, а также рецензентам и редактору журнала «Экологическая психология» за их комментарии. Финансовая поддержка. Эрик Ритвельд благодарит за финансовую поддержку, которую он получил от Нидерландской организации научных исследований (NWO) в виде гранта по программе VIDI. В оригинале список дан в алфавитном порядке фамилий; чтобы не нарушать соответствия английского и русского написания имен, сохранен порядок перечисления имен в оригинале.

- 1 Рус. перевод: Дарвин Ч. (1936) *Образование растительного слоя земли деятельностью дождевых червей и наблюдения над их образом жизни*. СПб.: Биомедгиз.

Dreyfus H. L. (2002) Intelligence without representation: Merleau-Ponty's critique of mental representation. *Phenomenology and the Cognitive Sciences*, 1: 367–383. <http://dx.doi.org/10.1023/A:1021351606209>

Dreyfus H. L. (2008) Why Heideggerian AI failed and how fixing it would require making it more Heideggerian. In P. Husbands, O. Holland, & M. Wheeler (Eds.), *The mechanical mind in history* (pp. 331–371). Cambridge, MA: MIT Press.

Dreyfus H. L., Kelly S. D. (2007) Heterophenomenology: Heavy-handed sleight-of-hand. *Phenomenology and the Cognitive Sciences*, 6: 45–55. <http://dx.doi.org/10.1007/s11097-006-9042-y>

Frijda N. H. (1986) *The emotions*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Frijda N. H. (2007) *The laws of emotion*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates.

Gibson J. J. (1986) *The ecological approach to visual perception*. Hillsdale, NJ: Erlbaum. (Original work published 1979)¹.

Hanfling O. (2002). *Wittgenstein and the human form of life*. London, UK: Routledge.

Hardin C. L. (1988). *Color for philosophers: Unweaving the rainbow*. Indianapolis, IN: Hackett.

Haselager W. F. G., Van Rappard J. F. H. (1998) Connectionism, systematicity, and the frame problem. *Minds and Machines*, (8):161–179. <http://dx.doi.org/10.1023/A:1008281603611>

Heft H. (2001) *Ecological psychology in context: James Gibson, Roger Barker, and the legacy of William James's radical empiricism*. Mahwah, NJ: Erlbaum.

Hutchins E. (1995) *Cognition in the wild*. Cambridge, MA: MIT Press.

Ingold T. (2021) *The Perception of the Environment: Essays on Livelihood, Dwelling and Skill* (1st ed.). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781003196662>

Ingold T. (2013) *Making: Anthropology, archaeology, art and architecture*. New York, NY: Routledge.

Jongeneel D., Withagen R., Caljouw S., & Smith J. (2014) *Affordances: Een bruikbaar concept voor architectuur, stedenbouw en design* [Affordances: A useful concept for architecture, urban planning and design]. Unpublished manuscript.

Kirsh D. (1991) Today the earwig, tomorrow man? *Artificial Intelligence*, 47(1–3): 161–184. [http://dx.doi.org/10.1016/0004-3702\(91\)90054-N](http://dx.doi.org/10.1016/0004-3702(91)90054-N)

Kiverstein J., Rietveld E. (2012) Dealing with context through action-oriented predictive processing. *Frontiers in Theoretical and Philosophical Psychology*, 3(421): 1–2. <http://dx.doi.org/10.3389/fpsyg.2012.00421>

Laland K. N., Odling-Smee J., Feldman M. W. (2000) Niche construction, biological evolution, and cultural change. *Behavioral and Brain Sciences*, 23 (1):131–146. <https://doi.org/10.1017/S0140525X00002417>

McDowell J. (1998) *Mind, value, and reality*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

1 Рус. перевод: Гибсон Дж. (1988) *Экологический подход к зрительному восприятию*. М.: Прогресс.

- Merleau-Ponty M. (2002) *Phenomenology of perception* (C. Smith, Trans.). London, UK: Routledge.
- Michaels C. F. (2003) Affordances: Four points of debate. *Ecological Psychology*, 15(2): 135-148. https://doi.org/10.1207/S15326969ECO1502_3
- Noë A. (2009) *Out of our heads: Why you are not your brain, and other lessons from the biology of consciousness*. New York, NY: Hill and Wang.
- Noë A. (2012) *Varieties of prescence*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Perry M. (2010) Socially distributed cognition in loosely coupled systems. *AI & Society*, 25: 387 — 400. http://dx.doi.org/10.1007/978-3-319-49115-8_2
- Reed E. S. (1996) *Encountering the world: Toward an ecological psychology*. Oxford, UK: Oxford University Press.
- Rietveld E. (2008) Situated normativity: The normative aspect of embodied cognition in unreflective action. *Mind*, 117(468): 973-1001. <https://doi.org/10.1093/mind/fzn050>
- Rietveld E. (2012) Bodily intentionality and social affordances in context. In F. Paglieri (Ed.), *Consciousness in interaction: The role of the natural and social context in shaping consciousness*, 207-226. Amsterdam, The Netherlands: Benjamins. <https://doi.org/10.1075/aicr.86.11rie>
- Rietveld E. (2012) Context-switching and responsiveness to real relevance. In J. Kiverstein & M. Wheeler (Eds.), *Heidegger and cognitive science: New directions in cognitive science and philosophy* (pp. 105-135). Basingstoke, Hampshire, UK: Palgrave Macmillan.
- Rietveld E., De Haan S., & Denys D. (2013) Social affordances in context: What is it that we are bodily responsive to? Commentary on Schilbach et al. *Behavioral and Brain Sciences*, 36(4): 436. <http://dx.doi.org/10.1017/S0140525X12002038>
- Rietveld R., Rietveld E., Bey J., Mackic A., Visser B., Van de Wiel E. & Zoeteman M. (2014). *Vacancy studies: Experiments and strategic interventions in architecture*. Rotterdam, The Netherlands: NAI010 Publishers.
- Sennett R. (2008) *The craftsman*. New Haven, CT: Yale University Press¹.
- Silva P., Garganta J., Araújo D., Davids K. & Aguiar P. (2013) Shared knowledge or shared affordances? Insights from an ecological dynamics approach to team coordination in sports. *Sports Medicine*, 43(9): 765-772. <http://dx.doi.org/10.1007/s40279-013-0070-9>
- Stein H. P. (1997) *The fiber and the fabric: An inquiry into Wittgenstein's views on rule-following and linguistic normativity* (Doctoral thesis, University of Amsterdam/ILLC, The Netherlands).
- Thompson E. (1995) Color vision, evolution and perceptual content. *Synthese*, 104(1): 1-32. <https://doi.org/10.1007/BF01063672>
- Thompson E. (2007) *Mind in life: Biology, phenomenology, and the sciences of mind*. Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press.

1 Рус. перевод: Сеннет Р. (2018) *Мастер*. М.: Strelka Press.

Varela F. J., Thompson E. & Rosch E. (1991) *The embodied mind: Cognitive science and human experience*. Cambridge, MA: MIT Press.

Wheeler M. (2005) *Reconstructing the cognitive world: The next step*. Cambridge, MA: MIT Press.

Whyte W. H. (Director) (1980) *The social life of small urban spaces* [Motion picture]. USA: Direct Cinema Limited. United States.

Withagen R., de Poel H. J., Araújo D. & Pepping G. J. (2012) Affordances can invite behavior: Reconsidering the relationship between affordances and agency. *New Ideas in Psychology*, 30(2): 250–258. <http://dx.doi.org/10.1016/j.newideapsych.2011.12.003>

Wittgenstein L. (1953) *Philosophical investigations*. Oxford, UK: Blackwell¹.

Wittgenstein L. (1978) Lectures on aesthetics. In L. Wittgenstein (Ed.), *Lectures and conversations on aesthetics, psychology and religious belief*, 1–40. Oxford, UK: Blackwell².

Wittgenstein L. (1983) *Remarks on the foundations of mathematics* (Rev. ed.). Cambridge, MA: MIT Press. (Original work published 1956)³.

Wittgenstein L. (1993) Cause and effect: Intuitive awareness. In J. C. Klagge & A. Nordmann (Eds.), *Philosophical occasions 1912–1951*, 368–426. Indianapolis, IN: Hackett.

Zukow-Goldring P. (1997) A social ecological realist approach to the emergence of lexicon: Educating attention to amodal invariants in gesture and speech. In C. Dent-Read & P. Zukow-Goldring (Eds.), *Evolving explanations of development: Ecological approaches to organismenvironment systems*, 199–250. Washington, DC: American Psychological Association.

Zukow-Goldring P. (2012) Assisted imitation: First steps in the seed model of language development. *Language Sciences*, 34(5): 569–582. <https://doi.org/10.1016/j.langsci.2012.03.012>

Эрик Ритвельд — профессор (именная профессура имени Сократа) Департамента философии, Института логики, языка и вычислений и Академического медицинского центра Университета Амстердама, сооснователь междисциплинарного и экспериментального бюро RAAAF [Rietveld Architecture-Art-Affordances].

Юлиан Киверстейн — доцент нейрофилософии Института логики, языка и вычислений Университета Амстердама. E-mail: d.w.rietveld@amc.uva.nl

1 Рус. перевод: Витгенштейн Л. (1994) *Философские исследования*. Витгенштейн Л. *Философские работы*: Ч. 1. М.: Гнозис: 75–319.

2 Рус. перевод: Витгенштейн Л. (1999) *Лекции и беседы об эстетике, психологии и религии*. М.: Дом интеллектуальной книги.

3 Рус. перевод: Витгенштейн Л. (2007) *Заметки по основаниям математики*. Раздел VI. *Epistemology & Philosophy of Science*, 12 (2): 220–240.

Рецензии

От имитаций разума к имитации контроля Рецензия на книгу: Пасквинелли М. (2024) Измерять и навязывать. Социальная история искусственного интеллекта, М.: Индивидуум

Рекомендация для цитирования:

Кралечкин Д.Ю. (2024) От имитаций разума к имитации контроля. Рецензия на книгу: Пасквинелли М. (2024) Измерять и навязывать. Социальная история искусственного интеллекта, М.: Индивидуум. *Социология власти*, 36 (2): 207-218. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-2-207-218>

For citations:

Kralechkin D.Yu. (2024) From Imitation of Mind to Imitation of Control. Book Review: Pasquinelli M. (2024) The Eye of the Master: A Social History of Artificial Intelligence, Individuum. *Sociology of Power*, 36 (2): 207-218. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-2-207-218>

Поступила в редакцию: 07.07.2024; прошла рецензирование: 10.07.2024; принята в печать: 11.07.2024
Received: 07.07.2024; Revised: 10.07.2024; Accepted for publication: 11.07.2024

This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© 2024 by the author(s).

ДМИТРИЙ Ю. КРАЛЕЧКИН

РАНХиГС, Москва, Российская Федерация

207

Работа Маттео Пасквинелли «Измерять и навязывать. Социальная история искусственного интеллекта» в современном теоретическом ландшафте может показаться анахронизмом. Действительно, в последние десятилетия философская и социологическая концептуализация техники оказалась в ситуации, где техника никак не может считаться «просто техникой», то есть некоторым необязательным дополнением, приемом или кунштюком, который можно было бы вывести за скобки. С одной стороны, техника представляется особым, независимым «слоем» реальности или отдельной эволюционной линией, развивающейся по собственной логике, — в том смысле, что предшественниками одних технологических форм могут быть только другие технологические формы. В каноничном виде такую позицию разработал Ж. Симондон [Simondon 1958], но впоследствии она была подхвачена во многих философских концепциях техники, в част-

ности постделеззианских. Техническое существование не сводится ни к общим законам природы (хотя каждый технический артефакт должен им удовлетворять), ни к действиям производителя или потребителя (хотя они и важны для производства и узуса техники). Можно сказать, что в этом случае восстанавливается система разных причин в стиле Аристотеля, указывающая на то, что материальная или действующая причина никогда не совпадает с формальной. И хотя формы молотка или дисководы не существуют извечно, в то же время они не являются всего лишь следствием их непосредственного производства. Техника, таким образом, онтологизируется и натурализуется, но не может быть выведена за скобки или же дедуцирована из какой-то другой реальности.

В другом варианте той же тенденции — представленной общим проектом ANT — техника «натурализуется», но уже в том смысле, что получает настолько полные и безоговорочные права гражданства, что само понятие обособленной «философии техники» оказывается устаревшим. Технические артефакты — это в таком случае подмножество множества кооперирующихся агентов, и в таком качестве они не занимают какой-то одной категориальной ячейки, но могут относиться к разным «модусам существования». Техника оказывается слишком общим, омонимическим понятием, требующим критического анализа, тем более в ситуации устранения базового различия технического и нетехнического (или природного). Принцип «следования за агентами» означает, что выделение какого-то специфического региона «техники» всегда остается своего рода философской схоластикой, да и «эволюция техники» сама по себе является скорее примером просвещенческого системотворчества, стремления описать развитие артефакта как последовательный прогресс, выступающий аналогом постоянного умножения знаний.

Пасквинелли, не полемизируя прямо с указанными направлениями («техника — это не просто техника»), по сути, выступает против обоих сразу. Декларативная задача исследования — набросать социальную историю искусственного интеллекта, то есть производства, обособления, автономизации и автоматизации определенных практик, социально маркируемых как «интеллектуальные». Методологическая база первой части книги, посвященной автоматизации индустриальной эпохи, представляет собой хрестоматийный исторический материализм, предполагающий, что техника существует как производное от общественных производительных сил и производственных отношений, а потому не может считаться ни независимым эволюционным «филумом», постепенно порождающим самого себя и создающим отдельный «слой» (вплоть до «новачена» Дж. Лавлока [Лавлок: 2022]), ни толпой агентов, растаскиваемых по принципиально разным практикам. Пасквинелли нужно

снова сделать технику техникой, то есть вернуть ей смысл дополнения, пусть даже с определенного момента обязательного и неизбежного, но в то же время объясняемого извне, экстериорно. Конечно, экстериорных историй техники хватает, и главная их проблема уже не в герметизации повествования, как при натурализации или онтологизации техники, а в необходимости ответить на два вопроса. Первый — что именно считать экстериорным, от чего отсчитывать реконструируемую социальную историю, что полагать «последней инстанцией», если говорить в марксистских категориях? И второй — как именно выстраивать соотношение между этой последней инстанцией и собственно предметом, экспланандумом исследования, как управлять дистанцией между ними? И если ответ на первый вопрос дает исторический материализм, то второй вопрос — о дистанции между экспланансом (производственными отношениями) и экспланандумом (различными формами автоматизации и, прежде всего, собственно интеллекта) — оказывается намного более сложным и не получает окончательного ответа.

Методологическая сложность второго вопроса, не учитываемая Пасквинелли напрямую, связана не только с тем, что техника представляла трудность и для классического исторического материализма, не став отдельным предметом исследования, но и с определенной теоретической экономией, в которой сложно найти точку равновесия. Попытка «вывести» технику из базовой социальной реальности, определяемой так или иначе, сталкивается с необходимостью в достаточной мере эту же технику автономизировать, чтобы ненароком не редуцировать ее полностью, но в то же время удерживать ее на дистанции доступной дедукции или хотя бы достаточно подробного объяснения, структура которого, однако, изначально не задана. Отчасти эту проблему удалось решить классическим концептом «надстройки» (политики, искусства и т. д.) в марксизме XX века, однако это потребовало перестройки концептуального аппарата и многолетних дискуссий. Отказ от решения этой проблемы грозит созданием достаточно наивного повествования, в котором восстановленный «социальный контекст» должен сам по себе объяснять технические артефакты, например, способом их производства или применения. В таком случае «социальной историей», не обязательно критической, может оказаться что угодно — например, биографии изобретений, рассказ об индустриальной экономике, достигаемой путем введения того или иного артефакта, социальные истории угнетения машинами или их использования в революционных целях и т. д.

Пасквинелли не избегает таких рисков, обусловленных дистанцией объяснения, на которой техника не должна ни слишком обособляться, ни превращаться в малозначительную подробность.

Нередко социальная история (и история медиа) становится у него описанием хорошо известных социальных процессов, не выходящим за пределы пересказа, — например, подробностей создания «разностной машины» Ч. Бэббиджа или отдельных производственных и социальных практик. Так, описание ведического ритуала Агничаяна как алгоритма [Пасквинелли 2024: 46-51] показывает, что ритуал служит, по сути, записью для самоисполнения (в том числе в строительных инструкциях, выполнение которых, то есть строительство алтаря, необходимо для проведения собственно ритуала). Однако какова бы ни была природа алгоритма Агничаяны (математики указывают на реализацию в нем техники пошаговой аппроксимации [Там же: 49]), генезис этого алгоритма остается скрыт, и, более того, сама его привязка к ритуалу оказывается под вопросом, поскольку вряд ли можно восстановить *необходимость* осуществления ведического ритуала именно в такой, математически изощренной форме (затем, предположим, ставшей основанием для формальных математических теорий, зафиксированных в сутрах), то есть ритуал уже дан в своей математизированной форме, но не вполне понятно, что именно это добавляет и к ритуалу, и к его математике. Проблема в том именно, что эта математическая форма уже слишком хорошо склеена с ритуалом, чтобы ее можно было из него вывести. Возможно, ритуал воспроизводится так же, как пчелами строятся соты — их геометрическая форма настолько плотно связана с самой их биологической «природой», что остается им предельно внешней, являясь результатом не их собственных действий, а их эволюции, а потому, по сути, объяснение практик пчел никак не объясняет строения сот. Последние, однако, являются по большому счету органами пчел (пусть и экзосоматическими), но не таков ритуал, который мог бы, вероятно, проходить и иначе, а раз так, нам не удастся отмотать ситуацию до того момента, когда рабочих, призванных каждый раз строить алтарь по строгим математическим формулам, потребовалось угнетать именно таким способом — изощренным и математическим.

Расширительное понимание алгоритма — как «конечной процедуры пошаговых инструкций для преобразования ввода в вывод вне зависимости от данных и с наилучшим использованием ресурсов» [Пасквинелли 2024: 49] — также не способствует аналитической строгости, поскольку такое определение сливается со многими формами правилосообразной деятельности (с соответствующим ей кругом вопросов, известных и по философии, и по социальной теории, в частности, в пункте «выполнения правил» [Крипке 2005]). Если алгоритмические практики представляют собой всего лишь «решение задач на основе правил» [Пасквинелли 2024: 51], тогда не вполне ясно, почему бы не взять в качестве примера алгоритма не только

очевидно математический ритуал, но и, скажем, обычаи проведения зимы, правила коронования и присяги, ритуалы посвящения в армии и колледжах и т.п. Ясно, что во всех этих случаях термин «алгоритм» мало что добавляет к исследуемой реальности, а погруженность таких алгоритмов в «общественную и материальную деятельность» оказывается самоочевидной и не слишком продуктивной в плане анализа.

Центральная и наиболее сильная часть работы Пасквинелли, посвященная анализу автоматизации в индустриальную эпоху, отчасти решает указанные проблемы, но, возможно, потому, что здесь мы оказываемся на хорошо размеченной территории классического марксистского анализа, где сама конечная инстанция — «производительные силы и производственные отношения» — определяется гораздо четче, чем сегодня. Компоновка трех авторов — А. Смита, К. Маркса и Ч. Бэббиджа — позволяет сформулировать «трудовую теорию автоматизации», предполагающую, что автоматизация труда, в том числе интеллектуального, следует строго за процессом разделения труда в его оформлении производственными отношениями. Функции станков — экстериоризированные функции рабочих, превращение их навыков и рутинизированных задач в технические приспособления, а потому один станок может объединять нескольких работников или, напротив, разбивать их на части, тогда как «реальные» работники получают другую функцию, например, оператора. Однако помимо традиционно выделяемой процедуры экстериоризации как основы для инструментализации, Пасквинелли, ссылаясь на Бэббиджа, акцентирует момент «метрики», заложенный в разделение труда, и ее формализации в условиях индустриального производства. Разделение труда требует метрирования, точной оценки вклада каждого работника потому именно, что обычно рабочие создают лишь промежуточный продукт (например, отдельные детали), а потому оценить их труд так же, как у ремесленника, невозможно. Распределение труда по автоматам означает в то же время и его хронометрирование, а потому и трудовая теория стоимости могла родиться только в условиях индустриального труда. Часы — не только элемент станков (включенный в само их устройство) и не только основа «разностной машины», но и сверхмашина: автоматизация нужна, прежде всего, для того именно, чтобы хронометрировать труд, «кодировать» его в новых условиях, и лишь во вторую очередь она возникает как следствие продуктивного разделения труда (в конце концов, последнее началось не в индустриальную эпоху и обходилось без автоматизации). Таким образом, автоматизация оказывается гибридным процессом: продуктивность труда в его разделении с самого начала коннотируется необходимостью контроля (со стороны собственника завода),

неразделенный труд (если таковой вообще возможен) не контролируем, и только доведение его до автоматизации позволяет совершенствовать контроль до бесконечности. Результат оказывается в какой-то мере парадоксален: автоматизация труда создала для рабочих ненадуманную угрозу остаться без рабочих мест (или по крайней мере потерять квалификацию как нечто неотчуждаемое от их физического навыка), но именно такое выведение рабочих за скобки и было нужно для их контроля. Хотя в таком виде Пасквинелли свой тезис не формулирует, контролировать рабочих можно лишь в том случае, если они находятся на грани перманентного «морального устаревания».

Некоторая проблематичность «трудовой теории автоматизации» заключается в ее всеобщности: хотя часовой механизм задействован во всей автоматике, достаточно сложно было бы выписать конкретный генезис определенных автоматов или станков из общей логики разделения труда и его метрирования. Сформулированный в явном виде проект автоматической «разностной машины» Ч. Бэббиджа, призванной автоматизировать ручной труд вычислителей, остается все же лишь отдельным и незавершенным примером автоматизации, не охватывающим весь ее феномен в целом. Не показывает Пасквинелли и того, насколько трудовая автоматизация *действительно* служила контролю — хотя она и создавала, допустим, горизонт метрирования рабочего времени, трудно предположить, что у владельцев производств не было других, гораздо более эффективных средств управления (через найм, ставки зарплаты, полицейские силы, частные детективные агентства и т.п.). Теория стоимости *уже выполнена* на уровне автоматизации производства, однако это создает несколько странную ситуацию — ее непризнания в буржуазной экономике, которая обходилась и обходится рыночными сигналами, так что, скажем, вознаграждение за труд в пределах производственной линии вряд ли должно и может руководствоваться автоматическим метрированием труда. Возможно, что автоматизация подготовила контроль планового типа, необходимый для социалистической экономики, но этот вопрос Пасквинелли не рассматривает, что потребовало бы, видимо, отдельной работы. В итоге получается, что «онтологически» социалистическое, на базовом уровне плановое производство (уже метрированное автоматикой) существовало и существует в интерфейсе «рынка». Тем не менее из аргументов Пасквинелли следует, что автоматика — это социализм (каждому по труду), но не вполне ясно, чем тогда может быть коммунизм.

Вторая, центральная, часть работы посвящена главному тезису Пасквинелли — генезису искусственного интеллекта из психометрии по кружной траектории через кибернетику и первые нейрон-

ные сети (перцептрон Ф. Розенблатта). Анализируя каноническую историю становления кибернетики и появления современных ЭВМ, Пасквинелли обращает внимание на ключевую роль столкновения гештальта и символических алгоритмов на раннем этапе кибернетики и на своеобразное снятие этого противоречия в нейронных сетях, которое было ознаменовано превращением «паттерна» в гегемонное понятие компьютерных наук. По сути, паттерн становится вычислительно реализуемым эквивалентом *гештальта* восприятия, который ранее считался прерогативой исключительно человеческого интеллекта. Иными словами, ставкой теперь становится отчуждение не вычислительных способностей человека (как в разностной машине, нацеленной на то, чтобы автоматизировать труд сидящих по домам «вычислителей» (*computers*), в основном женщин), а специфического «фирменного знака» человеческого как такового, то есть самой функции «распознавания» и «узнавания», сначала в зрительных образах, а затем и во множестве других медиумов — в языке, звуках, радиолокации и т.п. Связь с психометрией прослеживается Пасквинелли в импорте разработанных в ней техник и методологий в сферу нейронных сетей. Именно в психометрии опознание паттернов становится ключевым критерием изучения и ранжирования интеллектов людей (в том числе в «IQ»). Еще важнее то, что Розенблатт прямо применил психологический метод многовекторного анализа в реализации перцептрона. Таким образом, нейронные сети стали не «отрицанием» символического интеллекта, но своего рода надстройкой: реализуясь на основе классической архитектуры Неймана, они позволяют делать статистические выводы и обучаться в процессе настройки множества собственных параметров.

213

Отличие второй части работы состоит в том, что, несмотря на высокий уровень детализации, Пасквинелли не слишком опирается в ней на свой собственный историко-материалистический принцип, ограничиваясь, скорее, достаточно стандартной медиатеорией и медиаисторией, известной и по другим исследованиям (гештальт-психология — кибернетика — модель нейрона МакКаллока-Питтса — теории информации — нейронные сети — экономика Хайека). Генетическая связь перцептрона с психометрией остается слишком узкой, чтобы прямо утверждать происхождение одного из другого, скорее речь может идти об одном, наряду с множеством других, источнике идей. С другой стороны, даже если бы такая связь была ведущей, не вполне понятно, как она может реконструироваться на основе общей *детерминации* производственными отношениями. Конечно, психометрия была вписана в проект тейлоризации производства, но вопрос опять же в том, насколько ее «контрольная» функция была реальной и насколько она оставалась лишь элемен-

том корпоративно-бюрократического аппарата (то есть на заводе мог работать штатный психолог, но существует и множество других способов контролировать производство и рабочих). Пасквинелли подчеркивает необходимость выхода контроля в современной экономике за пределы одного завода, обусловленную значительным усложнением логистических и производственных цепочек в послевоенное время, то есть это аргумент от сложности. Однако международный рынок с его логистикой существовал и в XIX веке, и точно так же рынок периодически порождал крахи и кризисы, не снимаемые ни новейшими нейронными сетями, ни классической статистикой. До последнего десятилетия применение нейронных сетей было достаточно ограниченным, а во времена Розенблатта речь шла, по сути, о прототипах, создаваемых для получения военных грантов. Интересно, что описывая жесткую борьбу между сторонниками нейронных сетей и защитниками классического искусственного интеллекта, опровергнувшими возможности перцептронов (М. Минский и С. Пейперт), Пасквинелли, вероятно, подрывает тезис об историко-материалистической детерминации искусственного интеллекта: слишком большое количество сюжетных поворотов создает эффект «счастливого случая», то есть вся история ИИ могла бы сложиться иначе, если бы, к примеру, критика не была бы столь жесткой, а гранты распределялись иначе. Или, например, нейронные сети могли бы возникнуть существенно позже, в той ситуации, в которой, возможно, они уже не будут гомологичны логике рынка (если мы действительно утверждаем их гомологию, следуя несколько метафорическим выкладкам Хайека, который сам нейронных сетей, естественно, не строил).

Таким образом, вопрос о контроле, подхватываемом Пасквинелли у Делеза («Общество контроля»), распадается на два других вопроса: что именно в современной ситуации требует принципиально нового, по сравнению с индустриальной эпохой, качества контроля и как именно это качество обеспечивается нейронными сетями, построенными на распознавании образов? Но на оба этих вопроса Пасквинелли не дает полного и удовлетворительного ответа. Сложность связывания контроля в послевоенной экономике с необходимостью введения нейронных сетей заметна в том, что их идеологические обработки (у Хайека) были нацелены на своего рода контроль без контроля, то есть без «центральной станции», единой инстанции управления и т.п. Логика хайековского рынка, устраняющая директивный контроль и требующая свободной игры частных, но неполных знаний индивидуальных агентов, может быть описана как метафора нейронной сети, тогда как сама нейронная сеть описывается как метафора рынка (что широко применяется в программировании, где, например, отдельные вы-

числительные процессы требуют одних и тех же дефицитных ресурсов). Однако совмещение одной метафоры (бес)контрольности с другой никоим образом не доказывает *ужесточения* и существенного роста контроля, который, видимо, предполагает Пасквинелли. Может ли соединение двух метафор (бес)контрольности дать новый, невиданный контроль? Еще более проблематична позиция «хозяина» (из оригинального названия книги Пасквинелли «The Eye of the Master»): если «хозяин», то есть единая управляющая инстанция, исчезает и в рынке, и в топологии нейронной сети, тогда кто же в конечном счете осуществляет контроль? Ответ на этот вопрос потребовал бы исследования искусственного интеллекта как разновидности искусственной персоны, аналогичной государству, предпринятого не так давно, в частности Д. Рансименом [Runciman 2023], но Пасквинелли вопрос государства практически не затрагивает, предполагая самоочевидность принадлежности контроля, осуществляемого «через» нейронные сети, государству и крупным корпорациям. Конечно, можно было бы указать на всеобщую «цифровизацию», в том числе в «социальном рейтинге», однако в большинстве случаев она является продолжением статистических и бюрократических методов контроля, то есть паспортизацией с геолокализацией, не требующей собственно распознавания образов нейронными сетями, и еще сложнее установить детерминацию цифровизации современными производственными отношениями (скажем, развитием гиг-экономики). Возможно, более релевантный пример для аргументации Пасквинелли обнаруживается не в полицейском и государственном контроле, а в социальных сетях, но в них постоянное метрирование пользователей нацелено, прежде всего, на решение проблемы распределения товаров в условиях насыщения рынка. То есть это контроль, но не производителя или рабочего, а потребителя.

215

Согласно Пасквинелли, ставка на нейронные сети и техники распознавания в конечном счете меняют саму нашу концепцию интеллекта, который перестает быть априорной логической или дедуктивной машиной, становясь своего рода социальным конструктом, самообучающейся экстериторной машиной социально релевантного знания: «Акт распознавания или классификации паттернов — особый вид умственного труда, глубоко социальный акт, который мобилизует неявные и явные ноу-хау, научные и традиционные таксономии, народные и технические грамматики, то есть создание знаний как исторический и зачастую противоречивый процесс» [Пасквинелли 2024: 322]. Нейронные сети — обучающаяся машина, обучить ее можно чему угодно (на что указывает быстрое подхватывание нейронными сетями расистских предубеждений в интернете), но нет ничего, что нужно выучить обязательно, нет никакого

«содержания» интеллекта, даже чисто логического. Нейронную сеть можно научить делать неправильные логические выводы и проводить неправильные арифметические операции. Соответственно, Пасквинелли приходит к выводу: «Семиотическая структура классификатора (машины имитации) подтверждает то, что заявлял Выготский: в интеллекте нет доступной для обнаружения внутренней логики, поскольку по своему устройству он представляет собой социальный процесс» [Там же: 322-323]. То есть, по сути, интеллекта, разума не существует, а существует лишь социальная структура обучения, ориентируемая механизмами подкрепления, формально описанными кибернетикой. Но изменение в статусе интеллекта затрагивает в конечном счете и положение исторического материализма как теории исторического разума. Действительно, вслед за Гегелем Маркс понимал процесс разделения труда (и, соответственно, автоматизации) как развитие объективного духа, то есть глобальную логику, постепенно восходящую ко все более сложным и в конечном счете справедливым формам. Фигуры *Gesamtarbeiter* (совокупного рабочего) и всеобщего интеллекта указывают именно на внутреннюю логику объективного духа, пусть и реализованного в самой материи производства. Но если нейронные сети полностью описывают само понятие интеллекта, который становится механизмом эволюционного приспособления (что, собственно, и утверждает современная англо-американская философия сознания, подписывающаяся под эволюционизмом и отрицающая наличие какой-то особой сущности у интеллекта), тогда методологическая база исторического материализма, да и марксистского анализа ИИ полностью подрывается. Парадоксальным образом существует видимость, симулякр интеллекта, но нет «самого интеллекта» (и под этим выводом тоже могли бы подписаться некоторые ведущие философы сознания и когнитивисты). Пасквинелли, разумеется, не делает такого вывода, указывающего на необоснованность его первой части, однако он угадывается в стилистическом отличии его исследования от, например, работ М. Хардта и А. Негри [Хардт, Негри 2004], двадцать лет назад предполагавших, во вполне классическом русле, что «всеобщий интеллект» развивается в некоторой объективной логике наращивания собственного могущества, какое обязательно приведет к радикальным социальным переменам. Пасквинелли не делает подобных революционных или пророческих выводов, да и не может их сделать, ограничиваясь кратким обсуждением возможности передачи вычислительных мощностей ведущих корпораций в руки сообщества (то есть речь не о переходе всеобщего интеллекта к новой социальной формации, а об обобществлении или, возможно, национализации компаний, владеющих нейронными сетями). Радикальный сдвиг — от объективного духа

к имитационному искусственному интеллекту — остается в его тексте скрытым.

В конечном счете именно миметизм искусственного интеллекта, возможно, является его наиболее показательной чертой. Смещение в сторону миметизма происходит уже в тесте Тьюринга, то есть на стороне только-только разрабатываемой классической архитектуры ЭВМ и символического интеллекта. Неотличимое подражание как принцип интеллекта открывает лазейку для создания интеллекта как того, что «только похоже на интеллект», но без необходимости исследовать его мифическую внутреннюю сущность. Соответственно, и наиболее эффективное действие нейронных сетей обнаруживается не в воспроизведении неких продуктивных или производственных действий, но в неотличимой имитации или генерации того, что может генерировать и обычный человек (текста, опознания), хотя, например, для имитации речи современному ИИ требуется намного больший массив данных для обучения, чем ребенку. Но если так, не затягивается ли в эту имитационную воронку и сам «контроль», как ведущий ориентир для ИИ? Собственно, задача ИИ — не дать в руки «власть имущим» (кем бы они ни были) более эффективные инструменты, а скорее создать некую видимость контроля, по модели потребительских подсказок и рекомендаций, которые зачастую не совпадают с желаниями потребителей, но что с того, если они почти ничего не стоят и иногда все же попадают в цель? Обещанный прецизионный контроль на деле заменяется контрольной взвесью, контролирующим первичным бульоном, с постоянно растущей концентрацией стимулирующих и получающих фидбек имитационно-интеллектуальных механизмов, которые все совершенно слепы, но иногда все же оказывают контролирующий (или, что то же самое, «продающий») эффект. Видеокамеры в подъездах могут не работать, но они все же создают отпугивающий эффект, то есть работают цифровыми пугалами. И хотя каждый сможет увернуться от одного или десятка таких механизмов, вряд ли можно убежать от миллионов слепых имитаций контроля.

217

Библиография / References

Пасквинелли М. (2024) *Измерять и навязывать. Социальная история искусственного интеллекта*, Индивидуум.

— Pasquinelli M. (2024) *The Eye of the Master: A Social History of Artificial Intelligence*, Individuum. — in Russ.

Крипке С. (2005) *Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке*, Издательство Томского университета. EDN: QKIBQQ

— Kripke S. (2005) *Wittgenstein on Rules and Private Language*, Toms University Press. — in Russ.

Лавлок Дж.; при участии Эпплъярда Б. (2022) *Новацен: Грядущая эпоха сверхразума*, Европейский университет в Санкт-Петербурге.

— Lovelock J., Appleyard B. (2022) *Novacene: The Coming Age of Hyperintelligence*, European University at St. Petersburg. — in Russ.

Хардт М., Негри А. (2004) *Империя*, Праксис. EDN: QODCNV

— Hardt M., Negri A. (2004) *Empire*, Praxis. — in Russ.

Simondon G. (1958) *Du mode d'existence des objets techniques*, Éditions Aubier-Montaigne.

Runciman D. (2023) *The Handover: How We Gave Control of Our Lives to Corporations, States and Ais*, Profile Books.

Краlechкин Дмитрий Юрьевич — кандидат философских наук, младший научный сотрудник Центра перспективных социальных исследований ИОН РАНХиГС, член редколлегии журнала «Логос». Научные интересы: онтология, история французской философии XX века. E-mail: kralechkin@gmail.com

218 *Dmitriy Yu. Kralechkin* — PhD, junior research fellow of the Center for Perspective Social Studies of ISS RANEPА, member of the editorial board of the “Logos” journal. Research interests: ontology, history of French philosophy of the 20th century. E-mail: kralechkin@gmail.com

Эпидемии и самоизоляция на Востоке

Рецензия на книгу: Эпидемии, уединение, дистанцирование: многовековой путь Востока: коллективная монография (2023).
Сост. и отв. ред. И. А. Царегородцева,
М.: Издательский дом Высшей школы экономики

Рекомендация для цитирования:

Михель И. В. (2024) Эпидемии и самоизоляция на Востоке. Рецензия на книгу: Эпидемии, уединение, дистанцирование: многовековой путь Востока: коллективная монография / сост. и отв. ред. И. А. Царегородцева. Москва: Издательский дом ВШЭ, 2023. *Социология власти*, 36 (2): 219-225.
<https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-2-219-225>

For citations:

Mikhel I. V. (2024) Epidemics and Self-Isolation in the East. Book Review: Epidemics, Seclusion, Distancing: The Centuries-Old Path of the East: Collective Monograph. Ed. by Irina A. Tsaregorodtseva. Moscow: HSE Publishing House, 2023. *Sociology of Power*, 36 (2): 219-225.
<https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-2-219-225>

Поступила в редакцию: 19.06.2024; прошла рецензирование: 01.07.2024; принята в печать: 03.07.2024

Received: 19.06.2024; Revised: 01.07.2024; Accepted for publication: 03.07.2024

This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© 2024 by the author(s).

Ирина В. Михель

Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-2916-4653

Издательский дом Высшей школы экономики выпустил в свет монографию, посвященную социокультурным аспектам эпидемий и самоизоляции на Востоке. В предисловии к изданию сообщается, что «данная монография стала продолжением научного проекта «Социальное дистанцирование и самоизоляция на Востоке: традиции и современность», начатого в 2020 г.», а сам «проект нацелен на то, чтобы выяснить, какова в государствах и обществах Востока роль традиционных структур в урегулировании современных кризисов, связанных с распространением коронавирусной инфекции» [с. 7]. Учитывая, что недавно завершившаяся пандемия COVID-19 привела к появлению целого шквала научных публикаций подобного рода, необходимо все же признать, что исследований, освещающих востоковедческую перспективу вопросов, связанных с эпидемиями, все же было не так много, как хотелось бы, равно как и публикаций о том, как восприняли эту пандемию эксперты из стран Востока [Михель, Михель 2022].

219

В монографии представлено 15 статей, подготовленных 21 автором, большинство из которых представляют Школу востоковедения факультета мировой экономики и мировой политики НИУ «Высшая школа экономики» (Москва). Текст издания разделен на четыре части, в которых представлены материалы, сгруппированные по региональному признаку, — Восточная Азия (Япония, Корея, Китай), Южная Азия (Индия), Ближний Восток (сирийская традиция, средневековые тюркские и арабские общества, Египет времен мамлюков, современный исламский мир) и Африка. Профессиональные интересы большинства авторов находятся в стороне от такой области знания, как социология медицины, но подступиться к социальным проблемам эпидемиологии, гигиены и санитарии, общественного здравоохранения в той или иной степени им удалось. В этом смысле необходимо отметить, что данная монография будет интересна не только востоковедам, но и социологам медицины — последним она, несомненно, даст новую пищу для размышлений, позволив взглянуть на свой предмет с непривычной стороны.

220

В статье Е. С. Штейнера, раскрывающей тематику социального дистанцирования, рассматриваются традиционные для Японии практики «удаления от скверны». В поле зрения автора — вопрос о том, как представители элитарной и народной культур Страны восходящего солнца реагировали на социальные катастрофы. В качестве последних выступают эпидемии заразных болезней, междоусобные войны, гражданские смуты, которые неизменно подтачивали социальное единство. Ответом японского общества на эти беспорядки в историческом плане стали хорошо разработанные ритуалы и практические действия, призванные отделить индивида от «скверны». В их числе омовения рук и рта в прихрамовых онсэнгах — открытых горячих источниках, повсеместно используемых для лечения различных болезней, реальные и виртуальные формы отшельничества и т.п.

Н. А. Чесноков представляет целую панораму реакций корейского общества периода Чосон (1392–1897) на различные заболевания и эпидемии. В поле зрения автора народные поверья и стереотипы, официальная и народная медицинские традиции, а также проникшие с Запада современные медицинские методы профилактики, связанные с вакцинацией, гигиеной и санитарией, введением карантинных. По его словам, «история борьбы корейского правительства с эпидемиями — это одновременно история борьбы с суевериями, мистицизмом и попытка обрести собственный уникальный не-китайский путь. Также это печальное свидетельство разобщенности “верхов” и “низов” корейского общества, в разной степени имевших доступ к медицине, к лекарственным препаратам, к знаниям» [с. 76]. Между тем в конце XIX в. на Корейском полуострове традици-

онная медицина вступила в тесное взаимодействие с медициной западного образца, разграничив с ней свои сферы влияния. Существование обеих медицинских систем в настоящее время является фактом, накладывающим отпечаток на жизнь всего корейского общества.

История Маньчжурской чумы 1910–1911 гг. описана в научной литературе со всех сторон, однако в статье А. В. Михалева «“Запретные земли” Внутренней Азии: от малых лимитрофов к санитарным кордонам» этот сюжет представлен в новой оригинальной перспективе. Автор показывает, что вплоть до XIX в. территория Цинской империи была отделена от пространств Внутренней Азии (Маньчжурии, Монголии, Халхи и других районов) как физически — Ивовым палисадом, так и ментально. Однако начало модернизации Китая, вызванное проникновением в материковую часть страны западных держав, а также «открытие» Маньчжурии русскими, вызвало стремление со стороны Цинских властей закрепить за собой эти «запретные земли» и послужило началом китайской колонизации. Потоки китайцев, незнакомых с пищевыми и гигиеническими традициями соседних народов, появившись в Маньчжурии, оказались на территориях, эндемичных для бубонной чумы. Строительство КВЖД, развернувшееся на рубеже XIX–XX вв., привело к разбалансировке местной экосистемы и массовым заражениям чумой среди пришлого китайского населения. По замечанию автора, решением данной проблемы стало введение карантинных мероприятий, которые в ментальном и культурно-историческом плане представляли собой не что иное, как попытку восстановить уничтоженные границы между территорией, населенной ханьцами, и прежней Внутренней Азией.

221

У. П. Стрижак в статье «Социальное дистанцирование в традиционном и современном японском обществе: лингвистическое измерение» отмечает тенденцию к упрощению и демократизации в японском обществе, причиной которой является снижение социальной роли элитных групп. Отражением этой тенденции в лингвистическом плане является отказ от свойственных японскому языку традиционных форм обращения, формул вежливости, а также сокращения социальной дистанции. Подобные процессы отмечаются также в английском и русском языках. По словам автора, «на сегодняшний день в японском общественном дискурсе просматривается тенденция к сокращению социальной дистанции за счет упрощения и унификации языковых и речевых формул, размывания критериев разграничения употребления выражений, свойственных определенным социальным группам» [с. 115–116]. Несмотря на то что тема COVID-19 в данной статье никак не была затронута, все же можно признать, что через анализ вопроса о лингвисти-

ческом измерении социальной дистанции автор смогла уточнить наше понимание того, как японцы справлялись с вынужденными ограничениями и самоограничениями в условиях этого глобального кризиса.

Вопрос о том, как коронавирусная эпидемия изменила социальную жизнь в японском и китайском обществах, обсуждается еще в двух статьях. А. А. Долин сделал предметом своего рассмотрения *хикикомори* — добровольных затворников из числа представителей нового японского поколения, скрывающихся от внешнего мира в своих городских квартирах, не желающих нигде работать и живущих в основном за счет средств родителей и помощи близких родственников. В свою очередь Л. С. Веселова рассматривает обычай *гуаньси* — неформальные отношения, сопровождающиеся практикой делать взаимные подарки, ходить в гости и оказывать услуги. Если в традиционном Китае гуаньси служили средством укрепления социальных связей в рамках реальной коммуникации между знакомыми и незнакомыми людьми, то в эпоху COVID-19 из-за вынужденных ограничений на непосредственные социальные контакты стало наблюдаться распространение гуаньси в рамках интернет-коммуникации, осуществления онлайн-покупок и деловых контактов, опосредованных цифровыми технологиями.

Случай Индии освещается в работах Д. Н. Воробьевой и Г. Б. Копелиович. Первая из них посвящена отражению идей аскезы в ранне-средневековой индийской скульптуре — буддистской, джайнистской и индуистской. Образы Будды, Шивы, Парвати служили духовным увещанием для адептов индийских религий в прошлом и продолжают оставаться наглядным пособием для тех, кто ищет духовной чистоты и уединения в наше время. Вторая статья посвящена индийской традиционной медицине Аюрведе и ее потенциалу в противодействии коронавирусной инфекции. Как показывает Г. Б. Копелиович, несмотря на идеологическую поддержку Аюрведы со стороны национального правительства, о каком-либо значительном вкладе этой медицинской традиции в борьбу с COVID-19 говорить крайне сложно, поскольку Аюрведе в основном отводятся место «в области поддержания здорового образа жизни, но не лечения тяжелых заболеваний» [с. 211].

Ближневосточные практики социального дистанцирования и реагирования на эпидемии рассматриваются в шести статьях. А. В. Муравьев сделал предметом своего исследования одиночество в сирийской традиции. Согласно его выводам, западно-сирийская традиция одиночества, странничества, легла в основу восточно-христианских и византийских практик отшельничества, целью которых было духовное очищение странника и его последующее возвращение в мир, тогда как восточно-сирийская, мироотече-

ние, оказалась теснее связана с южноазиатскими религиозно-философскими традициями, направленными на полный уход из мира и борьбы с собственными страстями. М. А. Алонцев анализирует «благочестивое уединение» ранних мусульманских аскетов и суфиев. Как и в случае с сирийскими традициями одиночества, в раннем исламе практика отшельничества была вынуждена балансировать между полным уходом из мира и необходимостью исполнять мирские обязанности. На примере эволюции «суфийской науки» автор показывает, как был достигнут компромисс между этими крайностями.

Т. А. Аникеева проводит текстологический анализ средневековой тюркской литературы и выявляет в ней целый пласт терминов, касающихся практик личной гигиены. «Словарь тюркских наречий» Махмуда Кашгарского, «Книга моего деда Коркута» и другие проштудированные ей тексты позволяют судить о том, что кочевые народы Средневековья были столь же увлечены вопросами чистоты души и тела, как и их соседи из аграрных обществ.

В совместной статье А. В. Зелтыня и Л. А. Зелтынь «Арабоязычные авторы раннего Средневековья о борьбе с эпидемиями» представлен уникальный анализ целого корпуса арабских источников IX–XV вв. Показано, что арабских авторов этих столетий можно условно разделить на три группы — «романтиков, прагматиков и летописцев». Несмотря на различия между ними, всех их объединяет крайне серьезное отношение к эпидемиям, которое проявляется в том числе в их стремлении убедить своих современников в необходимости соблюдения карантина [с. 284]. Имея в виду тот факт, что в данной статье были использованы прежде всего оригинальные арабские тексты, статья А. В. Зелтыня и Л. А. Зелтынь может оказаться крайне ценной для специалистов по социологии медицины, не имеющих доступа к оригинальным арабским сочинениям.

223

Статья «И навлекли на себя гнев Всевышнего...» М. Ю. Илюшина посвящена истории эпидемий в государстве мамлюков с 1250 по 1517 г. Автор показывает, что богобоязненные правители Египта при болезнях стремились раздавать свое имущество в надежде снискать прощение Всевышнего и исцеление. На период правления мамлюков пришлось одна из самых страшных эпидемий XIV в. — Черная смерть. Отталкиваясь от оригинальных арабских источников и целого ряда недавних исследований об истории эпидемий на Ближнем Востоке, автор делает вывод о том, что эпидемии вели к постепенному ослаблению власти мамлюков и снижению боеспособности их армии.

В статье И. А. Царегородцевой и В. А. Цеха обсуждается вопрос о том, какое влияние оказала пандемия COVID-19 на мусульманское право. Предпринятый ими анализ показывает, что мусульман-

ские правоведы для предотвращения распространения инфекции вынуждены были прибегнуть к закрытию мечетей и прекращению паломничества мусульман в священные города Мекку и Медину, а также напомнили о важности раздачи милостыни как средства достижения спасения и исцеления. Кроме того, современные дискуссии с участием мусульманских правоведов в очередной раз начиная с XIX в. показывают, что значительная часть мусульманских реформаторов выступает за то, чтобы приспособить мусульманское право к современным реалиям.

Заключительная статья монографии была подготовлена А. А. Масловым, П. А. Слюсарчук и К. М. Бакашевой. Она посвящена изучению взаимодействия государственных и традиционных институтов в странах Африки в поиске моделей реагирования на пандемию. В фокусе внимания авторов находится большая группа стран Африканского континента — от Алжира до ЮАР, а также опыт совместного противодействия их правительств и традиционных институтов управления (местных сообществ) коронавирусной инфекции. Как показывают авторы, роль традиционных институтов в Африке в последние десятилетия постоянно усиливается, и они играют важную роль как во внутривнутриполитической жизни своих стран, так и в борьбе с такими острыми кризисами, как эпидемии. «Динамика взаимодействия традиционных институтов с правительственными структурами... начала пандемии COVID-19 продемонстрировала, что опыт борьбы с предыдущими эпидемиями на национальном уровне (такими как СПИД, лихорадка Эбола и полиомиелит) сформировал прочную основу для сотрудничества традиционных институтов и государств в данной сфере, определил форматы этого сотрудничества и позволил не терять обеим сторонам время на эксперименты» [с. 359].

Вышедшая монография стала не только откликом на пандемию COVID-19, но и позволила убедиться в том, что на пересечении социологии медицины и востоковедения есть место для интересных дискуссий. По этой причине она может быть рекомендована для чтения всем, кто интересуется этими направлениями современного социально-гуманитарного знания.

Библиография / References

Эпидемии, уединение, дистанцирование: многовековой путь Востока: коллективная монография (2023). Сост. и отв. ред. И. А. Царегородцева. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2023. 384 с.

— *Epidemics and Self-Isolation in the East. Book Review: Epidemics, Seclusion, Distancing: The Centuries-Old Path of the East: Collective Monograph* (2023). Ed. by Irina A. Tsaregorodtseva. Moscow: HSE Publishing House. — in Russ.

Михель Д. В., Михель И. В. (2022) Пандемия COVID-19 как глобальный кризис: взгляд азиатских экспертов. *Россия и современный мир*, (2): 67–84. EDN: YWWTYH. <https://doi.org/10.31249/rsm/2022.02.03>

— Mikhel D. V., Mikhel I. V. (2022). COVID-19 pandemic as a global crisis: Asian experts' view. *Russia and the Contemporary World*, 2: 67–84. — in Russ <http://10.0.4.87/10.31249/rsm/2022.02.03>

Михель Ирина Владимировна — кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник Отдела Азии и Африки ИНИОН РАН. Научные интересы: медицинская антропология, востоковедение, история медицины. ORCID: 0000-0002-2916-4653. E-mail: irinamikhel@yandex.ru

Irina V. Mikhel — senior researcher, division of Oriental and African studies, INION RAN. Research interests: medical anthropology, oriental studies, history of medicine. ORCID: 0000-0002-2916-4653. E-mail: irinamikhel@yandex.ru

Авторы

Белов Михаил Дмитриевич — стажер-исследователь МЦИИР НИУ ВШЭ (Международный центр изучения институтов и развития, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»), стажер-исследователь; аспирант UCLA. Научные интересы: политическая коммуникация, конверсационный анализ, лингвистическая антропология, социология права, социология медиа. ORCID: 0000-0001-8848-2726. E-mail: mikaelbelov@gmail.com

Волкова Наталия Алексеевна — MA in Sociology (University of Manchester), магистр градостроительства (ВШУ НИУ ВШЭ), руководитель проектов компании BISAM Central Asia, Алматы, Казахстан. Научные интересы: социальная топология, социология права, социология города. ORCID: 0000-0002-6798-963X. E-mail: chestrek@gmail.com

226

Жданов Андрей Игоревич — стажер-исследователь Центра изучения стабильности и рисков НИУ ВШЭ, аспирант РЭУ им Г. В. Плеханова. Научные интересы: режимные трансформации, революции, политическая нестабильность, теория революций, демократический транзит. ORCID: 0000-0002-4492-7903. E-mail: andreizhdanov998@gmail.com

Михель Ирина Владимировна — кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник Отдела Азии и Африки ИНИОН РАН. Научные интересы: медицинская антропология, востоковедение, история медицины. ORCID: 0000-0002-2916-4653. E-mail: irinamikhel@yandex.ru

Оганян Давид Вячеславович — врач-психиатр, Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет им. академика И.П. Павлова; независимый исследователь, магистр социологии, Европейский университет в Санкт-Петербурге (ЕУСПБ). Научные интересы: медицинская антропология, социальные исследования психиатрии. E-mail: d.v.ohnn@gmail.com

Петрова Дарья Вячеславовна — стажер-исследователь Лаборатории экономико-социологических исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Научные интересы: медиапотребление, доверие новостям. ORCID: 0009-0004-4758-7707. E-mail: d.petrova@hse.ru

Рогозин Дмитрий Михайлович — кандидат социологических наук, заведующий Лабораторией полевых исследований ИНСАП РАНХиГС; старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН. Научные интересы: цифровая антропология, социология маргинальности. ORCID: 0000-0001-7879-1111. E-mail: rogozin@ranepa.ru

Казун Анастасия Дмитриевна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории экономико-социологических исследований, доцент факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Научные интересы: медиапотребление, общественное мнение. ORCID: 0000-0002-9633-2776. E-mail: adkazun@hse.ru

Казун Антон Павлович — кандидат социологических наук, директор Института анализа предприятий и рынков, доцент факультета экономических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Научные интересы: социология права, институциональная экономика. ORCID: 0000-0002-0091-5388. E-mail: akazun@hse.ru

227

Клепикова Анна Александровна — кандидат социологических наук, доцент и декан факультета антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге. Область научных интересов: социальные исследования здоровья и медицины, исследования инвалидности, качественная методология в социальных науках. ORCID: 0000-0003-2703-5417. E-mail: aklepikova@eu.spb.ru

Коротяев Андрей Витальевич — профессор, доктор исторических наук, директор Центра изучения стабильности и рисков НИУ ВШЭ, главный научный сотрудник, Институт Африки РАН. Научные интересы: социология революций, политические конфликты, причины восстаний, математическое моделирование, прогнозирование. ORCID: 0000-0003-3014-2037. E-mail: akorotayev@gmail.com

Кралечкин Дмитрий Юрьевич — кандидат философских наук, младший научный сотрудник Центра перспективных социальных исследований ИОН РАНХиГС, член редколлегии журнала «Логос». Научные интересы: онтология, история французской философии XX века. E-mail: kralechkin@gmail.com

Минаков Артемий Алексеевич — аналитик социальных исследований, исследователь НЦ «Институт междисциплинарных медицинских исследований» Европейского университета в Санкт-Петербурге, врач реаниматолог-неонатолог. Область научных интересов: соци-

альные исследования здоровья и медицины, социология профессий, неонатология. ORCID: 0009-0008-7498-3026. E-mail: aminakov@eu.spb.ru

Новкунская Анастасия Андреевна — PhD in Social Sciences, доцент факультета социологии, ассоциированный профессор по качественным исследованиям здоровья и медицины НЦ «Институт междисциплинарных медицинских исследований» Европейского университета в Санкт-Петербурге. Область научных интересов: социология здоровья и медицины, социология профессий и организаций, гендерные исследования, качественная методология в социальных науках. ORCID: 0000-0001-9729-6941. E-mail: anovkunsкая@eu.spb.ru

Утехин Илья Владимирович — антрополог, к.и.н., ассоциированный исследователь, Европейский университет в Санкт-Петербурге (ЕУСП). Научные интересы: анализ коммуникативного взаимодействия, социальная и культурная антропология. ORCID: 0000-0002-1176-6330. E-mail: ilia@eu.spb.ru

Authors

Mikael D. Belov — research Intern at International Center for the Study of Institutions and Development, National Research University Higher School of Economics, research intern; graduate student at UCLA. Research interests: political communication, conversation analysis, linguistic anthropology, sociology of law, media sociology. ORCID: 0000-0001-8848-2726. E-mail: mikaelbelov@gmail.com

David V. Oganyan — psychiatrist, Ivan Pavlov First St. Petersburg State Medical University; independent researcher, Master of Sociology, European University at St. Petersburg (EUSP). Research interests: medical anthropology, social study of psychiatry. E-mail: d.v.ohnn@gmail.com

Daria V. Petrova — research Assistant at the Laboratory for Studies in Economic Sociology, HSE University. Research interests: media consumption, news trust. ORCID: 0009-0004-4758-7707. E-mail: d.petrova@hse.ru

229

Dmitry M. Rogozin — candidate of Sociological Sciences, Chief of the Laboratory for Field Research, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of Russian Federation (RANEPa); Chief Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS. ORCID: 0000-0001-7879-1111. E-mail: rogozin@ranepa.ru

Anastasia D. Kazun — PhD in Sociology, Senior Research Fellow at the Laboratory for Studies in Economic Sociology, Associate Professor at the Faculty of Social Sciences, HSE University. Research interests: media consumption, public opinion. ORCID: 0000-0002-9633-2776. E-mail: ad-kazun@hse.ru

Anton P. Kazun — PhD in Sociology, Director of the Institute for Industrial and Market Studies, Associate Professor, Faculty of Economic Sciences, National Research University Higher School of Economics. Research interests: sociology of law, institutional economics. ORCID: 0000-0002-0091-5388. E-mail: akazun@hse.ru

Andrey V. Korotaev — professor, Doctor of Historical Sciences, Director of the Centre for Stability and Risk Analysis, HSE University, Chief Researcher, Institute for African Studies RAS. Research interests: sociology of revolutions, political conflicts, causes of uprisings, math-

emational modeling, forecasting. ORCID: 0000-0003-3014-2037. E-mail: akorotayev@gmail.com

Dmitriy Yu. Kralechkin — PhD, junior research fellow of the Center for Perspective Social Studies of ISS RANEPa, member of the editorial board of the “Logos” journal. Research interests: ontology, history of French philosophy of the 20th century. E-mail: kralechkin@gmail.com

Irina V. Mikhel — senior researcher, division of Oriental and African studies, INION RAN. Research interests: medical anthropology, oriental studies, history of medicine. ORCID: 0000-0002-2916-4653. E-mail: irin-amikhel@yandex.ru

Artemiy A. Minakov — social research analyst, Research fellow at the Institute for Interdisciplinary Health Research, European University at St. Petersburg, neonatologist-resuscitator. Research fields: social studies of health and medicine, sociology of professions, neonatology. ORCID: 0009-0008-7498-3026. E-mail: aminakov@eu.spb.ru

230

Anastasia A. Novkunskeya — PhD in Social Sciences, Associate Professor at the Faculty of Sociology, Associate Professor on Qualitative Health and Medicine Research at the Institute for Interdisciplinary Health Research at the European University at St. Petersburg. Research fields: sociology of health and medicine, sociology of professions and organizations, gender studies, qualitative methodology in social sciences. ORCID: 0000-0001-9729-6941. E-mail: anovkunskeya@eu.spb.ru

Anna A. Klepikova — PhD in Social Sciences, Associate professor and dean of the Department of Anthropology at the European University at St. Petersburg. Research fields: social studies of health and medicine, disability studies, qualitative methodology in social sciences. ORCID: 0000-0003-2703-5417. E-mail: aklepikova@eu.spb.ru

Ilya V. Utekhin — anthropologist, PhD (cand. sci.), associate researcher, European University at St. Petersburg. Research interests: study of communicative interaction, social and cultural anthropology. ORCID: 0000-0002-1176-6330. E-mail: ilia@eu.spb.ru

Andrew I. Zhdanov — intern Researcher at the Centre for Stability and Risk Analysis, HSE University, Postgraduate Student of the Plekhanov Russian University of Economics. Research interests: regime transformations, revolutions, political instability, theory of revolutions, democratic transition. ORCID: 0000-0002-4492-7903. E-mail: andreizhdanov998@gmail.com

Natalia A. Volkova — MA in Sociology (University of Manchester), Master of Urban Development (Vysokovsky Graduate School of Urbanism, Higher School of Economics), Project Lead, BISAM Central Asia, Almaty, Kazakhstan. Research interests: social topology, sociology of law, urban sociology. ORCID: 0000-0002-6798-963X. E-mail: chestrek@gmail.com

Научный и общественно-политический журнал

СОЦИОЛОГИЯ

ВЛАСТИ

Том 36, № 2 (2024)

Дизайн Трушина Е. В.
Корректурa Кроль И. Е.
Верстка Меерсон А. В.

Учредитель:
Российская Академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ

ISSN 2074-0492 (Print)
ISSN 2413-144X (Online)

119571, Россия, Москва, пр-кт. Вернадского, д. 82
Редакция журнала «Социология власти»

<https://socofpower.ranepa.ru>

E-mail: soc.of.power@gmail.com

Цена свободная
Подписано в печать: 20.07.2024
Дата выхода в свет: 30.07.2024
Формат 70×100/16
Тираж 500 экз.
1-ый завод (1-50 экз.)

Отпечатано в типографии ИД «ДЕЛО»
119571, Москва, пр-кт Вернадского, 82